

Министерство образования РСФСР

Нижегородский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт им. М. Горького

В. М. СТРОГЕЦКИЙ

**ПОЛИС И ИМПЕРИЯ
В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ**

Учебное пособие

**Н. НОВГОРОД
1991**

Печатается по решению редакционно-издательского совета Нижегородского государственного педагогического института им. М. Горького

УДК 938

Строгеецкий Владимир Михайлович

Полис и империя в классической Греции: Учебное пособие. — Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. — 244 с., с ил.

В учебном пособии рассматриваются пути развития спартанского и афинского полисов и особенности их общественно-политического строя; анализируются характер и устройство гегемониальных политических союзов греческих государств, причины роста афино-спартанского соперничества и своеобразие имперской политики Спарты и Афин; характеризуются причины и особенности формирования афинской империи и выясняются ее социально-экономические, политико-правовые и этно-культурные аспекты.

Пособие рассчитано на преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов пединститутов и университетов, а также на всех интересующихся античной историей.

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор **Е. В. Кузнецов** (Нижегородский государственный педагогический институт им. М. Горького)

Рецензенты: кафедра истории Древней Греции и Рима (Санкт-Петербургский государственный университет); кандидат исторических наук, доцент **С. К. Сизов** (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), кафедра истории мировой культуры (Нижегородский государственный педагогический институт им. М. Горького)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	7

Глава I

СВОЕОБРАЗИЕ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СПАРТЕ И АФИНАХ В V в. до н. э.	18
---	----

1. Пути развития спартанского полиса и важнейшие черты его социально-политической структуры и внутривосполсных отношений	18
2. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (Дело Павсания)	26
3. Значение реформ Клизфена для развития афинской рабовладельческой демократии	31
4. Внутривосполнитическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. Фемистокл и Аристид	35
5. Борьба консервативных и радикальных тенденций в афинской демократии первой половины V в. до н. э. Кимон и Эфиальт	44
6. Афинская демократия при Перикле и олигархическая оппозиция Фукидида, сына Мелесия, во второй половине V в. до н. э.	52

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ СПАРТЫ И АФИН И ИСТОКИ АФИНО-СПАРТАНСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА	65
--	----

1. Пелопоннесский союз как инструмент спартанской внешней политики	65
2. Обострение афино-спартанских противоречий и образование Делосской симмахии	77
3. Соотношение Эллинского союза и Делосской симмахии и особенности ее устройства	82

Глава III

РОСТ АФИНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ И ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СПАРТЫ (478—462 гг. до н. э.)	90
--	----

1. Усиление внешнеполитической активности Афин и расширение Делосско-аттического морского союза	90
2. Позиция Спарты в Греции в 70—60 гг. V в. до н. э.	100
3. Третья Мессенская война и разрыв афино-спартанских отношений	104

ПЕРВАЯ ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА И ВОЗНИКНОВЕ-
НИЕ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ 112

1. Особенности внешней политики Спарты и Афин в первый период войны (460/59—456/55 гг. до н. э.). 112
2. Внешнеполитические неудачи Афин и реорганизация Афинского морского союза. Заключение пятилетнего мира со Спартой (455/4 — 451/0 гг) 129
3. Кризис в Афинской морской державе и заключение тридцатилетнего мира со Спартой (450—445 гг.) 138

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СПАРТЫ И АФИН В ГОДЫ МИРА
(445—431 гг. до н. э.) 159

1. Афино-самосская война и расширение границ афинской империи 159
2. Культурная экспансия Афин 168
3. Реакция Спарты и ее союзников на внешнеполитическую активность Афин. Кризис 30-х гг. V в. до н. э. и проблема неизбежности второй Пелопоннесской войны 173

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 185

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ «ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА». Перевод и комментарий отдельных глав XI—XII книг 190

ПЕРЕВОД НЕКОТОРЫХ НАДПИСЕЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ АФИН И РОСТ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ V в. до н. э. 217

ТЕМЫ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ 222

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 223

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 232

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 237

ИЛЛЮСТРАЦИИ 238

В курсе истории Древней Греции и Рима одним из наиболее важных и сложных для усвоения студентами является классический период VI—V вв. до н. э. Сложность его восприятия обусловлена прежде всего тем, что история классического периода изучается в отечественной историографии крайне фрагментарно, в то время как по проблемам микенской Греции, гомеровского и архаического периодов, эпохи эллинизма советскими историками создано немало ценных и глубоко содержательных трудов.

Тема полиса — основополагающая тема курса античной истории — в настоящее время является центральной как в зарубежном, так и в советском антиковедении. Однако в советской исторической науке она представлена работами, посвященными лишь проблемам становления полиса, его развития в архаический период, кризиса полисных отношений и особенностей полисной структуры в эллинистическую и римскую республиканскую эпохи (см. труды Ю. В. Андреева, Э. Д. Фролова, И. С. Свенцицкой, Л. М. Глускиной, Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко, С. Л. Утченко, В. И. Кузищина, А. Б. Егорова и др.). Классический греческий полис, к сожалению, пока еще не стал предметом серьезного и всестороннего изучения. Только в первом томе академического издания античной Греции (т. 1: Становление и развитие полиса. — М., 1983) две главы, написанные Г. А. Кошеленко и В. И. Андреевым, посвящены основательному изучению экономических проблем развития классического полиса. Содержательная работа о рабстве в Аттике в V—IV вв. до н. э. была опубликована А. И. Доватуром (Л., 1980). Есть также ряд работ, посвященных различным проблемам греческой культуры, в том числе и классической. Что касается учебных пособий, то за последнее время можно назвать только одно, в котором рассматривается тема греческого полиса. Это работа Глускиной Л. М. Социально-экономические отношения в Афинах в IV в. в период кризиса полиса. — Л., 1975.

Ключевые проблемы греческой классической истории, такие столь актуальные сегодня, как возникновение и развитие древнегреческой олигархии и демократии, формирование афинско-спартанского соперничества и пути его разрешения, образование гегемониальных политических союзов и их роль в межполисных отношениях, имперская политика крупнейших греческих полисов и развязывание войн между ними и др. не получили освещения в советской исторической литературе.

Между тем в зарубежной исторической науке начиная с 60-х гг. нашего века проблемы классического периода греческой истории стали предметом бурных и непрерывающихся до нашего времени дискуссий. Это обусловлено тем, что в последнее время наука пополнилась важными эпиграфическими документами, отражающими жизнь греческих полисов классического периода, и новыми нетрадиционными подходами к трактовке традиционных письменных источников. Несомненно, студентам важно иметь представление об этих дискуссиях и знать их оценку.

С учетом всего вышесказанного подготовленное учебное пособие посвящено изучению внутрполисных и межполисных отношений в Греции в пору их наивысшего расцвета, во время так называемого «пятидесятилетия» (478—431 гг.) между Греко-персидскими войнами и Пелопоннесской войной 431—404 гг. Пособие состоит из пяти глав, в которых рассматриваются наиболее важные для понимания сущности греческой цивилизации классического периода проблемы. Завершается пособие приложением, включающим собственный перевод автора отдельных глав сочинения древнегреческого историка I в. до н. э. Диодора Сицилийского «Историческая библиотека», ранее не переводившегося на современный русский язык, и некоторых греческих надписей V в. до н. э., содержание которых позволяет судить о характере взаимоотношений между Афинами и их союзниками.

В целях более активного восприятия студентами изложенных в пособии основных идей и выводов и их творческого отношения к ним автор также дает тематику курсовых и дипломных работ по рассмотренным проблемам.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность кафедре истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета и моим глубокоуважаемым учителям как усопшим К. М. Колобовой, А. И. Доватуру, Д. П. Каллистову, Н. Н. Залесскому, Л. М. Глускиной, так и ныне здравствующим Э. Д. Фролову, Ю. В. Андрееву, А. И. Зайцеву, Т. В. Прушакевич, благородный труд которых позволил мне стать ученым и преподавателем.

V век до н. э. в истории Греции ассоциируется с именами Перикла и Фидия, великолепием Парфенона и расцветом древнегреческой культуры. Эта сторона жизни классической Греции достаточно хорошо изучена советскими учеными — искусствоведом и историками культуры. Вместе с тем этот период древнегреческой истории был насыщен важнейшими политическими событиями, характеризовался глубокими социальными сдвигами и отличался противостоянием не только отдельных полисов и их союзов, но и целых военно-политических блоков, на которые разделилась Греция вскоре после изгнания персов из Эллады. Эта сторона жизни греческого мира V в. до н. э. еще не получила должного освещения в отечественном антиковедении.

До недавнего времени приоритетным в советской исторической науке оставалось социально-экономическое направление, в то же время изучение проблем политической истории составляет один из важнейших аспектов исследования человеческой истории вообще. На это неоднократно указывал Ф. Энгельс в «письмах об историческом материализме», предостерегая от слишком прямолинейного толкования роли экономических отношений и недооценки политического и других факторов в историческом процессе¹.

В классической древней истории одним из наиболее благоприятных для такого рода исследования является период, получивший условное название Πεντηκονταετία, т. е. Пятидесятилетие (478—431 гг.). Этот период между двумя известными войнами в древности — Греко-персидской и Пелопоннесской — насыщен, как уже отмечали древние (Thuc. 1.89—118; 128—138; Diod. XI. 37—XII. 40), важнейшими политическими событиями и являлся эпохой наивысшего расцвета внутриполисных и межполисных отношений. По этой причине Пятидесятилетие представляет собой важную историческую веху, которая нуждается в определении ее основных направлений развития и особенностей исторической обстановки.

Рассмотрение политических событий Пентеконтаэтии позволяет разрешить ряд ключевых проблем, имеющих кардинальное значение для выяснения характера внутриполисных и межполисных отношений в Греции в V в. до н. э. Прежде всего, это проблема соотношения внутренней и внешней политики ведущих греческих полисов. Ее решение поможет внести некоторую яс-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 369—372; 393—397; 414—422.

ность в развернувшуюся в советской исторической науке дискуссию о роли этих форм политики в межгосударственных отношениях на разных этапах истории человеческого общества².

Следующая проблема заключается в выяснении роли войны как фактора исторического развития. Известное положение о том, что «*война есть просто продолжение политики другими*» (именно насильственными) «*средствами*»³, нередко получает одностороннюю трактовку, согласно которой войну считают лишь результатом внутренней политики государства. Между тем ее обратное воздействие на социальную структуру, внутриполитические отношения государств и межгосударственные связи часто остается в тени.

Материал Пентеконтаэтии позволяет исследовать проблему античного империализма, и в частности причины и этапы становления афинской империи и ее связь с афинской демократией.

Большое значение имеет проблема олигархии и демократии не только как форма политической власти в отдельных греческих государствах, на что чаще всего обращается внимание в литературе. В пору противостояния Пелопоннесского и Афинского морского союзов олигархия и демократия превратились в противоположные общественно-политические течения в Греции в середине V в. до н. э., оказывавшие значительное влияние на межполисные отношения.

Сравнивая эпоху Пятидесятилетия с предшествующим периодом, необходимо обратить внимание на важные изменения содержания и формы межполисных отношений. На смену полицентристской структуре, отличавшейся наличием большого числа независимых греческих полисов, осуществлявших свою самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, возникла структура биполярная, характеризовавшаяся противостоянием двух политических блоков, возглавляемых двумя наиболее могущественными полисами Эллады — Спартой и Афинами.

Победа эллинов над персами в условиях неравномерности экономического и политического развития государств, с одной стороны, способствовала активизации межполисных связей, с другой — создавала благоприятные условия для обострения внутривосполсных и межполисных противоречий. Наиболее ярко это обнаруживается при рассмотрении сущности афино-спартанского дуализма и причин конфронтации между ними.

Рассмотрение этой темы прежде всего открывает перспективу выявления наиболее общих закономерностей, представляющих несомненный интерес не только для изучения особенностей и характера межполисных отношений в Греции в V в. до н. э.,

² Поздняков Э. А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986. С. 6 и сл.

³ Ленин В. И. Крах II Интернационала// Полн. собр. соч. Т. 26. С. 224.

но и различных вопросов международных отношений в последующие периоды.

Изучение всех этих вопросов обеспечено многообразием источниковедческой базы. Можно выделить три группы источников. К первой группе необходимо отнести историков — современников описываемых ими событий, т. е. Геродота, Фукидида, а также их предшественников, сочинения которых не сохранились до нашего времени, но были ими использованы. Ко второй группе следует отнести современные рассматриваемым событиям документы, официальные (декреты народного собрания, тексты договоров) и неофициальные (другие надписи и посвящения), а также литературные произведения, отражающие события эпохи и важные для понимания их социально-политической подоплеку сведения. К третьей группе относятся сочинения поздних авторов.

История Геродота заканчивается описанием битвы при Сесте в 479 г. Однако в последних трех книгах историк сообщает целый ряд ценных сведений о современных ему событиях 478—430 гг.

Наиболее важным источником является труд Фукидида, посвятившего, как уже отмечалось, краткий очерк истории Пятидесятилетия. Фукидид написал историю Пелопоннесской войны 431—404 гг. Рассматривая ее как результат доведенных до крайности противоречий между Афинской державой и Пелопоннесским союзом (Thuc. 1. 18.2.3 — 19; 23.5 sqq.), историк считал необходимым показать, какие обстоятельства после победы над персами способствовали усилению афинского могущества и каким образом организовалась Афинская держава (1.89.1; 97.2).

В последнее время в западноевропейской историографии возникло негативное отношение к сообщаемой Фукидидом информации о греческой истории первой половины V в. до н. э.⁴ Подчеркивание в духе гиперкритицизма недостоверности или ненадежности традиции закрывает путь к конструктивным, исполненным конкретно-исторического смысла исследованиям, поскольку Фукидид — единственный историк, современник интересующего нас периода, давший достаточно цельную картину исторических событий Пентеконтаэтии. Как справедливо отметил еще в свое время М. С. Куторга, «первой обязанностью историка является не отвергать известия античных писателей, но объяснять и истолковывать их, прибегать же к предложениям ему позволено только при совершенном отсутствии прямых данных»⁵. О ценности и достоверности сообщаемой Фукидидом информации можно судить на основе его собственных высказыва-

⁴ См. нашу ст.: *Строгецкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней современной историографии//ВДИ. 1984. № 4. С. 114—128.

⁵ *Куторга М. С.* Персидские войны. СПб., 1858. С. 16.

ний, не доверять которым нет каких-либо серьезных оснований. Он подчеркивает, что «не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что мог предположить, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта в отдельности взятого» (1.22.12).

Те, кто сомневается в ценности очерка Фукидида о Пелопоннесской войне и Пентеконтаэтии, отмечают, что он изложил события кратко и неполно, без точной их датировки. Однако Фукидид в своем очерке, как, впрочем, и в описании самой Пелопоннесской войны, стремился дать точную хронологическую последовательность событий, а не их абсолютную датировку. Кроме того, для осуществления целей, поставленных Фукидидом, не было необходимости излагать все события, ему достаточно было указать лишь на те из них, которые, по его мнению, были наиболее важными (ср. 1.98.4)⁶.

Ценным источником информации являются также речи послов, политических деятелей в «Истории» Фукидида. Хотя эти речи составлены им самим и их нельзя воспринимать буквально как переложение того, о чем говорили ораторы, тем не менее они важны для понимания внутренней и внешней политики Спарты, Афин и отчасти других греческих полисов в V в. до н. э. и для характеристики отдельных политических деятелей.

Среди источников второй группы наибольшую ценность представляют официальные документы на камне: законы, декреты народных собраний, отчеты о поступлении и расходах общественных денег, списки погибших граждан в различных сражениях. Из официальных документов наиболее важными для исследования политической истории являются тексты афинских декретов и договоров с другими греческими полисами⁷. Особый интерес представляют финансовые документы: во-первых, Фукидид говорит о них крайне недостаточно, во-вторых, финансы—основа всякого государства, в том числе и древнего. В числе упомянутых документов необходимо выделить Афинские налоговые списки. Это списки городов, входивших в Афинский морской союз и ежегодно плативших в казну богини Афины так называемые начатки (*απαρχή*), т. е. 1/60 часть от суммы налога

⁶ Westlake H. D. Thucydides and the Pentekontaetia//CIQ. 1955. Vol. 5. Н. 1—2. P. 53—67.

⁷ A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Cent. B. C./Ed. Tod. M. N., 2 nd. Oxford, 1946 (сокр. Tod., N); Die Staatsverträge des Altertums/Herausgegeben von Bengtson. H. Bd. 11. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. Münch., 1962 (сокр. Bengtson STV 11, N); A Selection of Greek Historical Inscriptions to the Fifth Cent. B. C./Ed. by Meiggs R. and Lewis D. Oxford, 1969 (сокр. M. L. N).

(фороса)⁸. Указанные документы помогают понять своеобразие афинской политики в отношении к союзникам и исследовать экономические, политические и юридические аспекты становления афинской империи.

Однако эпиграфические памятники приобретают гораздо большую ценность, если их рассматривать в сравнении с литературными данными, позволяющими выявить обстоятельства, при которых были приняты те или иные законы и декреты, характер общественного мнения, причины, способствовавшие их принятию и вытекающие из этого следствия. Поэтому кроме основных исторических трудов немаловажное значение для исследования отмеченных выше проблем имеют также такие литературные произведения, как политические памфлеты и трактаты. Значительный интерес представляют приписываемый Ксенофону политический памфлет «Афинская полития», сочинение Стесимброта «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (Jacoby Fr. GrHist. Bd. П. А. 107F I—II. S. 516—519; коммент. 345—348) и трактат Аристотеля «Афинская полития». Данные этих источников несомненно важны для выяснения сущности афинской демократии и роста морского могущества афинян, характеристики различных форм проявления их имперской политики к союзникам и оценки внутренней и внешней политики Афин в рассматриваемый период времени.

Несмотря на возрождение в послевоенный период гиперкритического отношения к «Афинской политии» Аристотеля⁹, большинство современных ученых считает, что этот трактат представляет большую ценность как систематическое изложение афинской внутривнутриполитической истории, богатое разнообразными материалами и основанное на вполне добросовестных источниках¹⁰.

К источникам третьей группы, как уже отмечалось, необходимо отнести авторов позднего времени. Прежде всего нас интересуют историки IV в., ученики Исократы — Эфор и Феопомп. Их сочинения, к сожалению, не сохранились, но были широко использованы эллинистическо-римскими писателями, такими как Диодор Сицилийский и Плутарх, сочинения которых особенно важны для изучения рассматриваемых нами проблем.

⁸ Все эти надписи собраны в великолепном издании: *Meritt B. D., Wade-Gery H. T. and McGregor M. F. The Athenian Tribute Lists (ATL), 4 vols.: I. Cambr., Mass., 1939; II—IV. Princet., 1949—1953.* В советской историографии эти документы проанализировал *Паршиков А. Е.* (см. его: *Списки дани афинских союзников (454/3—432/1 гг. до н. э.)*//Исследования по истории Афинской морской державы/МГЗПИ. М., 1976. С. 67—112. — Деп. в ИНИОН АН СССР 02.12.76, № 1044.

⁹ *Day J., Chambers M. Aristotelés History of Athenian Democracy. Berkel., 1962.*

¹⁰ *Rhodes P. J. A. Commentary on the Aristotelian Athenian Constitution. Oxford, 1981; Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.-Л., 1965, С. 115 и сл.*

Некоторые современные исследователи совершенно отвергают значение сочинений поздних авторов, считая, что «для них в той или иной степени характерны три особенности: влияние риторики, чистая фикция и ошибочно понятая ранняя традиция»¹¹. Столь категорическое суждение едва ли оправдано. Необходимо всегда помнить, что Геродот, Фукидид и другие главные источники иногда опускают некоторую информацию. Что же касается второстепенных историков, то не следует исключать возможности сохранения ими ценных сведений, по тем или иным причинам не упоминаемых предыдущими авторами.

От главного сочинения Эфора «Всеобщая история» сохранилось только 157 фрагментов, из которых 14 посвящены описанию Пентеконтаэтии¹². Достоверность рассказа Эфора основывается прежде всего на использовании добротных источников. Для характеристики периода Пентеконтаэтии он использовал кроме Фукидида также сочинения аттидографов. Все сказанное не позволяет согласиться с разрушительным скептицизмом в отношении Эфора Е. Шварца и других гиперкритиков¹³.

Характеризуя Феопомпа и его сочинение «Филиппика», исследователи отмечают большую ученость и трудолюбие этого автора. Для нас особенно важна X глава его труда¹⁴. Ценность сообщаемой им информации во многом определяется богатством и разнообразием его источников. Феопомп обращался также к изучению документального материала и использовал его для подтверждения устной и письменной традиции.

Большое значение для исследования отмеченных выше проблем имеют сочинения Диодора Сицилийского и Плутарха. Диодор — единственный автор после Фукидида, который дает развернутое изложение греческой истории V в. до н. э.¹⁵. Плутарх, как и Диодор, был главным объектом филологической критики XIX в. Только после второй мировой войны его авторитет был

¹¹ *Hignett Ch. Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 1963. P. 7 ff.; Gomme A. W. A. Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1956. P. 365 ff.*

¹² *Jacoby F. FGrHist. Bd. II. A. 70 = Frgs. 63—67; 186—196. S. 37—109; коммент. Bd. II. S. 22—103.*

¹³ *Schwartz E. Ephoros//RE. 1909. Bd. VI. Sp. 2 ff.; idem.: Die Zeit des Ephores//Hermes. 1909. Bd. 35. S. 481 ff.*

¹⁴ *Jacoby F., FrgHist Bd. II. A. 70. Frgs 63—67; 186—196. S. 37—109; коммент. Bd. II. С. 351—403. Обстоятельный комментарий фрагментов X главы сочинения Феопомпа и анализ его источников см.: Connor W. R. Theopompus and Fifth-Century Athens. Washington, 1968.*

¹⁵ Греческая история V в. до н. э. изложена в XI—XV кн. его «Исторической библиотеки». События «Пентеконтаэтии» описаны им в XI—XII кн. (XI.37—XII.40). Перевод и комментарий отдельных глав этих книг опубликован нами в трех выпусках межвузовского сборника научных статей «Из истории античного общества» (Горьковский гос. университет. Горький, 1979. С. 3—29; 1983. С. 3—20; 1986. С. 5—22. Об оценке Диодора и его сочинения см. наши статьи: *Строгецкий В. М.*: 1) Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии//ВДИ. 1983. № 4. С. 176—186; 2) Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание//ВДИ. 1986. № 2. С. 65—87.

восстановлен и сегодня его ставят на первое место, непосредственно за выдающимися писателями древности¹⁶.

Плутарх не был историком. Он был философом-моралистом и в «Сравнительных жизнеописаниях», равно как и в других своих моралистических сочинениях, старался показать, как проявлялись характер и моральные качества человека в процессе его общественной деятельности. Вместе с тем необходимо признать, что Плутарх, собирая материал для своих биографий, обращался к широкому кругу источников. Во вступлении к биографии Никия он пишет, что попытается, «вкратце коснувшись исторических событий, собрать воедино то, что обычно ускользает от мнения большинства и лишь мимоходом высказано другими авторами, а также и то, что обнаружено в древних памятниках и постановлениях» (Plut. Nic. 1). В этом собственно и заключается ценность собранной Плутархом исторической информации.

Итак, оценивая значение сочинений поздних авторов, мы видим свою задачу в сопоставлении их сведений с данными Геродота, Фукидида, а также материалами археологии и эпиграфики, ибо только таким образом можно реконструировать подлинную хронологию и историю Греции V в. до н. э.

Важным стимулом для обращения к теме политической истории Пентеконтаэтии служит прежде всего недостаточная степень изученности различных аспектов ее, в частности афинско-спартанского дуализма и борьбы за гегемонию в Греции в V в. до н. э. Из дореволюционных работ можно отметить прежде всего труды М. С. Куторги, предвосхитившего многих зарубежных исследователей, которые только в начале XX в. серьезно приступили к изучению проблем греческого полиса¹⁷.

И в наше время не потеряли своего значения статья Ф. Ф. Соколова «Пентеконтаэтия», посвященная проблемам хронологии, а также книги В. П. Бузескула и Р. Ю. Виппера¹⁸. Правда, следует отметить, что в работах последних тема Пентеконтаэтии была лишь отдельным эпизодом в общей системе изложения материала. Кроме того, работы этих ученых написаны еще до того, как историческая наука обогатилась новейшими эпиграфическими памятниками.

Проблемы политической истории Греции V в. нашли отражение и в работах целого ряда советских ученых. Безусловно

¹⁶ Ziegler K. Plutarchos von Chaeronea//RE. 1951. Bd. 21. Hbd. 41. Sp. 636—692; Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 19 и сл.

¹⁷ Куторга М. С. Собрание сочинений. Т. II: Афинская гражданская община по известиям эллинических историков. СПб., 1896.

¹⁸ Соколов Ф. Ф. Труды. СПб., 1910. С. 462 и сл.; Бузескул В. П. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков. 1889; Он же. История афинской демократии. СПб., 1908. С. 111 и сл.; Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху. М., 1916. С. 214 и сл.

заслуживают внимания прежде всего труды С. Я. Лурье¹⁹. Несмотря на излишнее социологизирование, что соответствовало тогдашнему духу эпохи, он в своих работах дал образец глубокого источниковедческого анализа и активно выступал против идеализации афинской демократии и ее политики.

Тема афинской демократии, из всех политических проблем классической Греции более всего привлекавшая советских ученых, начиная с 30-х годов трактовалась с позиции борьбы двух партий — демократической и аристократической, обусловленной соответствующими классовыми противоречиями. Эта концепция, представлявшая собой наследие модернизаторских теорий начала XX в., отличалась известным схематизмом и догматизмом, поскольку к аристократической партии ученые относили только землевладельческие и земледельческие слои, а к демократической — торговцев, ремесленников и моряков.

Только в последнее время в работах Л. М. Глушкиной, Э. Д. Фролова, А. И. Зайцева наметился отказ от традиционных штампов. Социально-экономическая и внутривластная жизнь афинской демократии рассматривается в связи с особенностями развития афинского полиса. Э. Д. Фролов подчеркивает связь его политики с идеями рационализма и, указывая на противоречивость афинской рабовладельческой демократии, исследует значение такой ее черты, как аристократизм демократических лидеров²⁰.

Частичное освещение в работах А. Е. Паршикова получила тема возникновения и развития Афинского морского союза и проблема экономических и внутривластных отношений в Афинской морской державе главным образом в период Пелопоннесской войны²¹. Паршиков сделал целый ряд интересных выводов и наблюдений, однако его суждения, касающиеся статуса афинских колоний, хронологии некоторых афинских декре-

¹⁹ *Плутарх. Избранные биографии: Пер. с греч. с предисл. и комм. проф. С. Я. Лурье.* М.-Л., 1941; *Лурье С. Я. История Греции. Ч. 1: С древнейших времен до образования Афинского морского союза.* Л., 1940; *Он же.* Геродот. М.-Л., 1947; *Он же.* Политическая тенденция трагедии «Евмениды»//ВДИ. 1958. № 3. С. 42—54.

²⁰ *Глушкина Л. М.: 1) Греко-персидские войны//История древнего мира/Под ред. И. М. Дьяконова. Т. II.: Расцвет древних обществ. М., 1983. С. 159—174; 2) Афины в правление Перикла//Там же. С. 90 и сл.; Фролов Э. Д. 1) Рационализм в политике архаической Греции//Город и государство в древних обществах: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ. Л., 1982. С. 17—34; 2) Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики)// Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ. Л., 1983. С. 14 и сл.; Зайцев А. И. Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности)//Там же. С. 25—28.*

²¹ *Паршиков А. Е.: 1) Аристотель (Ath. Pol., 23.5) и организация Первого Афинского морского союза//ВДИ. 1971. № 1. С. 76—88; 2) О статусе афинских колоний в V в. до н. э.//ВДИ. 1969. № 2. С. 3—19; 3) О времени монополизации чеканки серебра в Афинской державе// НЭ. 1972. X. С. 64—73; 4) Организация суда в Афинской державе//ВДИ. 1974. № 2. С. 57—68.*

тов и этапов становления и развития афинской державы, остаются спорными.

Некоторые другие аспекты греческой истории V в., такие как социальная структура населения Аттики и численность граждан, рабов и метеков в V в. до н. э.; исследование основных черт политической идеологии афинской демократии в период ее расцвета; строительная деятельность в Афинах и их архитектурные памятники; афинская колонизация и статус афинских колоний и клерухий нашли отражение в работах А. И. Доватура, А. К. Бергера, К. М. Колобовой, В. П. Яйленко²².

Несомненно, значительным вкладом в развитие советского антиковедения явилось издание Институтом всеобщей истории АН СССР двухтомного коллективного труда, посвященного проблемам формирования и эволюции греческого полиса. Для разработки нашей темы первостепенное значение имеют главы, написанные Г. А. Кошеленко, Ю. В. Андреевым, М. В. Кондратюк, В. И. Исаевой, в которых рассматриваются социально-экономические проблемы, важнейшие черты спартанского и афинского полисов в пору их расцвета и принципы межполисных отношений в V в.²³.

Большим вкладом в изучение проблем архаической и раннеклассической греческой истории является новейшее исследование Э. Д. Фролова, посвященное теме формирования классического древнегреческого полиса²⁴. Принципиальное значение для темы нашей работы имеет основной вывод автора о выделении в греческой истории двух главных видов полисов, соответствующих двум различным формам рабовладения и принципам гражданской корпоративности, — демократического и олигархического. Немаловажное значение имеют выводы автора о роли колонизации и реформ Клизфена.

Таким образом, в отечественной историографии проблемы политической истории Пентеконтаэтии не получили достаточно освещения. Исследователей интересовали главным образом некоторые аспекты политической истории Афин и Афинского морского союза, в меньшей мере их привлекала спартанская история, проблемы же афино-спартанских отношений, борьбы за гегемонию в Элладе, а также тема полис и империя в V в. до н. э. вообще не являлись предметом специального изучения.

В зарубежной историографии к проблемам политической истории Греции V в. до н. э. ученые обращались чаще. Пере-

²² Доватура А. И. Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э. Л., 1980. С. 25 и сл.; Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1961. С. 137 и сл.; Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 110 и сл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—VIII вв. до н. э. М., 1982. С. 137.

²³ Античная Греция. Проблемы развития полиса/Под ред. Е. С. Голубцово-вой, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. М., 1983. Т. I—II.

²⁴ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

ломным периодом были 50—60-е гг., когда в западноевропейской литературе наметилась тенденция к преодолению модернизаторского подхода к анализу исторических событий античности, наиболее ярко отразившегося в трудах К. Ю. Белоха, Эд. Мейера и Р. Пёльмана.

Значительное внимание было уделено источниковедческим проблемам. Главные источники по истории Греции V в. «История» Фукидида и «Афинская полития» Аристотеля стали предметом скрупулезного историко-критического комментария, осуществленного, как уже отмечалось, А. В. Гомом и П. Дж. Родсом. Текст Фукидида был подвергнут всестороннему анализу в сочинении К. фон Фритца²⁵, а его концепция о возникновении и сущности власти была исследована А. Г. Вудхедом²⁶.

После 50-х гг. стала все более подвергаться сомнению традиционная негативная оценка другого не менее важного для истории Греции V в. до н. э. литературного источника — «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. Французские ученые начали кропотливую работу по изданию переводов книг «Исторической библиотеки» с ценными филологическими и историко-критическими комментариями. Большое значение для исследования различных проблем греческой истории V в. имеет издание ассоциацией Г. Бюде XII книги Диодора Сицилийского с комментарием, выполненным М. Казевитцем²⁷.

События двух мировых войн обратили внимание исследователей на проблемы империализма и имперской политики и их своеобразного проявления в классической Греции.

Среди ученых-антиковедов пальма первенства в разработке этой темы принадлежит Ж. де Ромийи, а в 60—80-е гг. эта тема стала особенно популярной в западноевропейской историографии²⁸. Вместе с тем в эти же годы возникли дискуссии, продолжающиеся и сегодня, о времени завершения трансформации Афинского морского союза в афинскую империю, об отношении к ней афинских союзников, а также о характере и целях внешней политики Афин в V в. до н. э.

К этой теме тесно примыкает проблема начала Пелопоннесской войны, завершившей пятидесятилетний период развития греческих полисов со времени изгнания персов из Эллады.

²⁵ Fritz K. von. Die griechische Geschichtschreibung. Berlin, 1967. Bd. 1, 598 ff.

²⁶ Woodhead A. G. Thucydides on the Nature of Power. Cambridge, 1970.

²⁷ Diodorus Siculus. Bibliothèque historique. Livre XII/Trad. par. Casévitz M. P., 1972.

²⁸ Romilly J. de Thucydides of l'impérialisme athénien. P., 1947; Méantis G. Thucydides et l'impérialisme athénien. P., 1965; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972; McGregor M. F. The Athenians and their Empire. Vancouver, 1987.

Ее исследование в недавних работах Д. Кэгена и Г. Е. М. де Сент-Круа положило начало новым научным спорам²⁹.

Современные западные исследователи, отвергая модернизаторские концепции, нередко впадают в другую крайность. Исследуя социально-политические отношения в Греции V в. до н. э. и проблемы демократии, эти авторы архаизируют внутривнутриполитическую структуру общества в классический период, абсолютизируют роль семейно-клановых связей и личного соперничества между аристократами. Они считают, что экономические факторы в рассматриваемое время не оказывали серьезного влияния на социально-политическую структуру греческих полисов и не определяли характер и направление их внешней политики. Войны же, возникавшие между ними или их союзами, объясняют иррациональными причинами³⁰.

Итак, обращение к теме полис и империя, афино-спартанский дуализм и конфронтация в V в. до н. э. и рассмотрение всех существующих литературных и эпиграфических источников, имеющих отношение к данной теме, поможет заполнить известный пробел в советской историографии античности и даст возможность пересмотреть с диалектико-материалистических позиций выводы ряда современных западных исследователей по наиболее важным проблемам греческой политической истории V в. Наконец, учитывая прагматическое назначение исторического исследования и помня о том, что хотя в истории нет прямых аналогий, но есть сходные ситуации, а значит и сходные проблемы, мы полагаем, что изучение различных аспектов данной темы откроет перспективу выявления наиболее общих закономерностей, представляющих несомненный интерес и для рассмотрения различных вопросов международных отношений в новое и новейшее время.

²⁹ Критический анализ концепций этих и других авторов см. в нашей статье: *Строгоцкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны... С. 114—128.

³⁰ Об этом см. наши работы: *Строгоцкий В. М.*: 1) Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987; 2) Становление афинской рабовладельческой демократии в оценке современной буржуазной историографии//Критика концепций современной буржуазной историографии: Межвуз. сб. науч. тр./ЛГУ. Л., 1987. С. 207 и сл.

СВОЕОБРАЗИЕ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СПАРТЕ И АФИНАХ В V в. до н. э.

1. Пути развития спартанского полиса и важнейшие черты его социально-политической структуры и внутриволисных отношений

Аристотель, рассматривая правильные и неправильные виды государственного строя, склоняется к тому, что главными среди них были два — демократия и олигархия (Pol. IV. 3.4. P. 1290 a 13). В данной главе мы и попытаемся выяснить причины возникновения и этапы развития олигархии в Спарте и демократии в Афинах, в значительной степени определивших особенности внешней политики того и другого полисов.

Уже древние по-разному оценивали характер лакедемонского государственного устройства. Как отмечает Аристотель (Pol., IV. 7.5. P. 1294 в 20—34), многие считали его демократическим, по мнению же других — лакедемонский государственный строй представлял собой олигархию. Расхождение во мнениях древних обусловлено было тем, что за основу принимались различные критерии. Первые главное внимание уделяли особенностям быта спартиатов, видя в нем много демократических черт. Вторые обнаруживали немало олигархических особенностей в самой конституции лакедемонян.

Современная историческая наука также не единодушна относительно характера общественно-политического строя Спарты¹. В литературе существует мнение о том, что политический строй в Спарте напоминал крестьянскую демократию, возникшую в Афинах после реформ Солона и Клисфена². Исследователи скептически относятся к сведениям Аристотеля, поскольку

¹ Из новейших работ по истории Спарты см.: *Cartledge P. Sparta and Laconica. A regional History 1300—362 B. C. L.*, 1979; *Андреев Ю. В.* [Рецензия]. ВДИ. 1981. № 2. С. 200—206; *idem. The Peculiar Position of Sparta in the Development of the Greek City—States//PRIA.* 1980. Vol. LXXX. P. 91 — 108; *Hooker J. T. The Ancient Spartans.* L., 1980; *Clauss M. Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation.* München, 1983; *Lazenby J. F. The Spartan Army.* Warminster, 1985; *Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса//Античная Греция.* М., 1983. Т. 1. С. 194—216.

² *Tigerstedt E. M. The Legend of Sparta in Classical Antiquity.* Stockh., 1965. Vol. 1. P. 44; 68 f.

считают, что для него Спарта была идеальным образцом смешанной конституции.

Возражая против этой точки зрения, мы покажем, что, несмотря на роднящие Спарту и Афины черты полисного строя, пути развития обоих полисов, а также особенности их социально-экономической и политической структур и внутриволисных отношений были глубоко различны. Вместе с тем необходимо отметить, что, хотя Аристотель и обнаруживает в Спарте черты смешанного государственного устройства, он, вслед за Фукидидом (I.19; 76.1; III.82.1; IV.126.2; V.31.6; 81), считал Спарту олигархическим государством, которое в соответствии со своим политическим устройством насаждало в других полисах олигархическую форму правления подобно тому, как Афины утверждали в подвластных им полисах демократию по своему образцу (Pol. IV.9.11. P. 1296 а 30—35).

Социально-экономической основой полисных отношений является античная форма собственности. Определяя ее как общинную и государственную собственность, К. Маркс отмечал, что она «возникает благодаря объединению — путем договора или завоевания — нескольких племен в один *город*»³. Таким образом, двумя путями формирования полисов можно считать договор и завоевание. Первый был в значительной степени характерен для возникновения афинского государства (Thuc. 1.2.5—6; II. 15.1), второй — для спартанского (Hdt. 1.65—67; Thuc. 1.2.3—4; 102; Paus. III.2).

Характеризуя динамику развития античной формы собственности, К. Маркс подчеркивал, что «наряду с общинной собственностью складывается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной форме собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Там же). Это замечание К. Маркса помогает обнаружить еще одну грань, отделяющую Спарту от других греческих полисов, в том числе и Афин. В Спарте процесс развития античной формы собственности был искусственно заторможен, и здесь в течение длительного времени сохранялось господство общинной и государственной собственности, принятые же специальные законы препятствовали более или менее свободному развитию частнособственнических отношений внутри гражданского коллектива (Plut. Lysk. 8—9; 10; Polyb. IV.45.3—4). Важной причиной этого была война, как главный фактор социально-экономического и политического развития спартанского государства. Война не была выражением духа дорийской Спарты, как утверждали немецкие ученые 30-х гг.⁴. Она являлась, по мне-

³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*//Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

⁴ Об этом см.: Лурье С. Я. *О фашистской идеализации Спарты*//ВДИ. 1939. № 1. С. 98—106; *Oliva P. Sparta and her Social Problems*. Prague., 1971. P. 10. В современной западноевропейской литературе эта идея вновь стала возрождаться (см.: *Hammond N. G. L. The Classical Age of Greece*. L., 1975. P. 13 ff).

нию К. Маркса, «той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить»⁵.

Осуществление обеих этих целей вместе взятых и предусматривали длительные войны, которые вели спартанцы в архаический период. Для успешного ведения такой войны община, состоящая из ряда семей, организовывалась, как говорит К. Маркс, «прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация являлась одним из условий ее существования в качестве собственности; концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации» (Маркс К., Энгельс Ф. Там же). Именно такая организация и была создана в результате приписываемого Ликургу законодательства, закрепившего господство государственной собственности и поставившего преграду для развития частной собственности среди граждан.

Однако в условиях традиционного и единственного для того времени способа производства прирост населения создавал потребность в новых средствах производства, прежде всего в земле. Большинство греческих полисов, в которых процесс развития товарно-денежных отношений и частной собственности протекал относительно свободно и более быстрыми темпами, пошло по пути выведения заморских колоний. Колонизация, в свою очередь, еще более расширяла товарно-денежные отношения, способствовала развитию ремесла, торговли и укреплению городов. Это усиливало борьбу между демосом и знатью. Развивающиеся индивидуалистические отношения в экономике греческих полисов стали распространяться и на политические отношения, и во многих греческих государствах возникли тирании. Этот путь развития был характерен и для Афин.

Спартанцы же, имея опыт успешного покорения Лаконики, видели в экспансии и подчинении соседних территорий за ее пределами главное средство решения проблемы нехватки земли. Длительные Мессенские войны, в результате которых Спарта покорила плодородные земли юго-западной части Пелопоннеса, оказали решающее влияние на ее общественно-политический строй, причем это влияние было совершенно отличным от того, которое имела колонизация на другие греческие полисы. Поскольку приобретенные земли не были даны лаконским гражданам в частную собственность, Мессенские войны не способствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в Спарте. Объектом завоевания спартиатов были не только земли, но и живущие на них люди, ибо античная форма собственности распространялась не только на землю, но и на самих

⁵ Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 465.

производителей. Поэтому большая часть покоренных наиболее плодородных земель стала собственностью государства (Πολιτικῆ χώρα Xen. Lak. Pol. X. 14.; Polyb. VI. 15), а живущее на этих землях население было превращено в государственных рабов-илотов⁶. Эта земля вместе с илотами была разделена на клеры (9 тыс. наделов) и распределена между спартиатами, которые выступали не как собственники, а как держатели наделов и обрабатывавших их государственных рабов⁷. Менее плодородные земли, находившиеся на окраинах, получили периэки, свободные, но неполноправные жители 100 маленьких общин, расположенных в Лаконике и Мессении (30 тыс. наделов).

После окончания Мессенских войн илоты и периэки составляли основную массу населения лакедемонского государства. Спартиаты оказались незначительным господствующим меньшинством (Arist. II. 6. 11—12. P. 1269 b 38). Это и была главная причина, заставившая лакедемонян создать такой общественно-политический строй, который обеспечил бы внутреннее единство спартанских граждан, а также способствовал утверждению спартанского господства в Пелопоннесе и удержанию в повиновении множества илотов и периэков. С этой целью аграрные мероприятия, осуществленные непосредственно в ходе завоевания Мессении, были дополнены, вероятно, несколько позднее, комплексом мер социального характера, среди которых наиболее важными являлись консервация железной монеты и конфискация золота и серебра у частных лиц (Plut. Lysk. 9; Lysandr. 17; Xen. Lak. Pol. VII. 5).

По этой причине в Спарте стало все меньше прибывать иностранцев. Значительно сократился выезд за границу самих спартиатов, поскольку это теперь было сопряжено со многими трудностями. Стали сокращаться и экономические связи Спарты, и установился государственный контроль за ее внешней торговлей (см.: Thuc. IV. 53.2—3).

Таким образом, к середине VI в. до н. э. в Спарте благодаря упомянутым выше реформам осуществились консолидация и укрепление коллектива спартанских граждан, получившего название общины равных (ὄμοιοι). Этот термин, обозначавший

⁶ Об илотии как государственном рабстве см.: Lotze D. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerung in Griechenland bis zum IV Jahrh. V. Chr. Berlin, 1959. S. 36 ff.

⁷ О запрещении продажи земли в Спарте см.: Arist. frg. 611. 12 (Rose) = Plut. Mor. 238 E. Каждый спартиат получал равный надел из государственной земли (Plat. Leg. 3. 684; Isocr., 12. 179; Polyb., VI. 45.3). О спартиатах-держателях наделов, а не собственниках их см.: Plut. Lysk. 16). Спартиаты не имели права требовать от илотов, обрабатывавших их наделы, более установленной государством нормы (см.: Tyrt. frg. 5., Plut. Moral. 239 DE Μυρον = FGh Hist. 106. F 2).

гражданскую общину спартиатов, спартанский полис, отражал известное экономическое и политическое равенство среди его

граждан. В самом деле *ομοιοι* представляли единый гражданский коллектив, противостоящий илотам и периэкам внутри полиса и чужестранцам за его пределами. Они имели равное право на владение участком земли и обрабатываемыми его илотами, предоставляемое им государством. Спартиаты, как *ομοιοι*, проходили все ступени общественного воспитания (*αγωγη*), являлись профессиональными воинами-гоплитами, имели равное право участвовать в народном собрании и быть избранными на высшую должность в государстве, в коллегию эфоров. Все спартиаты в равной степени должны были подчиняться неписаным спартанским законам, которые имели силу обычая. Этим, по-видимому, и объясняется утверждение Геродота о деспотической власти закона над спартиатами (Hdt. VII. 104). Закон требовал также обязательного для спартиатов строгого соблюдения дисциплины и субординации (Thuc. V. 66.4). Таким образом, лаконская бедность и простота, неразвитость товарно-денежных отношений стирали границы социального различия в общине спартиатов и делали ее относительно однородной. В этом смысле вполне можно согласиться с мнением исследователей, указывающих на отсутствие в Спарте демоса, той социальной категории, которая обычно встречается в большинстве других полисов⁸.

Казалось бы, в Спарте должно было бы иметь место лишь противопоставление всей однородной общины равных илотам и периэкам. Однако корпоративность и элитарность были характерной чертой внутреннего строя самих спартиатов, среди которых абсолютного равенства не существовало. Это подтверждается наличием царских родов Агиадов и Эврипонтидов, наследственной царской власти и, по-видимому, наследственной аристократии (Hdt. VII. 134), которая, хотя и лишилась значительной части своих привилегий, тем не менее сохранила свое представительство в герусии, куда доступ остальным спартиатам был ограничен (см. Arist. II. 6.14. P. 1270 b 24). Источники указывают и на имущественное неравенство среди спартиатов (Hdt. VI. 61; Xen. Lak. Pol. 53). *Φιλονομια* (состязательность) как важнейшая черта общественной жизни спартиатов также способствовала развитию в спартанском обществе лидерства и элитарных групп.

Важным социальным инструментом, содействовавшим укреплению олигархических особенностей общественно-политического строя Спарты и внутреннего единства гражданской об-

⁸ Lotze D. Aktuelle Aspekte der Demokratie//Die Antike in der sozialistischen Kultur. Jena, 1974. S. 62—64.

щины спартиатов, повышению ее корпоративности, обеспечению преемственности между поколениями и формированию в спартиатах качеств профессиональных воинов, служила система гражданского воспитания $\alpha\upsilon\theta\upsilon\eta$. Впервые она, вероятно, была введена в период становления спартанского полиса, однако свое окончательное завершение получила уже после Мессенских войн.

Система $\alpha\upsilon\theta\upsilon\eta$ имела огромное социально-политическое и военное значение. Во-первых, прохождение через нее было одним из важнейших условий получения гражданских прав; во-вторых, эта система способствовала утверждению лаконского образа жизни, предусматривающего воспитание в спартиатах дисциплинированности и беспрекословного подчинения законам и обычаям Спарты, чувства спартанского патриотизма и превосходства над другими эллинскими народами (см.: Schol. Eur. Or. 45; Pind. Pith. XI. 16; 32; Nem. IX. 34; Hdt. I. 67—68; Paus. VII. 18; Hdt. VII. 159; Plut. Ages. 6), подчинение личных интересов интересам государства; в-третьих, эта система обеспечивала моральную и физическую подготовку профессиональных воинов-гоплитов. Вместе с тем эта система воспитания укрепляла в спартанском обществе корпоративный дух и элитарную структуру.

Своеобразие политической организации спартанского общества характеризовалось прежде всего высокой ролью государства, которое в лице эфоров, опиравшихся на так называемых всадников и выбираемых из их числа должностных лиц агатургов (Hdt. I. 67), а также герусии осуществляло тщательно продуманную и разработанную систему непосредственного контроля за повседневной жизнью граждан. Эфоры сосредоточили в своих руках столь широкие полномочия, что делало их правление в глазах Аристотеля подобным тираническому (Pol. II. 6.14. P. 1270 b 14, ср. Pol. II. 3.10. P. 1265 b 40). Он говорит, что они ведали важнейшими отраслями управления в Спарте, контролировали всех должностных лиц (Pol. II. 6.18. P. 1271 a 5) и придавали устойчивость спартанскому государственному строю. Для достижения этих целей эфоры практиковали такие политические акции, как объявление войны илотам ($\kappa\rho\upsilon\lambda\tau\epsilon\iota\alpha$: Plut. Lys. 28. Plat. Leg. 633 B; Arist. frg., 611. 10 (Rose) с целью физического уничтожения наиболее опасных и мятежных из них и изгнания иностранцев ($\xi\epsilon\nu\epsilon\lambda\alpha\sigma\iota\alpha$: Hdt. III. 148; Plut. Ag. 10; Thuc. I. 144.2; II. 39.1).

Хотя эфоры избирались из всех граждан, однако в силу их чрезвычайно огромной и бесконтрольной власти самостоятельность и инициатива отдельных из них нивелировалась и подчинялась корпоративному духу всей коллегии в целом, которая, по существу, противостояла основной массе граждан. Поэтому

очень важным является замечание Аристотеля, отметившего, что «самый образ жизни эфоров не соответствует общему духу государства; они могут жить слишком вольготно, тогда как по отношению к остальным существует излишняя строгость» (Pol. II. 6.16. P. 1270 b). Геронты также противостояли основной массе спартанских граждан, поскольку, будучи, подобно эфорам, свободными от всякого контроля, они избирались пожизненно и далеко не из всех спартиатов. Таким образом, эфорат и герусия представляли собой консервативно-олигархическую правящую группу, которая и составляла в Спарте социальную и политическую элиту, призванную строго следить за тем, чтобы установившийся в Спарте общественно-политический порядок не нарушался.

Сравнивая внутрисполитические отношения Спарты и Афин, важно обратить внимание на одно весьма существенное различие, не позволяющее нам говорить ни о какой форме демократии в Спарте. Гарантом демократического строя в Афинах служила гелиэя — суд присяжных, возникший при Солоне и постепенно расширявший свои функции и укреплявший свой авторитет. Его значение заключалось в том, что, обладая правом контроля за должностными лицами и осуществляя судебные функции, он тем самым гарантировал фактическое участие всех граждан, включая и представителей низшего имущественного разряда — фетов, в управлении. Никакого института, подобного гелиэе, в Спарте не существовало. Правом суда и контроля здесь были наделены сами высшие должностные лица — эфоры и геронты.

Итак, своеобразная социально-экономическая и политическая структура лакедемонского государства, возникшая в результате завоевания соседних территорий и обусловленная необходимостью держать в повиновении поработанное и зависимое население, сохранить навечно завоеванные земли и закрепить господство лакедемонян в Пелопоннесе, избавила Спарту на очень ранней стадии от социальных потрясений, гражданских войн и тирании, составляющих неотъемлемую особенность исторического развития большинства греческих полисов VIII—VI вв. до н. э. Стабильность и относительная устойчивость спартанского режима, на что единодушно указывают античные авторы, не была результатом только идеализации ими спартанского общественно-политического строя. Факты свидетельствуют о том, что на протяжении более чем двух веков, начиная с середины VI в., социально-экономическая и политическая структура спартанского общества не претерпела существенных изменений. Поэтому можно сказать, что вся, основывающаяся на фундаменте античной общинной и государственной собственности, структура спартанского полиса оставалась в целом неизменной до тех пор, пока в недрах лаконского общества не получила достаточного развития движимая и недвижимая частная собственность.

Однако этот путь развития привел к подмене в Спарте свободной политической жизни принуждением и подозрительностью во взаимных отношениях граждан (см.: Thuc. II. 37.2; V. 64.4). Динамичная внутренняя и внешняя политика, открытая для экспериментирования и отличающаяся быстротой в замыслах и в осуществлении принятых решений, присущая большинству других полисов и особенно Афинам, не была характерна для Спарты. Спартанская внутренняя и внешняя политика начиная со второй половины VI в. до н. э. в основном отличалась консерватизмом, медлительностью, стремлением сохранить достигнутое и существующее и всегда с готовностью противостоять восстанию илотов и периэков.

Тем не менее эта политика не исключала имперских и гегемонистских устремлений Спарты и в отдельные периоды характеризовалась даже агрессивностью. Объяснение этому нужно искать как во внутривнутриполитических отношениях Спарты, так и во взаимосвязях ее с союзниками. Подчеркивая относительную устойчивость и стабильность спартанского общественно-политического строя, античные авторы указывают на единодушие

спартиатов (*ομόνοια*). Между тем это замечание не следует понимать буквально. В античной традиции имеется немало прямых сведений и косвенных намеков на то, что в Спарте как во второй половине VI в., так и в рассматриваемый нами период существовала политическая борьба и имел место различный подход к вопросам внешней политики. Однако содержание спартанских внутривнутриполитических отношений коренным образом отличалось от соответствующих отношений в других полисах, и в частности в Афинах, где в конце VI — первой половине V вв. до н. э. внутри гражданского коллектива наблюдалось столкновение демократических и аристократических тенденций, обусловленное тем, что здесь товарно-денежные отношения развивались более свободно и способствовали более глубокой дифференциации афинских граждан.

В Спарте же, где практически не существовало демоса и сложилась относительно однородная социальная структура, политическая борьба ограничивалась лишь правящей верхушкой, и основная масса спартанских граждан, по крайней мере, в рассматриваемый период, активного участия в ней не принимала. Формой проявления этой борьбы был конфликт между царями, с одной стороны, и эфорами и геронтами — с другой. Осуществление внешнеполитических мероприятий требует относительной самостоятельности командующих, каковыми в Спарте были чаще всего цари. Пользуясь широкими полномочиями, особенно во время войны (Hdt. VI. 56; Xen. Lak. Pol. 13—15), и стремясь освободиться от жесткого контроля со стороны эфората и герусии, они нередко проявляли максимум самостоятельности и поступали вопреки спартанским законам и обычаям. Эфоры вме-

сте с геронтами поддерживали царей лишь до тех пор, пока самостоятельность и растущий авторитет последних не вызывали у них опасения. Цари могли добиться определенных успехов, действуя только сообща (см. *Plut. Ages.* 12), поэтому эфоры старались внести раскол во взаимоотношения между ними.

Первым засвидетельствованным в источниках конфликтом подобного рода можно считать взаимоотношения эфоров с царем Анаксандридом из рода Агиадов в середине VI в. до н. э. (*Hdt.* I. 67; 68; 82; V. 39; 41; VI. 65). В конце VI — начале V вв. обострилась борьба между эфорами и царем Клеоменом (*Hdt.* III. 148; V. 49—51; VI. 74—75; 84; 108; *Plut. Aropt.* Lac. p. 223)⁹. В рассматриваемый нами период времени большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Спарты оказал конфликт между эфоратом и Павсанием.

2. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (Дело Павсания)

Греко-персидские войны выдвинули как в Спарте, так и в Афинах новых лидеров, которые, добившись успехов в борьбе с персами и вынашивая планы более грандиозных мероприятий, вступали в противоречие с традиционными принципами и нормами полисной жизни. Этими политиками были в Спарте Павсаний, а в Афинах — Фемистокл. Уже древние авторы, описывая их жизнь как бы в сравнении (*Thuc.* I, 89.3—96; 128.3—138; *Diod.* XI. 39—47; 56—59), видели в их судьбе черты сходства. Они проявлялись не в том, что оба политика претерпели наказание от благодетельствованных ими же людей. Сходство обнаруживается прежде всего в том, что Павсаний и Фемистокл относились к типу политических деятелей, как бы опережавших своими поступками эпоху. В самом деле, имперские и гегемонистские цели Павсания, которых он думал достигнуть, опираясь на помощь персидского царя, в значительной степени были воплощены в жизнь в конце V в. до н. э. Лисандром. Начинания же Фемистокла впоследствии во многом были продолжены и осуществлены Эфиальтом и Периклом. Кроме того, гибель Павсания и изгнание Фемистокла явились важной вехой в афино-спартанских отношениях. В то время как в Спарте после расправы с Павсанием значительно окрепла консервативно-олигархическая правящая политическая группа эфоров и геронтов, в Афинах же после изгнания Фемистокла усилилась консервативно-аристократическая группировка знати во главе с Кимо-

⁹ Об этих конфликтах см. более подробно наши статьи: *Строгецкий В. М.*: 1) Истоки конфликта эфората и парской власти в Спарте// *Античный полис: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ. Л., 1979. С. 42—57;* 2) Клеомен и Демарат. Особенности политической борьбы в Спарте в начале V в. до н. э.// *ВДИ. 1982. № 3. С. 38—49.*

ном. Это в значительной степени стабилизировало взаимоотношения между Спартой и Афинами, закрепив на некоторое время во внешней политике этих полисов принцип афино-спартанского дуализма.

Сначала обратимся к рассмотрению роли Павсания в событиях 70-х гг. V в. до н. э. Основными источниками, повествующими о деятельности Павсания после 479 г., являются Фукидид (I. 95; 128—135); Диодор (XI. 44—46); Плутарх (Arist. 23; Cim. 6) и Непот (Paus. 2—15). Краткие дополнительные сведения дают Геродот (V. 32; VIII. 3); Аристотель (Ath. Pol. 23.2—3) и Юстин (9.1.3). Личность Павсания неоднократно привлекала к себе внимание ученых, в том числе и отечественных, однако далеко не всегда с их выводами можно согласиться, тем более, когда они отличаются гиперкритическим отношением к данным традициям¹⁰.

Анализ сведений Фукидида и других авторов убеждает нас в том, что рассказ историка представляет единое целое и должен быть положен в основу реконструкции деятельности Павсания и связанных с ним событий. Диодор, также передающий достаточно детальный рассказ о Павсании, не противоречит Фукидиду, хотя он допускает некоторые отклонения, обусловленные как сокращением сведений Фукидида, так и влиянием материала, позаимствованного из других источников, в частности из Эфора.

Сообщение Диодора вместе с рассказом Фукидида, дополняемое сведениями других авторов, позволяет уточнить хронологию событий и определить главное их содержание. Диодору приходилось в угоду принятой им хронологической системе анналистического и синхронистического изложения материала некоторые события, длившиеся несколько лет, приурочивать к одному году. Часто он брал за основу завершающий год и к нему присоединял то, что случилось прежде. Это характерно и для его рассказа о деятельности Павсания. Все описываемые события он относит к 477 г. Сопоставление данных всей известной традиции позволяет сделать вывод, что этот год был завершающим в политической карьере спартанского регента.

Его действия на Кипре в качестве стратега эллинов и взятие Византия относятся к 478 г. (Thuc. I. 94). Поведение Павсания в Византии источники единодушно характеризуют как тираническое. Они указывают на то, что он значительно превышал

¹⁰ Об этом см. наши статьи: *Строгецкий В. М.*: 1) Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI.39—47; 54—59). Перевод и историко-критический комментарий//Из истории античного общества: Межвуз. сб. науч. труд./ГГУ. Горький, 1979. С. 3 и сл.; 2) Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (дело Павсания)//Проблемы античной государственности: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ. Л., 1982. С. 60—85; 3) К оценке афино-спартанского соперничества в 70-е годы V в. до н. э.//Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ. Л., 1984. С. 20—31.

свои полномочия и действовал вопреки обычаям эллинов (Thuc. I. 130. 1—2; Diod. XI. 44.5). Находясь вдали от Спарты и пользуясь своим положением стратега-автократора (Thuc. I. 94), Павсаний строил честолюбивые замыслы достижения господства в Элладе. Возможно, через Мегабата (см. Hdt. V. 32) он установил контакты с Ксерксом. Однако его первое пребывание в Византии оказалось недолговременным, поэтому он успел только наладить связь с царем.

Союзники не желали терпеть его диктат и жаловались в Спарту. Лакедемоняне незадолго до окончания срока пребывания Павсания в должности возвратили его и предали суду. Однако он был оправдан. Относительно его связи с персами у спартанцев в это время не было никаких доказательств. Тем не менее вследствие недовольства союзников спартиаты более не предоставили Павсанию полномочий главнокомандующего (Thuc. I. 95.6). Тогда Павсаний отправился в Византий в качестве частного лица (Thuc. I. 128.3), но будучи изгнан афинянами, он поселился в Троянских Колонах, где, как говорит Фукидид (I. 131.1), «имел недобрые намерения». Эти события произошли в течение весны-лета 477 г.

Некоторые современные исследователи, отвергая сообщение Фукидида о связях Павсания с персами во второй период его пребывания в Византии, а также во время проживания в Колонах (в Троаде), выдвигают свою, кажущуюся им более правильной, интерпретацию. Они считают, что возвращение Павсания в Византий и последовавшее затем поселение его в Колонах было осуществлено в соответствии с тайным поручением от спартанских властей¹¹. Однако этот путь едва ли может привести к плодотворному результату. Если спартанские власти дали Павсанию тайное поручение, то какова его цель? Вернуть Спарте гегемонию он не мог. Вести, как считает Лэнг, тайные переговоры с персами от имени Спарты — это слишком далеко уводящая нас от текста источника гипотеза.

Таким образом, мы не видим целесообразности в отказе от сообщения Фукидида. Признав же его за основу, можно прийти к результату, более соответствующему истине. Павсаний, отправляясь в Геллеспонт частным образом, стремился восстановить свое влияние и господство. Он мог надеяться на успех, только получив поддержку извне, т. е. от персов. В это время Колонии не входили в состав Делосской симмахии и отсюда было значительно ближе в Даскилей — резиденцию сатрапа Артабаза, которому Ксеркс поручил вести переговоры с Павсанием и оказывать ему помощь¹². Однако приказ лакедемонян не-

¹¹ Lang M. Scapagoat Pausanias/СIJ. 1967/1968. Vol. 63. P. 83; Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте//ВДИ. 1968. № 1. С. 135.

¹² Именно на это время приходится отстранение Ксерксом Мегабата от должности сатрапа в Даскилитиде и назначение на его место Артабаза (см. Thuc. I.129. Ср.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 114).

медленно вернуться в Спарту нарушил дальнейшие планы Павсания. Поэтому замечание Фукидида о том, что спартанцы не имели никаких улик против него, возможно, объяснялось непродолжительностью его пребывания в Геллеспонте в первый и во второй периоды. За это время Павсаний не успел предпринять каких-либо серьезных действий, что же касается переписки с царем, то она до времени оставалась в тайне. Возможно, уже после возвращения в Спарту из Троянских Колон Павсаний решил заручиться поддержкой илотов (Thuc. I. 132.4), а также предпринял неудачную попытку привлечь на свою сторону Фемистокла.

Эфоры возвратили Павсания в Спарту, по-видимому, летом 477 г. Фукидид говорит, что после того, как регент поселился в Колонах, лакедемоняне больше уже не медлили, но послали к нему глашатая со скюталой и велели ему не оставлять Павсания (I. 131.1). С этим замечанием Фукидида согласуются сведения Диодора (XI. 44—45) и Непота (Paus. 3). Особняком стоит лишь мнение П. Трога (9.1.3), согласно которому Павсаний удерживал Византий в течение 7 лет. Мы склонны принять мнение Фукидида и Диодора, тем более, что текст П. Трога не совсем ясен.

После возвращения Павсания в Спарту эфоры сначала заключили его в тюрьму, но потом выпустили на свободу с тем, чтобы он предстал перед судом (Thuc. 1.131.2). Не располагая явными уликами против него, лакедемоняне (имеются в виду эфоры и геронты, которые обычно судили царей) расследовали все его поступки, стремясь выяснить, не нарушал ли он установленных обычаев (Thuc. 1.131.2). Во время этого разбирательства открылось, что стремление к господству стало у него ярко проявляться сразу же после Платейской битвы (Thuc. 1.132.2—3). Стали известны его связи с илотами. Наконец, когда спартанские власти собрали все необходимые факты о поступках Павсания (Thuc. 1.134.1; Diod. XI. 45.1—5), они отдали распоряжение о его аресте и приговорили к смертной казни (Thuc. 1.134.1—3; Diod. XI. 45.5—7).

Современные исследователи предлагают самые различные датировки гибели Павсания: от 472 до 467 гг. до н. э. Однако сопоставление сведений Фукидида и Диодора вполне позволяет согласиться с мнением, высказанным еще в свое время Куртовой, что эфоры расправились с Павсанием не позднее осени или зимы, судя по описанию Фукидида (1.134. 1—2), 476 г.¹³

Характеристика места и роли Павсания в политической борьбе в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. является предметом дискуссии. Многие современные ученые, в том числе (С. Я. Лурье, А. Е. Паршиков), исследуя внутривнутриполитические отношения в Спарте, обнаруживают в ней действия различных политиче-

¹³ Куртова М. С. Персидские войны. СПб., 1858. С. 155.

ских партий. Аргументом в пользу этой точки зрения для большинства ученых служит известный рассказ Диодора о политических дебатах в Спарте после перехода к Афинам господства на море (Diod. XI. 50).

Рассматривая этот сюжет в сравнении с данными Геродота (VIII. 3), Фукидида (I. 95.7), Аристотеля (Ath. Pol. 23.2—3) и Плутарха (Arist. 23), можно прийти к следующему выводу. По-видимому, рассказ о дебатах в Спарте был риторической обработкой Эфором известного сообщения Фукидида (1.95.7). Историк говорит лишь о принятии лакедемонянами решения уступить афинянам гегемонию на море, объясняя его тем, что они желали избавиться от тягот войны с персами, считали афинян, с которыми находились в то время в дружбе, способными к главнокомандованию, и опасались, как бы их начальники, подобно Павсанию, не развратились за пределами родины. Это решение лакедемонян было представлено как результат дебатов в спартанской герусии и народном собрании, где якобы высказывались противоположные точки зрения.

Был ли автором этой риторической обработки Эфор или сам Диодор, трудно сказать. Но, несомненно, для последнего она служила образцом парадокса, заключающегося в том, что эфор

в силу своего превосходства (υπεροχη) сумел переубедить герусию и народ, несмотря на противоположные мнения граждан. Парадоксы, как риторический прием, Диодор часто использует при необходимости подчеркнуть превосходство того или иного политического деятеля. Важно отметить, что Плутарх (Arist. 23), который также пользовался сочинениями Эфора, не упоминает о политических дебатах в Спарте, и реакцию лакедемонян на то, что господство на море перешло к афинянам, он характеризует в духе Фукидида.

Таким образом, этот рассказ Диодора не может служить доказательством в пользу противоборства различных партий. Деятельность Павсания и его гибель являют собой яркий пример конфликта между стремившимся к независимости политическим и военным лидером, каким был регент Павсаний, и спартанскими властями (эфорами и геронтами), стоявшими на страже государственных интересов и общественно-политического строя. После расправы над Павсанием позиции герусии и эфората как консервативно-олигархической правящей политической группы значительно укрепились. Спарта оставалась эталоном стабильности и порядка и превратилась в оплот консервативно-олигархических и аристократических сил Эллады.

Защита утвердившегося в Спарте общественно-политического строя была главным условием сохранения и укрепления стабильности ее внутривосточного и внешнеполитического положения и господства в Пелопоннесе. Отсюда неизбежны охранительные тенденции в политике лакедемонян, целью которых

было недопущение установления демократических порядков как в самой Спарте, так и Пелопоннесе и в центральной Греции. Поэтому, несомненно, противоречия между Спартой и Афинами возрастали по мере того, как углублялся и расширялся процесс демократизации афинского общества.

3. Значение реформ Клисфена для развития афинской рабовладельческой демократии

Своеобразие внутривладевательской жизни в Афинах в V в. до н. э. определялось тем, что здесь афинская модель полиса, оформившегося в результате реформ Солона и Клисфена, не препятствовала процессу товарно-денежных отношений. Среди афинских граждан были не только земледельцы и землевладельцы, но также и ремесленники, торговцы, моряки и другие категории гражданского населения, не связанные с земледелием. Поэтому по мере того, как роль этой части граждан усиливалась в общественно-политической жизни Афин, создавались благоприятные предпосылки для дальнейшего развития афинской демократии.

Это положение находит подтверждение и в источниках. Однако в последнее время в западной историографии появились работы, в которых коренным образом изменена оценка античной традиции о внутривладевательской истории Афин со времен Клисфена и вплоть до начала Пелопоннеской войны. Исследователи подвергают сомнению достоверность античной традиции. Особенно негативные суждения высказываются в отношении Аристотеля. Американские исследователи Фрост и Сили, возражая против объяснения политического развития Афин, данного Аристотелем, считают его выводы не отражающими реальную действительность, поскольку они основываются на «гипотезах классово-борьбы»¹⁴. Дэй и Чемберс, отмечая, что в «Политике» философ говорит о борьбе двух элементов в государстве: богатых и бедных, приходят к заключению, что «невозможно следовать Аристотелю в его почти марксистском анализе афинского политического соперничества»¹⁵.

Утверждение Аристотеля о соотношении бедных и богатых как диаметрально-противоположных элементов государства и зависимости форм государственного строя от перевеса того или иного из этих элементов является лишь развитием идей, высказанных уже Платоном в «Законах» (Leg. 736 d-e; 743 a; 744 b-e; 831 d) и «Государстве» (De rep. 421 d; 422—423 ab). Проблема богатства и бедности волновала не только философов, но и

¹⁴ Frost P. J. Themistocles' Place in Athenian Politics//CSCA. 1968. № 1. P. 111; Sealey R. The Origins of Democratia//CSCA. 1974. Vol. 6. P. 292.

¹⁵ Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy, Berkeley, 1962. P. 144.

поэтов (Аристофан «Богатство»). Это, несомненно, указывает на то, что реальная ситуация в Афинах в V в. характеризовалась, с одной стороны, стремлением людей к обогащению, приобретению земли, домов, золота и серебра (Plat. De rep. 548 a-c), с другой — процессом обнищания масс и ростом числа бедняков (Arist. Plut. 550 sqq.). Не случайно резкое усиление афинской колонизации приходится на середину V в. до н. э.¹⁶ В этом нужно видеть не только проявление имперской политики Перикла, но и его попытку за счет колонизации разрешить проблему афинской бедноты.

Все сказанное заставляет обратиться к рассмотрению наиболее важных проблем политической истории Афин конца VI—V вв. до н. э. Главной темой дискуссий последнего времени является интерпретация роли выдающихся деятелей афинской демократии — Клисфена, Фемистокла, Аристотеля, Кимона, Эфиальта и Перикла, что представляется чрезвычайно важным, ибо с именем каждого из них связан своеобразный период в истории афинской демократии, и в политике этих лидеров афино-спартанские отношения занимали едва ли не главное место.

Начнем рассмотрение упомянутой темы с анализа деятельности Клисфена. Истинные его демократические реформы неоднократно привлекали к себе внимание ученых, в том числе и советских¹⁷. Но поскольку некоторые современные западные исследователи подвергают сомнению его вклад в развитие афинской демократии¹⁸, поэтому важно проанализировать материал, помогающий понять характер преобразований Клисфена и раскрывающий важнейшие тенденции развития афинского общества.

Итак, упомянутые выше западные исследователи утверждают, что термин «демократия» появился только в середине V в. и был введен критиками афинской конституции. Внутриполитическое положение в Афинах в результате деятельности Клисфена определялось, как считают эти исследователи, не социально-экономическими и политическими факторами, но личными отношениями и конфликтами влиятельных представителей аристократических фамилий. Аргументируя это положение, ученые ссылаются на Геродота, подчеркивая, что он на передний план выдвигал личные отношения.

¹⁶ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 135.

¹⁷ Строецкий В. М.: 1) Клисфен и Алкмеониды//ВДИ. 1972. № 2. С. 99—106; 2) Геродот и Алкмеониды//ВДИ. 1977. № 3. С. 145—154; Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах//ВДИ. 1986. № 1. С. 17—35; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 162 и сл.

¹⁸ Finley M. The Ancient Greeks. L., 1963. P. 70; Sealey R.: 1) Regionalism in Archaic Athens//Historia. 1960. Bd. 9. P. 155—180; 2) The Origins of Democracy... P. 267 f.; Meier Chr. Clisthène et le problème politique de la polis Grecque//RIDA. 1973. T. XX. P. 116 ff.

Действительно, Геродот (V. 66), описывая политическую ситуацию в Афинах после освобождения их от тирании, говорит: «тогда во главе города стояли два человека: Алкмеонид Клисфен и Исагор, сын Тисандра, они и боролись за власть в Афинах». Однако далеко не достаточно ограничиваться только этой ссылкой. В следующей главе (V. 69), рассматривая деятельность Клисфена, Геродот отмечает, что он привлек на свою сторону ранее бесправный афинский народ. Характеризуя результаты деятельности Клисфена, Геродот говорит, что афиняне добились свободы слова (ισηγορίη). В другом месте (VI. 131) он прямо указывает на установление Клисфеном демократии для афинян (Κλεισθένης...την δημοκρατίαν Ἀθηναίοισι καταστήσας). При этом важно подчеркнуть, что для Геродота демократический строй, возникший при Клисфене, являлся идеальной формой правления (V. 78). Также и Аристотель отмечает, что после реформ Клисфена государственный строй Афин стал более демократичным, чем солоновский (Ath. Pol. 22.1).

Первой и наиболее важной по значимости была территориальная реформа Клисфена. Объясняя ее, Сили утверждает, что Клисфен был не демократом, а «регионалистом» и цель свою видел в создании преимуществ для аристократических семей города в борьбе с теми знатными фамилиями, которые жили за пределами его, но претендовали на господство в Афинах.

С подобной трактовкой реформы Клисфена согласиться нельзя. В представлении Сили и других исследователей эта реформа имела слишком утилитарный узко-специфический смысл. Между тем уже античные авторы придавали ей гораздо большее значение. Обобщая данные литературной традиции (Hdt. V. 69; 72; Arist. Ath. 21.1; 2; 4; Pol. VI. 2.11. P. 1319 a 24 sqq.), можно сделать следующие выводы. При осуществлении сложного территориального деления Аттики Клисфен стремился, во-первых, смешать ее население, подорвав тем самым влияние знатных семей на местах и усилив роль демократических элементов; во-вторых, разрушить старые религиозные связи, контролируемые знатными родами, отделив культовые центры от прилегающих к ним территорий; в-третьих, обеспечить единство государства, объединив вместе людей из различных частей Аттики и превратив Афины в ее политический центр. Таким образом, главным результатом этой реформы было создание административно-территориального деления Аттики по демам и филам с относительно равным по численности гражданским населением в них, включающим людей, принадлежащих к разным сословиям и прежде всего городских и сельских жителей.

Ослабление влияния знати, согласно реформе Клисфена, достигалось путем рассредоточения знатных семей всех трех рай-

онов Аттики (Ἀστὺ, Παράλια и Πεδίον) по демам всех 10 фил. Так, например, род Аминандридов размещался, возможно, в 40 демах, род Кериков — в 19, род Эвмолпидов — в 10 и т. д.¹⁹. Демократические последствия этой реформы обнаруживаются и в пополнении Клисфеном афинского демоса. Так, например, Аристотель в «Афинской политике» отметил, что Клисфен, проводя территориальную реформу, стремился к тому, чтобы «большее число людей получило возможность участия в делах государства» (Ath. Pol. 21.2: «Ὅπως μετασχωσέε πλείους τῆς πολιτείας», ср. Htd. V. 69)²⁰. Приняв новых граждан и расписав их по демам, Клисфен в целях недопущения распрей между старыми и новыми гражданами, ввел более демократический принцип наименования афинян, потребовав, чтобы они назывались не по отцу, но указывали свою принадлежность к дему (Arist. Ath. Pol. 21.4). О пополнении Клисфеном афинского демоса Аристотель говорит и в «Политике», уточнив, что Клисфен вписал в филы многих иноземцев и рабов-метеков (Pol. III. 1.10, p. 1275 b 37...

«Πόλους γὰρ ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους», ср. VI. 2.11, p. 1319 a 24 sqq.).

Демократический характер законодательства Клисфена подтверждают и другие его реформы: организация совета 500 и введение остракизма. Уже при Клисфене совет 500 делился на 10 частей, называемых пританиями. Притания состояла из 50 человек, выбираемых каждой филлой по демам пропорционально их размерам и числу жителей.

Итак, оценивая значение реформ Клисфена, необходимо отметить следующее. Пути развития спартанского и афинского полисов и особенности их социально-политических структур были совершенно различны. Со времени реформ Солона, не отмененных при тирании и в значительной степени расчистивших путь для сравнительно быстрого развития товарно-денежных отношений, прошло более 80 лет. В течение этого периода качественно изменилась социально-экономическая структура афинского общества, окрепли его демократические слои, что и способствовало созданию объективных условий для успешного осуществления Клисфеном демократических реформ. Они не только укрепили демократическое управление в Афинах, объединив Аттику и ликвидировав наследственное господство эвпатридов, но и открыли путь к развитию и совершенствованию

¹⁹ Schaeffer H. von. Δημο: //RE. 1905. Bd. V. Sp. 2—131.

²⁰ Предложенный С. Г. Карпюком перевод упомянутого сообщения Аристотеля: «... чтобы они (граждане. — В. С.) приняли участие в большем (числе) государственных дел», — неправильный, так как πλείους — здесь сокращенная форма πλείονες и является в данном случае подлежащим.

афинской рабовладельческой демократии. Вместе с тем важно подчеркнуть, как уже отметили античные авторы, что реформы Клисфена способствовали усилению противоречий между дорийской Спартой и ионийскими Афинами и обнаружили связь между победой демократии и ростом афинского могущества и экспансии (ср. Hdt. V. 66; 69; 72).

4. Внутриполитическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. Фемистокл и Аристид

Едва ли не самым ярким эпизодом внутриполитической борьбы в Афинах после Клисфена можно считать события 80—70-х гг. до н. э., главными персонажами которых были Фемистокл и Аристид.

Основным источником для исследования этой проблемы является классическая (Hdt. VII. 143; VIII. 79; 124; 143—144; Thuc. 1.14.3; 90.3—93; 138.3; Arist. Ath. Pol. 22.7; 23.3—5) и эллинистическо-римская (Diod. XI. 40—43; 46—47; 54—59; Plut. Themist.; Arist.) литературная традиция. Некоторую помощь могут оказать найденные в большом числе на афинской Агоре и в Керамике острака с именами различных политических деятелей, в том числе Фемистокла и Аристида²¹.

Античная традиция, несмотря на расхождения частного характера, в целом дает чрезвычайно важный материал, позволяющий говорить о том, что противоборство афинских аристократических фамилий и их лидеров за первенство было следствием обострения социальных противоречий внутри афинского полиса и осуществлялось в условиях развивающейся и укрепляющейся афинской демократии. Античные авторы в большинстве своем связывают процесс демократизации афинского общества с тем временем, когда важную роль в Афинах начал играть флот, и беднейшие граждане стали служить на кораблях. В значительной степени активизация политической роли этой части афинских граждан обусловлена деятельностью Фемистокла, выделявшей его среди тогдашних афинских политиков как лидера нового типа, выступившего с широкой программой демократизации афинского общества. Соперником Фемистокла на протяжении всего периода наивысшей активности его политической карьеры античная традиция называет Аристида.

Рассматривая роль Фемистокла и Аристида в жизни афинского государства, необходимо учитывать, что здесь имело место противоречие между полисной структурой афинского общества и отдельными афинскими лидерами, для которых на определенном этапе рамки полиса становились узки. Это противоречие в Афинах в силу относительно развитых товарно-денежных

²¹ ML N51 P. 40—47; ср.: Rhodes P. J. A Historical Commentary on the Aristotelian Athenaiou Politeia. Oxford, 1981. P. 272 ff.

отношений и связанных с ними индивидуалистических тенденций проявлялось в обострении внутривагитической борьбы, охватившей широкие слои гражданского населения, и образовании соперничавших групп радикального и консервативного толка.

При рассмотрении роли Фемистокла и Аристиды мы сталкиваемся с двумя совершенно противоположными решениями этой проблемы: сторонники традиционной точки зрения исходят из концепции борьбы в Афинах V в. двух партий: демократической и аристократической (или олигархической).

В 70—80-е гг. традиционное мнение подверглось резкой критике в работах целого ряда англо-американских исследователей, подхвативших концепцию, ранее выдвинутую представителями старшего поколения германских историков (Х. Берве, Д. Кихле, Ф. Шахермайер), согласно которой в Афинах в начале V в. до н. э. не существовало демократической конституции, а господствующее положение в обществе занимала аристократическая элита. Поэтому, характеризую действия и поступки Фемистокла и Аристиды, они полагают, что эти лидеры преследовали свои личные цели, а их остракизм они рассматривали как результат противоборства между представителями городской (Аристид и Кимон) и региональной (Фемистокл) аристократии (Р. Сили, Ф. Фрост).

Обе концепции отражают крайности подходов к решению проблемы. Несмотря на их полную противоположность, общий недостаток, присущий им, заключается в том, что они трактуют общественные отношения в Афинах вне связи с особенностями развития полисной структуры, чрезмерно архаизируют и упрощают общественную жизнь в Афинах и, отвергая выводы Аристотеля, фактически лишают свои суждения теоретической основы.

Античная традиция представляет Фемистокла как homo novus в общественно-политической жизни Афин (Hdt. Уп. 143; Plut. Them. 2.8; Nep. Them. 1; Athen. XII. 533; Ael. VII. 11.12). Хотя он и принадлежал к жреческому роду Ликомидов, но скорее всего к его младшей ветви²², тем не менее в среде афинской аристократии он слыл чужаком. Это наложило соответствующий отпечаток как на его взаимоотношения со знатными семьями, так и на политические позиции. Фемистокл, лишенный той славы, которую давали афинянину, принадлежащему к известной аристократической семье, благородство, родовитость и богатство, стремился добиться ее на общественном поприще (Plut. Them. 3.1; Nep. Them. 11.1). Он смело вступил в борьбу с самыми влиятельными и выдающимися лицами в государстве (Plut. Them. 3.1) и рано осознал необходимость опоры на демос (Plut. Them. 3.3; Nep. Them. 11.1.3). Этому способствовало ве-

²² Plut. Them. 1. 4. cp.: Davies J. K. Athenian Propertied Families 600—300 B. C. Oxford, 1971. P. 212 ff.; 346 ff.

дение им гражданских судебных дел (Nep. Them. 11.1.3); исполнение ответственных должностей в государстве (Plut. Them. 31). Вращаясь в гуще общественной жизни и обладая даром предвидения (Thuc. 1.138.3), Фемистокл мог увидеть тенденции развития Афин, обусловленные ростом торгово-ремесленных и связанных с морем слоев афинского демоса. Избрание в 493/2 г. на должность архонта было его важной политической победой.

Что касается Аристиды, то он принадлежал к аристократическому роду Кериков, что и позволило ему быть избранным в 489 г. на должность архонта-эпонима. Он происходил из дема Алопеки, который был родиной многих аристократических семей.

Фемистокл и Аристид с самого начала их политической карьеры вступили на путь, ранее проторенный Клизфеном, и каждый из них стремился стать «простатом народа». Фемистокл отличался как от Клизфена, так и от политических деятелей своего времени, подобных Аристиду, и имел некоторые черты политика новой формации. Как заметил Плутарх (Them. 3.1), он был первым из афинян, бросивших вызов знати. Фемистокл был также первым афинским лидером, который стал смотреть на политическую деятельность как на профессиональное мастерство, полагая, что его можно постигнуть с помощью специальных знаний (Plut. Them. 2). С этим связана еще одна особенность Фемистокла как политика нового типа, заключавшаяся в том, что он, руководствуясь принципами рационализма и реализма, сознательно планировал реформы, направленные на демократизацию афинского общества, и стремился освободить его от консервативных традиций и обычаев, сдерживавших его развитие.

Все это создавало благоприятную почву для роста влияния Фемистокла, с одной стороны, с другой — вызывало противодействие консервативных сил. В течение десятилетия, предшествующего вторжению персов, одним из главных его противников был Аристид. Плутарх, подчеркивая, что Аристид, подражающий лакедемонянину Ликургу, был сторонником аристократического строя, а Фемистокл был вождем демократии, по-видимому, упрощает действительное состояние дел. Несомненно, и тот, и другой добивались поддержки как можно большего числа афинских граждан, только Аристид, в силу своего происхождения и положения в обществе, был приверженцем консервативных мыслей и действий, что усугублялось влиянием на него Марафонской победы и его верой в связи с этим в силу и значение гоплитского строя (Plut. Arist. 3).

Период с 493 по 480 г. — время наивысшей политической активности Фемистокла. Росту его популярности способствовали слабость позиций знати, ее разобщенность (Plut. Arist. 2), персидские настроения, характерные для некоторых аристократических фамилий, а также поражение афинян в войне с Эги-

ной, которая велась с 489 г. по 486 г. (Hdt. VI. 88—93). Важнейшим мероприятием, имевшим глубокие социальные последствия, была морская программа Фемистокла. Начало ее осуществления было положено в год его архонства строительными работами в Пирее (Thuc. 1.93.3—4).

Будучи политиком практического толка, Фемистокл руководствовался в составлении плана застройки Пирея насущными потребностями развития города. План отражал важный этап экономического подъема Афин. Данные археологии свидетельствуют о том, что в начале V в. афинский экспорт в Эгеиде окончательно вытеснил лаконские и коринфские ремесленные товары²³. Это, несомненно, привело к увеличению числа иностранных торговых судов, прибывающих в Афины, да и собственный флот к началу V в. насчитывал немногим более 50 кораблей (Hdt. VI. 89)²⁴. Несмотря на это, афиняне продолжали пользоваться естественными стоянками для флота (Фалерик — Diod. XI. 41.2; Прасии — Thuc. 95.1; Paus. 1.31.2). Но так как эти стоянки стали слишком малы, Фемистокл решил построить порт в Пирее.

Иными словами, развитие торговли и ремесла в Афинах достигло такого уровня, когда возникла необходимость усовершенствовать организацию морского дела, построить большой порт с оборудованными и укрепленными гаванями, причалами, доками, складами и верфями. Однако завершить морскую программу Фемистоклу не удалось. Сложность международного положения, обусловленная нашествием персов и войной с Эгиной, а также обострение внутривластной борьбы в Афинах заставили Фемистокла на время отложить осуществление намеченных целей.

В этой ситуации лидерство удалось отвоевать Аристиду и он был избран архонтом в 489/8 г. Однако во второй половине 80-х гг., скорее всего в результате поражения в войне с Эгиной, вновь сложились благоприятные условия для завершения морских планов Фемистокла. В это время главной задачей для него стало строительство флота. Основная информация об этой реформе происходит от Геродота и Аристотеля²⁵. Согласно Геродоту (VII. 144), Фемистокл предложил деньги, поступающие с Лаврийских рудников, не распределять между гражданами, как это обычно делалось, а на них построить 200 кораблей. Аристо-

²³ Roebuck C. *Ionian Trade and Colonisation*. N. J., 1959. P. 79 ff.; French A. *The Growth of Athenian Economy*. L., 1964. P. 31 ff.

²⁴ Amit M. *Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power*. Bruxel., 1965. P. 9 ff.; Jordan D. *The Athenian in Classical Period. A Study of Athenian Naval Administration and Military Organisation in the Fifth and Fourth Cent.* B. C. Berkel., 1975. P. 6 ff.; Haas Ch. J. *Athenian Naval Power before Themistocles*//*Historia*. 1985. Bd. 34. 1. P. 29—46.

²⁵ Обсуждение морского закона Фемистокла см. в следующих работах: Labarbe J. *La Loi navale de Thémistocle*. P., 1957. P. 21 ff.; Amit M. *Op. cit.* P. 19 ff.

тель же (Ath. Pol. 22.7) говорит, что рудники были открыты в Маронии (местечко на юге Аттики поблизости от Лаврийских рудников) и от их разработки у города остались сбережения в 100 талантов. Фемистокл предложил дать их заимообразно 100 богатым афинянам, каждому по таланту. Получив деньги на таких условиях, он распорядился построить 100 триер, причем каждый из этих 100 человек строил одну. Мнение Аристотеля отразилось и у поздних авторов (Plut. Them. 4.1—3; Polyaeu. 1.30.6; Nep. Them. 11.3.2). По-видимому, Аристотель, пользуясь аттидографической традицией, наиболее близок к передаче существа морского закона Фемистокла. В то время как сообщение Геродота имеет самое общее содержание, свидетельство Аристотеля конкретно. Он указывает дату события, точное название места, где были открыты рудники, сумму городского дохода и то, каким способом были построены триеры.

Морская программа Фемистокла оказала огромное влияние как на военную стратегию, так и на социально-экономическое и политическое состояние афинского общества. Создание афинского флота из кораблей нового типа — триер обеспечивало афинянам возможность совершать длительные морские экспедиции и вести продолжительные сражения на море, что и способствовало образованию впоследствии афинской талассократии. Строительство триер и Пирейской гавани требовало большого числа рабочих рук. Источники сообщают, что уже при Фемистокле начался приток метеков и ремесленников (Diod. XI. 43.3; Arist. Ath. Pol. 24.1; Plut. Them. 4; Pericl. 12.5—6), многие из которых становились афинскими гражданами. Это, несомненно, должно было привести к коренной перестройке социальной структуры афинского общества и к дальнейшей его демократизации, а вместе с тем и к обострению внутривнутриполитической борьбы. Наивысшего апогея она достигла в период с 487 по 380 г., когда впервые был применен остракизм и подверглась изгнанию целая группа представителей знати (Arist. Ath. Pol. 22.2.7; ML. № 51, p. 40—47).

Последним среди тех, кого называет Аристотель, подвергся остракизму Аристид в 483/2 г. О его борьбе против Фемистокла можно говорить, используя данные прежде всего Аристотеля и Плутарха (Plut. Arist. 2.4). В процессе политической борьбы Фемистокл, пользуясь, как уже отмечалось, разобщенностью знатных родов, добился победы. Одной из причин изгнания остракизмом Аристида было его враждебное отношение к морской программе Фемистокла (Arist. Ath. Pol. 22.7).

Добившись победы, Фемистокл достиг апогея своей политической карьеры. Казалось, авторитет его был непоколебим. Тем не менее, внутри Эллинской лиги, возникшей в 481 г. для борьбы с персами, все более усиливалось негативное отношение к нему союзников во главе со Спартой (Hdt. VII. 62; 175; VIII. 2—5; 49; 56—62). В ходе войны укреплялись морские позиции

Афины, а в действиях Фемистокла все более намечался разрыв с идеей общеэллинского единства и утверждалась антиспартанская направленность. Лакедемоняне, замечая эти опасные тенденции, стремились ослабить его влияние и растущее афинское могущество (Hdt. VIII. 93; 124; Strab. IX. 6.16, p. 375; Diod. IX. 27.2—3; Plut. Them. 17.1—2). С этой целью они пригласили Фемистокла в Лакедемон, оказав ему великолепные почести (Hdt. VIII. 124; Thuc 1.74.1; Plut. Them. 17.2; Diod. XI. 27.3), а в Афинах начали искать сторонников среди враждебной Фемистоклу аристократии (Plut. Cim. 16.2), лидеры которой, некогда подвергшиеся остракизму, весной 480 г. были возвращены на родину ввиду похода Ксеркса (Arist. Ath. Pol. 22.8; Plut. Arist. 8).

В это время в Афинах возникла ситуация, способствовавшая росту консервативных настроений. Последовавшее после Саламина значительное сокращение эллинского флота (с 378 до 110 кораблей), включавшего больше всего афинских военных судов, и повышение роли сухопутных военных сил как бы воскресили на время традиции Марафона. Активизировалась гоэлитская часть гражданского населения, влиятельное положение в которой вновь стал занимать Аристид. Он заслужил авторитет своими действиями накануне и в ходе Саламинской битвы (Hdt. VIII. 95; Plut. Arist. 9). Однако сразу же после Саламинского сражения между Фемистоклом и Аристидом вновь возродились распри. Разногласия возникли на основе расхождения мнений по поводу дальнейшей стратегии в войне с персами. В то время как Фемистокл требовал продолжить войну с персами на островах и в Геллеспонте, Аристид вместе с другими лидерами Эллинского союза считал необходимым прежде всего очистить от персов Балканскую Грецию (Hdt. VIII. 108; Plut. Them. 16; Arist. 9).

Слава победителя при Саламине, доставшаяся Фемистоклу, чрезмерное влияние не только в Афинах, но и за их пределами, с одной стороны, и отказ большинства лидеров Эллинского союза от его плана дальнейшего ведения войны с персами, с другой — способствовали непомерному росту честолюбивых амбиций Фемистокла, который и без того был щедро наделен ими природой (Plut. Them. 3; 4; 5; 17.4; 18.1; 22.1—2). Это и послужило одной из причин возникновения недовольства им как среди союзников, так и афинских граждан (Hdt. VIII. 125). Нападки на него стали возможны еще и потому, что он после 480 г. потерял политическую инициативу. Продолжая отстаивать свою стратегию, предусматривающую ведение войны с персами силами флота (Hdt. VIII. 108—109), Фемистокл недооценил значение смены стратегической и политической ситуации. В результате он не был избран стратегом на 479 г. Афиняне избрали на эту должность его противников Аристида и Ксантиппа (Hdt. IX.28.6; Diod. XI.34.2). С этого времени начался закат его политической карьеры. Фемистокл не был включен и в состав посольства в

Спарту, которое должно было поторопить лакедемонян с выступлением против Мардония (Hdt. IX.6; Plut. Arist. 10.9—10). Фактически Фемистокл был отстранен от активного участия в руководстве внутренней и внешней политикой. Но он, по-видимому, быстро осознал опасность своего положения и стал строить планы перехвата политической инициативы у своих противников.

Как только выдвинутый им после Саламинского сражения план организации морской экспедиции к Геллеспонту и Ионии не удался, он вместе с некоторыми эллинскими военачальниками, которых удалось убедить, решил подчинить отдельные острова, выступавшие на стороне персов (Hdt. VIII. 111—112; 121; Plut. De Hdt. mal. 40.8. 871. с.; Plut. Them. 21). Эти действия не были санкционированы советом Эллинской лиги, поэтому Фемистокл осуществлял их тайно с помощью своих доверенных лиц. Целью их было добывание средств, необходимых ему для осуществления последующих замыслов.

Вел Фемистокл также тайные переговоры с царем, отправив к нему посольство из преданных ему людей (Hdt. VIII. 109; Thuc. 1.137.4; Diod. XI.19.5; 59.3; Plut. Them. 16.2.4; Arist. 9.5; Frontin. Strateg. 11.6.8; Nep. 11.5; Polyae. 1.30.4). По-видимому, он, предвидя, что задача освобождения Эллады от персидского нашествия в ближайшее время будет решена, стремился стабилизировать отношения с персами и обратить внешнюю политику Афин против Спарты. Не случайно в это же время Фемистокл, пользуясь своим влиянием в Дельфах, помешал спартамцам добиться господства в Дельфийской амфикистии, изгнав из нее те государства, которые поддерживали персов (Plut. Them. 20.3). Среди них были такие крупные полисы и группы полисов, как Фивы и Фессалия, ставшие впоследствии яблоком раздора между Афинами и Спартой.

Противоположной по характеру была политика Аристиды, хотя и в его действиях, несомненно, прослеживается стремление к укреплению афинского могущества. Однако в отличие от Фемистокла он старался достигнуть этой цели, не отказываясь от идей общеэллинского единства (Plut. Arist. 20—21). Правда, Аристид, задумываясь о путях повышения роли афинского влияния в союзе, стал по-новому смотреть на афинский флот, видя в нем важное средство укрепления афинской талассократии. Это в конечном итоге объясняет отмеченную в источниках тягу Аристиды к более радикальным действиям по сравнению с предшествующим периодом и возникновение у него некоторых общих точек соприкосновения с Фемистоклом в вопросах внутренней политики (Arist. Ath. Pol. 23.3), например, в период строительства оборонительных стен в Афинах.

Сразу же после Платейской битвы и возвращения афинян в город Фемистокл, стараясь восстановить утраченное политическое влияние, начал бурную агитацию и лихорадочные действия

в пользу строительства стен в Афинах²⁶. Несмотря на то что Фемистоклу удалось убедить большинство граждан в необходимости укрепления города, что было нетрудно после двух опустошительных вторжений персов, это не принесло ему ожидаемых результатов. В то время как граждане, отдавая предпочтение лидерам типа Аристида и Кимона, в большинстве своем видели в оборонительных стенах только средство защиты против внешних врагов. Фемистокл рассматривал их как важное условие борьбы против Спарты. Это подтверждается его дипломатическими маневрами и открыто враждебным отношением к лакедемонянам (Thuc. 1.90—91; Diod. XI.39—40). Так, Фемистокл, будучи отправлен с посольством в Спарту, был готов даже пойти на разрыв отношений и конфронтацию с лакедемонянами. Однако в общественном мнении Афин в это время преобладали консервативно-умеренные взгляды, и действия Фемистокла не получили одобрения (Arist. Ath. Pol. 23.3). Спарта, учитывая это, равно как и складывающуюся неблагоприятную для нее внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию, не дала повода к удовлетворению честолюбивых амбиций Фемистокла (Thuc. 1.92; Plut. Them. 19.2—3; Diod. XI.40.4).

Афинские граждане не избрали Фемистокла стратегом и на 478/7 г. Он оказался в изоляции, и это был конец его политической карьеры. Действия Фемистокла после 478 г. свидетельствуют о его стремлении любым способом вернуть расположение граждан. Однако это скорее напоминало агонию обреченного (Plut. Them. 22). Наиболее точно охарактеризовал отношение афинян к Фемистоклу Диодор, подчеркнув, что они одновременно и восхищались им, и боялись его (XI.42.4). Поэтому пока политика Фемистокла была успешной, он имел непререкаемый авторитет, но стоило ему выпустить бразды правления из рук, как граждане тотчас отвернулись от него.

Аристид, опираясь на популярность среди афинских граждан идеи общеэллинского единства в борьбе против персов, всячески противодействовал Фемистоклу, стремившемуся разрушить эту идею и разорвать взаимоотношения между Афинами и Спартой (Plut. Arist. 22).

Внутриполитическая обстановка в Афинах обострилась в середине 70-х гг. V в., что, по-видимому, было обусловлено вмешательством лакедемонян, нашедших после суда над Павсанием материалы, компрометирующие Фемистокла (Diod. XI.54.4—5), и объединением противников Фемистокла в борьбе против него, среди которых выделялись особенно Аристид, Алкмеон и Кимон (Plut. Arist. 22; 25.10; Moral. 805 c.).

²⁶ Thuc. 1.90—93—2; Arist. Ath. Pol. 23.4; Diod. XI. 39—40; Plut. Them. 19.1—3; Nep. Them. 112,7; Andoc. 111.38.

Изгнание Фемистокла непосредственно связано с природой остракизма. Эта мера рано превратилась в орудие политической борьбы. Алкмеониды, Филаиды и Керики, возглавлявшие консервативно-умеренную часть граждан, объединив усилия, использовали остракизм как средство расправы над своим политическим противником. Вместе с тем необходимо различать остракизм как инструмент политической борьбы в представлении отдельных афинских политиков и остракизм как меру, направленную против слишком влиятельных и выдающихся личностей в представлении афинских граждан в целом. Эта последняя мысль подчеркивается всеми авторами, как ранними (Thuc. VI.73.3; Arist. Ath. Pol. 23.3), так и поздними (Diod. XI.53.3; Plut. Them. 22.4—5). Поэтому когда античная традиция с этих позиций объясняет остракизм Аристиды и Фемистокла завистью и ненавистью граждан из-за их возвышения над ними, то в этом едва ли нужно видеть наивность античных писателей. Полис — это самоуправляющийся коллектив граждан (η κοινωνία η πολιτική — Arist. Pol. 1.1.1. p. 1255 a5), строго следящий за тем, чтобы в гражданской общине принцип равенства не нарушался. По мнению Аристотеля (Pol. III.8.1—2. p. 1284 a20), «граждане, стремясь к всеобщему равенству, время от времени подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто отличался от остальной массы избытком добродетелей, чрезмерной политической активностью, выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на друзей, либо на какую-нибудь иную силу в государстве». Все это имело непосредственное отношение к Фемистоклу.

Его изгнание, по-видимому, имело место незадолго перед 473/2 г.²⁷ Покинув Афины, Фемистокл поселился в Аргосе и способствовал активизации антиспартанского демократического движения в Пелопоннесе (Thuc. 1.135.3). Поэтому Спарта прилагала максимум усилий к тому, чтобы расправиться с Фемистоклом. Его контакт с Павсанием и с персами, а также осуществляемая им антиспартанская политика в Пелопоннесе, хотя Спарта оставалась союзником Афин, давали повод к объединению его политических противников в Афинах с лакедемонянами и выдвижению против него серьезных обвинений в государственной измене. Таким образом, окончательно Фемистокл, вероятно, пал жертвой заговора, составленного лакедемонянами и афинскими консервативными кругами. Обвинение, выдвинутое Леоботом, сыном Алкмеона, и другими его врагами из

²⁷ Lenardon R. J.: 1) The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile//Historia. 1959. Bd. 8. P. 23—48; 2) The Saga of Themistocles. L., 1978; Frost F. W. Plutarch's Themistocles. A Historical Commentary. Princeton, 1980. P. 188 ff.

числа граждан, и поддержанное Спартой, достигло цели (Thuc. 1.135.2—3; Diod. XI.55.4—8, ср. 54.2—5; Plut. Moral. 605 c; 805 c; 855; Them. 21.5—7; Arist. 25.10; Nep. Them. 11.8.2—3; Krater frag. 11; Aristod. 101). Народное собрание приняло решение вызвать Фемистокла на суд. Боясь расправы, он вынужден был покинуть Элладу и искать убежище в Персии. Вскоре после изгнания Фемистокла и Аристид исчезает с политической сцены.

Подводя итог исследованию античной традиции о Фемистокле и Аристиде, необходимо отметить, что с их именами связан важный этап афинской демократии. Фемистокл выступал как энергичный и решительный политический деятель, способный преодолеть некоторые традиционные обычаи и устои, ставшие преградой для дальнейшего развития афинского полиса. Вместе с тем, преступив границы дозволенного, он становился опасным для гражданской общины политиком. В действиях Фемистокла все более намечался разрыв с идеей общеэллинского единства и утверждалась антиспартанская направленность. В достижении своих целей он стал тяготиться принципами и нормами полисной жизни. Гениальность Фемистокла, как ее определял Фукидид, заключалась в том, что он шел впереди своего времени. Поэтому консервативные круги считали его злейшим врагом, и как только представился случай, они с ним расправились.

Среди консервативно настроенных лидеров в 80—70 гг. выделялся Аристид, политические позиции которого в рамках рассматриваемого времени претерпели серьезную эволюцию от откровенно враждебного отношения к морской программе Фемистокла к признанию роли флота как важнейшего условия для укрепления афинского могущества при сохранении общеэллинского единства и союзных отношений со Спартой. Однако, как показали дальнейшие события, эта политика могла иметь лишь временный успех.

5. Борьба консервативных и радикальных тенденций в афинской демократии первой половины V в. до н. э. Кимон и Эфиальт

Победа консервативных сил в Афинах в начале 70-х гг. в значительной степени была обусловлена изменением социально-политической ситуации. Во время Греко-персидских войн окреп авторитет знатных семей, многие представители которых храбро сражались в битвах. Учтя опыт знаменитой остракофории 488—480 гг., когда, будучи разобщены и враждуя друг с другом, многие представители аристократических фамилий подверглись остракизму, теперь аристократы, отчасти восстановив свое влияние, стремились не потерять поддержку демоса и объединились в целях сохранения достигнутого положения (Athen.

XIII 589; Plut. Cim. 4.8.10; 16.1; Arist. 25.6. ср. 23.2; Nep. Cim. V. 1. 3—4). Этому способствовало также возросшее значение Ареопага (см. Hdt. VIII.41; Arist. Ath. Pol. 23.1., ср. Pol. V.3.5, р. 1304 а 20; Plut. Them. 10; ML 23). Как уже отмечалось, после Саламина активизировалась гоэлитская часть гражданского населения, в среде которой и были распространены консервативные настроения. Этим можно объяснить наметившееся оживление идеи общеэллинского единства, которая стала было терять свое значение в период наивысшей активности Фемистокла.

В такой ситуации и появляется впервые на политической арене Кимон, сначала как член афинского посольства в Спарту в 479 г. (Hdt. IX.6; Plut. Arist. 10.9—10), а с 478 г. как стратег. С 477/6 г. Кимон начал военные действия во Фракии. Его политическая деятельность протекала под лозунгом борьбы с персами ради спасения общего дела эллинов и умножения славы афинян (Plut. Cim. 7=Andoc. III.183—185). Этот лозунг, подтверждая сохранение преемственности традиций эллинской лиги и будучи направлен против Фемистокла, стремившегося эти традиции нарушить, обеспечивал Кимону поддержку основной массы афинских граждан как гоэлитов, так и корабельных

ἐπιπρεταὶ καὶ κυβερνηταί. В противоположность Фемистоклу, Кимон, демонстрируя свою приверженность традиционным консервативным нормам полисной морали, добился наивысшего авторитета у граждан.

В работах некоторых современных западных исследователей подчеркивается, что социально-экономические факторы не играли существенной роли в общественно-политической жизни Афин и, в частности, в деятельности Кимона. Однако данные источников о его политике опровергают это утверждение. Так, его победы в начале 70-х гг. доставили немалые выгоды средним (торгово-ремесленным) и беднейшим слоям гражданского населения Афин, ибо он очистил Эгейское море от пиратов (Plut. Cim. 8.3—5). После Писистрата Кимон возобновил основание колоний, в которых беднейшие афиняне получали земельные наделы (Thuc. 1.98.2; Diod. XI.60.2; Plut. Cim. 8.2; Schol. in. Aeschin. II.34).

Еще более важным в этой связи можно считать единодушное сообщение источников о невероятной щедрости Кимона (Theop. FGt Hist. 115 с., F 89; 135; Arist. Ath. Pol. 27.3; Athen. VII. 53 f. 533 с.; Plut. Cim. 10.1—5; Pericl. 9; Nep. Cim. V. 4). Источниками богатства Кимона были его родство с фракийским царем Одором, под контролем которого находились золотые прииски (Thuc. 1.101. 3., ср. IV. 105.1) и военная добыча. Эти богатства служили для него важным средством в достижении политических целей. Некоторые современные западные ученые утверждают, что Кимон был ловким политиком демократического тол-

ка, щедрость которого была своего рода социальной демагогией²⁸.

Данные источников не позволяют рассматривать Кимона как одного из ловких политиков демократического типа, которые появились в Афинах с конца V в. Сравнение Кимона с Писистратом, распространенное в античной традиции, скорее указывает на то, что он, как в свое время и афинский тиран, искал поддержки среди всех слоев гражданского населения и это его отличало от демократических лидеров типа Клеона, в отношении которого Фукидид впервые употребляет слово «демагог». Кроме того, Феопомп и Аристотель, проводя это сравнение, имеют в виду стремление Кимона реставрировать традиционные консервативно-аристократические отношения и связанные с этим этические представления. Не случайно Аристотель также подчеркивает, что Кимон блестящим образом исполнял общественные литургии, а поскольку литургии возникли еще в период преобладания аристократии, поэтому и характер действий Кимона можно назвать аристократическим. Но особенно ярко эта реставрационная черта деятельности Кимона отразилась у Плутарха (Plut. Cim. 10). Поэтому действия Кимона можно скорее всего охарактеризовать как образец социальной демагогии аристократа, который использовал для достижения своих политических целей как обычные полисные литургии, так и впервые осуществленную им практику предоставления помощи гражданам за счет своих собственных средств.

Апогей могущества и влияния Кимона в Афинах приходится на начало 60-х гг. V в. Величайшую славу принесла ему победа над персами в битве при Эвримедонте. Источники сообщают, что Кимон доставил в Афины огромную добычу (Diod. XI.62.1; Plut. Cim. 13). На вырученные после продажи военной добычи средства Кимон предпринял в Афинах широкое строительство²⁹. Начало строительным работам в Афинах было положено еще при Писистрате. Однако, характеризую строительную деятельность Кимона, важно подчеркнуть несколько особенностей. Во-первых, если Писистрат главным образом начал застраивать Акрополь культовыми сооружениями, то во времена Кимона получило развитие светское строительство. Во-вторых, строительные работы Кимона имели не только эстетическое назначение, они стали решать и социальные задачи, давая работу и ежедневное пропитание городской бедноте, появление которой было результатом предшествующих демократических законодательств, начиная с Солона. Наконец, важно также отметить, что финан-

²⁸ Connor W. R. Theopompus and Fifth Cent. Athens. Cambridge, 1968. P. 32 ff.

²⁹ См.: Plut. Cim. 4,6—7; 13,5—7; Paus. 1.15.1—3; 18.1.; 28.3; V. 11.6; Plut. Moral. 818 d. ср.: Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 84 и сл.

сирование строительных работ осуществлялось Кимоном за счет его собственных средств (Plut. Cim. 13.7).

Современные исследователи не грешат против истины, подчеркивая значительный вклад Кимона в укрепление афинского морского господства. Хотя Плутарх отмечал (Cim. 11.2), что он силой никого из эллинов ни к чему не принуждает, это несомненно результат идеализации биографии своего героя. Первые восстания союзников (Наксос и Фасос) и подавление их афинянами относились как раз к периоду стратегии Кимона. С Плутархом можно согласиться в том, что Кимон не наказывал тех, кто, не желая отбывать службу, ограничивался уплатой денег или поставкой порожних судов. Располагая средствами и кораблями, Кимон сажал афинян по очереди многочисленными отрядами в триеры, тренировал и закаливал их в походах.

Однако на этом основании было бы неправильно говорить об одинаковом отношении к демократии Кимона и Фемистокла. Источники изображают Кимона как наследника Клисфеновой демократии (Plut. Cim. 15). Будучи консерватором и традиционалистом, он выступал не против демократии, а против попытки предоставления демосу широких политических прав и дальнейшего ослабления влияния знати. Но в этом как раз и заключалась драма Кимона. Реформы Клисфена и Фемистокла значительно укрепили позиции городского населения, не связанного с земледелием. Кроме того, и сам Кимон, усиливая афинское морское могущество, способствовал тому, что определенная часть граждан, имеющая отношение к флоту и морю, все более осознавала важность своей роли, требовала предоставления ей всей полноты власти в государстве. Это вело к росту социально-политических противоречий в Афинах, острота которых стала ощутимой в 60-е гг. V века.

В это время начались нападки на Кимона. Выступление против него стало возможным потому, что в его позиции обнаружилось слабые стороны. Он не обеспечил защиты колонистов, отправленных во Фракию, и из 10 тысяч большая часть погибла (Thuc. 1.100.3; IV. 102.2; Diod. XI. 70.5; XII.68.1, ср. Hdt. IX.75; Isocr. VIII.66; Schol. Aeschin. 11.34; Plut. Cim. 14; Polyae. VI.53).

Распался и союз знати, созданный в начале 70-х гг., и возобновилась традиционная вражда между Филаидами и Алкмеонидами (Plut. Cim. 17., ср. Thuc. 1.107.4). Против Кимона было выдвинуто обвинение в том, что он был подкуплен македонским царем Александром (Plut. Cim. 14.3—4, ср. Arist. Ath. Pol. 27.1).

Представляет несомненный интерес фраза, произнесенная Кимоном в свое оправдание, о том, что «он не был связан узами дружбы с ионянами и фессалийцами, которые были людьми богатыми, и подобно другим не брал от них взятки, а связан с лакедемонянами и подражает их простоте и умеренности» (Plut. 14.4). Хотя эти слова для Плутарха были скорее всего важны как иллюстрация противопоставления ионийской и фес-

салийской роскоши спартанскому ригоризму, тем не менее они, по-видимому, отражают и определенную историческую реальность. В это время уже появились новые демократические лидеры, которые стремились с помощью ионийских союзников и Фессалии (ср. Thuc. 1.102.4) утвердить афинское господство в материковой Греции. Кимон же своим заявлением отстаивал необходимость продолжения прежней политики, предусматривавшей сохранение дружественных отношений со Спартой и войны против варваров. Популярность Кимона была еще велика, а выгоду от войны с персами ощущали многие, поэтому афиняне оправдали его и снова избрали стратегом.

Главным противником Кимона был Эфиальт. О его происхождении ничего не известно, кроме имени его отца Софрониды. Однако то, что Эфиальт был стратегом (Plut. Cim. 134), дает основание говорить о принадлежности его к высшим слоям общества. Наши источники связывают деятельность Эфиальта с периодом важнейших демократических преобразований в Афинах (Arist. Pol. 11.9.3. p. 1274 a 7; Ath. Pol. 25; 27, 35, 2; Philoch.=FGr. Hist. 328 F 64 b; Plut. Cim. 10.8; 15.2—3; Pericl. 7.8; 9.3—5; Moral. 812 d; Diod. XI. 77, 6; Paus. I. 29.15).

В последнее время в западной историографии появились работы, утверждающие, что традиция о деятельности Эфиальта и его роли в афинской истории, сильно искаженная и преувеличенная аттидографами, была некритически воспринята Аристотелем и поздними авторами. По мнению исследователей, демократизация правовых отношений в Афинах была следствием не реформ Эфиальта, а личностного фактора, характеризующегося тем, что архонты, опасаясь брать на себя ответственность при вынесении судебных приговоров, охотно старались передать эти функции народным судам³⁰. Рассматривая развитие полисных отношений, исследователи отрицают социально-политическую борьбу в греческих полисах классического периода и считают демократизацию их политической структуры результатом эволюционного процесса, обусловленного не противоречиями и конфликтами внутри гражданского коллектива, а проявлением общечеловеческих нравственно-психологических качеств людей. Под влиянием этих качеств, как считают ученые, создавалась благоприятная обстановка в обществе для возникновения новых обычаев и институтов, которые, постепенно вытесняя старые, без какой-либо революционной ломки социально-политических отношений, утверждали новый общественный порядок.

Предлагая эту концепцию, исследователи не только пренебрегают сведениями Аристотеля и Плутарха, объявляя их модернизаторской фикцией, но и не считаются с данными Фуки-

³⁰ Sealey R.: 1) Ephialtes//CIPh. 1964. Vol. 59. P. 11 ff; 2) A History of Greek City-States ca 700—336 B. C. Berkel., 1976. P. 154 ff; Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkel., 1962. P. 183 ff; Ruschenbusch E. Ephialtes//Historia. 1966. Bd. XV. P. 369 ff.

дида, свидетельствующими о борьбе между сторонниками и противниками демократических преобразований в Афинах в рассматриваемый период времени (1.107.4). Возвышение Эфиальта происходило в обстановке внутривластной борьбы против Кимона и его сторонников. Наши источники связывают деятельность Эфиальта с принятием законов, направленных против Ареопага, сохранявшегося как центр консервативного влияния. Ареопаг, укрепивший свои позиции во время Греко-персидских войн, не мог их удерживать бесконечно. Динамика социально-экономического развития Афин и морская политика, направленная на расширение афинского могущества, усилили радикальные настроения среди афинских граждан (Thuc. 1.93.3; Arist. Ath. Pol. 25.1; Pol. II.9.3—4, p. 1274 a 12; V.3.5, p. 1304 a 22; Plut. Them. 19.5, ср. Ps. Xenoph. Ath. Pol. 1.2).

Этому способствовала противоречивая ситуация в 60-е гг., когда стратеги, избираемые путем голосования из всех граждан, должны были подчиняться Ареопагу, состоявшему из людей, избранных в свое время путем жребия и потому нередко случайных среди ареопагистов. Таковы были обстоятельства, способствовавшие реформе Эфиальта, сущность которой заключалась в том, что он организовал судебный процесс над коррумпированными ареопагитами и отнял у Ареопага все приобретенные (τα ελιθέτα) им права, передав их частью совету 500, частью народному собранию и судам (Arist. Ath. Pol. 25.2; 35.3).

Одной из главных функций Ареопага было заслушивание комиссией ареопагитов отчетов должностных лиц по истечении их полномочий. Здесь возникла почва для разного рода коррупции. Эфиальт усложнил систему сдачи отчетов, но вместе с тем сделал ее более гласной и предоставил демосу право непосредственного контроля за деятельностью должностных лиц. Возникшая в результате реформы процедура предусматривала необходимость предоставления магистрами отчета в течение 30 дней после завершения их полномочий 10 логистам, избранным из числа членов совета 500. Логисты обязаны были, проверив отчет, передать его в гелиэю для ратификации или выяснения возникающих вопросов. После поступления отчета в гелиэю в течение трех дней любой гражданин мог сделать запрос официальному лицу своей трибы, называемому εὐθύνος (эвтин), с жалобой против уходящего в отставку магистрата. Эвтин, рассмотрев жалобу, передавал судьям по демам, если она имела частный характер, или фесмофетам, если она касалась государственных дел. Фесмофеты, получив жалобу, вторично вносили отчет магистрата на рассмотрение народного суда. Его решение имело окончательную силу (Arist. Ath. Pol. 48.3—4).

Реформы Эфиальта всколыхнули общественное мнение в Афинах и обострили до предела социально-политические проти-

воречия внутри гражданского коллектива. Дебаты о роли Ареопага и его судьбе составляли важную часть политических споров того времени. Это нашло наиболее яркое отражение в трилогии Эсхила «Орестея»³¹.

Устами Эриний и Афины автор выразил беспокойство о судьбе Ареопага, органа, который контролировал правовые, нравственные и религиозные отношения среди афинских граждан, и указал на опасность для дальнейшего развития общества сокрушения влияния этого древнего института и утверждения принципа «абсолютной свободы» (Arist. Pol. VI. 1.7,

p. 1317b 12: ζῆν ὡς βούλεται τις).

Поэт даже намекает на некоторые детали спора. Не случайно он подчеркивает, что суд Ареопага «неподкупен», «корысти чуждый», «справедливый». Ведь, как уже отмечалось, ареопагитов обвиняли, и возможно не без основания, в разного рода преступлениях. Не менее интересным можно считать и другой намек, вызвавший расхождение во мнениях ученых. Эсхил устами Афины предупреждает:

Пусть не будет новшеством устав мой осквернен:
Прозрачный ключ взмучив притоком грязным,
Свежей не испить воды (696—698, пер. С. Апта).

Возможно, эти стихи отражают дискуссию, которая развернулась вокруг законопроекта о допуске к избранию на должность архонта и соответственно в число ареопагитов представителей третьего сословного класса зевгитов.

В результате дебатов афиняне оказались расколоты на враждующие группировки, и Эсхил устами Афины призывает граждан примириться, подчеркивает опасность распрей и междоусобных войн (860—866). Финалом своей трилогии он утверждает идею единства ранее враждовавших между собой сторон. Однако реальная действительность была более суровой и жестокой. В политической борьбе были победители и побежденные. В 461 г. был подвергнут остракизму Кимон (Plut. Cim. 17.3; ср. 15.3; Pericl. 9.5; Nep. Cim. V.3.1; Plato Gorg 516 d ср. IG. I² 911—912=Tod. 15.45.=SEG X. 390). Его обвинили во враждебном отношении к демократии, поскольку он оказывал активное сопротивление реформам Эфиальта. Вскоре после остракизма Кимона было совершено покушение на Эфиальта (Antiph. V. 68; Arist. Ath. Pol. 25.4; Diod. XI. 77.6; Plut. Pericl. 10.7.8).

Результатом общественно-политического переворота, осуществленного в Афинах около 460 г., был прежде всего значительный рост общественно-политических документов. Так, если

³¹ Aeshyl. Eumenid. 681. К этому см.: Dover K. J. The Political Aspects of Aeshyles «Emmenides»//JHS. 1957. Vol. 77. P. 230—237; Лурье С. Я. Политическая тенденция трагедии «Эвмениды»//ВДИ. 1958. № 3. С. 42—54; Ярхо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1976. С. 116 и сл.

на весь период с конца VIII в. и вплоть до 460 г. можно назвать только около 10 декретов или посвящений, то с 460 г. и до конца Пелопоннесской войны их насчитывается более 300. Как известно, эти документы выставлялись на Агоре для всеобщего знакомства. Античная традиция считает инициатором этого обычая Эфиальта, который, как сообщает Анаксимен, автор IV в. до н. э., переместил таблицы и скрижали с начертанными на них знаками Солона в Совет и на Агору (Anaximenes Philippiensis. FGr Hist. 72 F 13). Это символизировало соединение законов с демократическими институтами, что укрепляло правовую основу афинской демократии.

Упомянутые выше общественно-политические документы отражают главенство народного собрания как суверенного правящего законодательного органа, важность совета 500, как основного института, наделенного правом законодательной инициативы, члены которого избирались народным собранием. Эти документы вскрывают сущность оформившегося в результате реформ Эфиальта механизма функционирования афинской демократии, показывая, что поправки и предложения вносились и могли быть приняты на народном собрании. Широкое участие граждан в управлении государством достигалось путем увеличения числа коллегий, их сменяемости и подотчетности Совету и Народному собранию, а также включения в состав гелиэи представителей всех категорий афинского гражданства. Механизм функционирования афинской демократии, сложившийся в результате реформ 60-х гг. V в., подтверждается эпиграфическими данными. Среди немногих сохранившихся документов, относящихся к рассматриваемому времени, можно привести декрет об элевсинских эпистатах, датируемый 50-ми гг. V в. до н. э. (SEG X.24: перевод декрета см. в приложении).

Содержание этого декрета позволяет выделить несколько аспектов, иллюстрирующих революционные изменения в афинской демократии в результате реформ Эфиальта. Прежде всего можно сказать, что принцип свободы слова (*ισχυορία*) в рассматриваемый период был признан законным и стал повседневной реальностью для любого афинского гражданина. Декрет дает основание утверждать, что право быть избранным на должности распространялось на всех афинян без ограничения. На все должности в коллегии, кроме финансовых, афиняне могли быть избраны независимо от их происхождения и богатства. Лишь избрание на последние ограничивалось имущественным цензом, так как в случае растраты виновные должны были уплатить высокий штраф из своих собственных средств.

Наконец, избрание афинян на различные официальные должности тесно связано с оплатой должностных лиц. Как вытекает из упомянутого декрета, избираемая ежегодно в Элевсине коллегия из 5 человек получала ежедневную оплату из об-

ственных средств. Революционизирующее значение этой меры заключалось в том, что она позволяла даже беднейшим гражданам участвовать в управлении государством.

Итак, процесс демократизации афинского общества проби-вал себе дорогу, несмотря на временное преобладание консер-вативных тенденций в Афинах в период стратегии Кимона. Ре-форма Ареопага, осуществленная Эфиальтом, была составной частью демократических преобразований, начавшихся в 60-е гг., обусловленных существенными сдвигами в социально-экономической и политической жизни афинского общества и являлась продолжением политики Фемистокла. Она способствовала повы-шению политической активности важнейших демократических институтов афинского полиса (народное собрание, Совет 500 и гелиэя) и обеспечению афинских граждан правом не только участвовать в управлении государством, но и контролировать афинскую конституцию.

Все это свидетельствует о всемирно-историческом значении афинской демократии и побуждает ученых и политиков разных времен извлекать как позитивные, так и негативные уроки из ее истории.

В связи с демократизацией Афин прекращалась политика афино-спартанского дуализма, которой придерживались кон-сервативно-умеренные слои афинских граждан, предусматри-вавшая продолжение войны с персами, сохранение дружествен-ных отношений со Спартой. Радикально-демократические афинские лидеры стремились к разрыву отношений со Спартой и расширению афинской гегемонии в Элладе. Своеобразное по-ложение в этом противостоянии консервативно-умеренных и ра-дикально-демократических сил занимал Перикл.

6. Афинская демократия при Перикле и оли-гархическая оппозиция Фукидида, сына Ме-лесья, во второй половине V в. до н. э.

Наиболее ценной является характеристика, данная Периклу Фукидидом (II, 65, 5—11). Однако, вчитываясь в нее, историк неизбежно задается целым рядом вопросов: всегда ли Перикл был таким, как его оценивает Фукидид и какому периоду его политической карьеры более всего соответствует эта характе-ристика? В чем смысл противопоставления Фукидидом периода правления Перикла времени его преемников и каково значение замечания автора о том, что при Перикле правление называ-лось демократией, на деле же власть принадлежала первому гражданину?

Внимательное рассмотрение источников позволяет признать, что первая половина жизни и деятельности Перикла, по край-ней мере до начала 40-х гг., является загадкой, ибо сведения

источников фрагментарны, противоречивы и не вполне надежны. Этим и объясняется отсутствие единства взглядов ученых о внутривнутриполитическом положении Афин в 60—40-е гг. V в. до н. э. и причинах возвышения Перикла. Период идеализации Перикла, характерный для второй половины XIX в.³², сменился критическим отношением к античной традиции о нем. В конце XIX — начале XX вв. сложилось и стало господствующим мнение, согласно которому возвышение Перикла объяснялось социальными и политическими причинами³³.

Однако вскоре после второй мировой войны в западной историографии наметились тенденции к пересмотру сложившейся концепции о Перикле. Прежде всего исследователи признали ошибочным использование термина «партия» для истории Афин V в.³⁴ Затем, как уже отмечалось, они стали утверждать, что в Афинах до конца V в. не существовало демократии и демократической политики. Закономерным следствием этих взглядов явилось распространение с конца 50-х гг. мнения о том, что общественные отношения в Афинах невозможно трактовать с точки зрения социально-политических факторов. Поэтому ученые, объясняя возвышение Перикла, придают первостепенное значение его личным и семейно-клановым связям³⁵.

Итак, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо начать с анализа существующей традиции. О начальном периоде карьеры Перикла сообщает только Плутарх. Биограф отмечает, что сначала Перикл совершенно не занимался государственными делами, но только участвовал в военных походах (по-видимому, под руководством Кимона. — В. С.). Неучастие Перикла в политической жизни Плутарх объясняет тем, что он боялся народных масс (Plut. Pericl. 7.1). Имея большое сходство с Писистратом и будучи богатым человеком и принадлежавшим к выдающемуся роду³⁶, он опасался быть подвергнутым остракизму.

Ион, на которого ссылается Плутарх, утверждал, что обхождение Перикла с людьми было дерзким и высокомерным.

Вероятно, все эти качества составляют субъективно-тенден-

³² Schmidt A. Das perikleische Zeitalter. Bd. I—II. Jena, 1877, 1879; Abbot E. Perikles and the Golden Age of Athens. N.-J., 1891.

³³ Miltner Fr. Perikles//RE. 1937. 37 Hbd. Sp. 748—791; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Cent. B. C. Oxford, 1962. P. 253 ff.; Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L., 1967. P. 226 ff.; В отечественной историографии оценка деятельности Перикла нашла свое отражение в работах В. П. Бузескула, С. Я. Лурье, К. М. Колобовой, Л. М. Глускиной, Э. Д. Фролова и А. И. Зайцева.

³⁴ Reverdin O. Remarques sur la vie politique d'Athènes au V siècle//Mus. Helv. 1945. Vol. 2. P. 201—202.

³⁵ Sealey R. The Entry of Perikles in to History//Hermes. 1956. Vol. 84. P. 234 ff.; Connor W. R. The New Politicians of Fifth Century Athens. Princet., 1971. P. 5 ff.

³⁶ По матери он принадлежал к роду Алкмеонидов, а по отцу — к роду Бузигов (см.: Hdt. VI. 131; Plut. Pericl. 3; Thuc. I. 127; Aristoph. Eqnit. 1037).

циозную основу враждебной Периклу характеристики, сохранившейся у Иона, который противопоставлял его Кимону. Ион, по-видимому, в гипертрофированном виде представил такие черты характера Перикла, как замкнутость, некоммуникабельность, т. е. именно то, на что указывает Плутарх, говоря, что он по своей природе был не прост в общении (Pericl. 7.2). Эти черты могли быть преодолены по мере расширения его общественной активности.

Что касается замечания¹ Плутарха о сходстве Перикла с Писистратом, то это, вероятно, литературный штамп, найденный биографом в одном из источников. По-видимому, это был Феопомп, который с Писистратом сравнивал и Кимона.

Нуждается в объяснении и мысль Плутарха о том, что Перикл угождал массам, боясь как бы его не стали подозревать в стремлении к тирании. В данном случае, вероятно, Плутарх объединяет два обвинения, выдвинутые против Перикла его врагами, сохранившиеся в традиции, которой пользовался биограф.

Обвинение в стремлении Перикла к тирании скорее всего получило распространение с того времени, когда он стал ежегодно избираться на должность стратега. Это обвинение опровергается относительно просто. В отличие от Писистрата, который, как известно, хотя и не отменил конституцию Солона, но фактически с ней не считался, Перикл не только придавал афинской конституции огромное значение (см. Thuc. II. 37 sq.), но и своими реформами совершенствовал ее.

С обвинением в демагогии дело обстоит сложнее. Термин

δημαγωγός, предводитель народа, с отрицательным смыслом получил широкое распространение в IV в. Под предводителями такого рода имели в виду политиков, которые угождали, потворствовали народу, шли на поводу у демоса. Этот термин, по-видимому, имел в виду Фукидид, характеризуя преемников Перикла (II.65.10, ср. III.36.6; IV.21.3). Аристотель уже широко его использовал (Arist. Ath. Pol. 27—28; Pol. II.9.3. 1274 а. 3—10). Историки IV в. Феопомп, Стесимброт и Ион, как мы уже отмечали, особенно часто прибегали к нему, отрицательно характеризуя современную им демократию. Между тем, проследивая историю развития афинской демократической конституции и ее отражение у античных авторов (Геродот, Фукидид, Аристотель),

можно прийти к заключению, что термин δημαγωγός является синонимом, только с оттенком отрицательного содержания, более благопристойного понятия Προστατης. Уже Геродот, характеризуя Клисфена, и называя его простатом народа, считал его не только защитником, но и предводителем демоса (ср. Arist. Ath. Pol. 20.4).

Тем не менее эволюция социальных отношений в Афинах,

естественно должна была наложить отпечаток и на изменение содержания понятия *Προστατης — δημαγωγος*. Вплоть до времени Перикла лидерами афинской демократии были выходцы из аристократии. Однако в отличие от современных западных исследователей, рассматривающих Клисфена, Фемистокла, Аристида, Кимона, Эфиальта и Перикла как представителей аристократии, которые, стремясь достигнуть влиятельного положения в городе, вступали в соперничество с себе подобными, мы обнаруживаем между ними существенное различие и считаем, что их деятельность имела различную социальную направленность. По-видимому, Аристид, Кимон, Ксантипп, Каллий и др., являясь представителями консервативно-умеренной части афинской аристократии, стремились в условиях развивающейся афинской демократии сохранить традиционные основы господства и влияния афинской знати. Поэтому Кимон, стремясь привлечь на свою сторону демос, пользуется средствами, которые были искони присущи аристократии еще со времен Писистрата и которые можно охарактеризовать как пример аристократической демагогии.

Совсем другие цели и стремления обнаруживаются в деятельности Клисфена, Фемистокла, Эфиальта и других. Во-первых, является очевидным, что отношение этих политических деятелей к демосу было совершенно другим, чем у представителей консервативно-умеренной аристократии. Они опирались на демос не только с целью достижения и укрепления своей власти, применяя для этого демагогические приемы, но и сознавая историческую неизбежность укрепления его роли в афинских условиях. Во-вторых, они являют собой пример привнесения рационализма в политику³⁷ и в этом смысле реформаторскую деятельность уже отчасти Клисфена и особенно Фемистокла и Эфиальта можно рассматривать как заранее сознательно спланированную систему мер, направленных на дальнейшее совершенствование афинской демократической конституции и преодоление консервативных черт, сдерживающих развитие афинского полиса.

Особое положение занимал во всей этой плеяде афинских политических деятелей Перикл. С его именем связан важный этап в развитии политической жизни афинского общества. По мере роста политической активности и влияния радикальных слоев афинского демоса и в связи с расширением их реального участия в управлении полисом возникла необходимость не только в проведении реформ, направленных на преодоление консер-

³⁷ Об этом см. подробнее: Фролов Э. Д.: 1) Рационализм и политика в архаической Греции // Город и государство в древних обществах: Межвуз. сб. науч. тр./ЛГУ, Л., 1982. С. 17—34; 2) Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. науч. тр./ЛГУ, Л., 1983. С. 6 и сл.

вативных традиций и институтов, сковывавших дальнейшее развитие афинской демократии, но и в разработке новых принципов управления обществом. Иными словами, возникла потребность в создании «новой социальной философии», которая должна была преодолеть узкие рамки традиционной консервативно-аристократической идеологии. Именно к этим процессам Перикл имел самое непосредственное отношение. Он осознал, что объективный ход развития политических событий требует научного подхода к управлению государством.

В противоположность Кимону, который в целях укрепления позиции знати создал союз из представителей аристократии, скрепив его династическими браками, Перикл впервые создает союз единомышленников, объединяющий профессиональных политиков, а также людей образованных и философски мыслящих (так называемый кружок Перикла), с помощью и при поддержке которых он осуществлял все внешнеполитические и внутриполитические мероприятия.

Возвращаясь же теперь к понятию *Προστατης* — *δημαγωγος*, мы вполне можем заключить, что *Προστασια* была составной частью афинской политической системы (особенно это подтверждает Аристотель: *Ath. Pol.* 20.4; 23.3; 25.1; 28), поэтому она изменялась и эволюционировала вместе с ней. По мере же развития кризиса афинской демократии, начавшегося, как удачно подмечает Фукидид (II.65.10—11), в 20-е годы V в., *Προστασια* теряла свои позитивные качества, превращаясь в демагогию (*δημαγωγια*).

Итак, главной особенностью общественной жизни Афин времени Перикла, как мы уже отметили, был профессионализм в политике. Уже сам Перикл, в отличие от предшествующих политических деятелей афинской демократии, получил прекрасную специальную подготовку. Он обучался под руководством Дамона, ученика софиста Продика (*Plat. Laches.* 197 d) и вместе с тем известного теоретика музыкального искусства. Он обучал Перикла главным образом искусству политического красноречия и вопросам практической политики (*Plut. Per.* 4; *Isocr.* XV.235). Перикл слушал также лекции Зенона Элейского, ученика Парменида, известного своим учением о познании, и постиг искусство диалектики. Оба эти вида искусства становились крайне необходимыми для политического лидера в условиях демократического правления, когда решения принимались в результате свободного обсуждения мнений.

Большое влияние на Перикла оказал также философ-материалист Анаксагор, рационалистические идеи которого подрывали традиционные суеверия и консерватизм и утверждали принцип причинной связи как в естественных, так и в общест-

венных явлениях³⁸. Не меньшее влияние на Перикла оказал также выдающийся скульптор Фидий, своей деятельностью в значительной степени способствовавший превращению Афин в культурный центр Эллады.

Окружавшие Перикла люди отличались прежде всего не столько своей знатностью, сколько рационалистическими знаниями и философским умом. Другой отличительной чертой кружка Перикла было то, что он включал не только афинян, но и иностранцев. Многие проблемы, обсуждавшиеся его членами, становились впоследствии основой постановлений народных собраний и отдельных реформ. Таким образом, если союз знати, возникший во время Кимона, был социальной аристократической элитой, то кружок Перикла — это скорее элита политическая и интеллектуальная.

Выступление Перикла на стороне демократов не было вынужденной мерой, обусловленной интересами личной безопасности. Это было сознательно принятое решение, однако пришел он к нему, по-видимому, не сразу. Вероятно, прав Плутарх, отмечающий, что Перикл был вовлечен в государственные дела всем ходом исторических событий в то время, когда Аристид уже умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимон, участвуя в постоянных походах, находился по большей части вне пределов Афин. Первое выступление Перикла на политической сцене, засвидетельствованное в источниках, относится ко времени обострения политического кризиса в Афинах в 463 г. Он выступал как обвинитель по делу Кимона. Сведения об этом сообщают Аристотель и Плутарх. Первый (*Arist. Ath. Pol.* 27.1), будучи очень краток, отмечает, что Перикл выступил в качестве демагога (*δημαγωγείν*) и впервые получил известность еще молодым. Первое утверждение Аристотеля свидетельствует о том, что Перикл к этому времени избрал для себя путь демократического лидера (ср. также *Plut. Per.* 10.6). Второе его замечание не совсем точное. Во-первых, ранняя известность пришла к Периклу, когда он одержал победу в качестве хорега при постановке трагедии Эсхила «Персы» (*IG² 2318*). Во-вторых, первый процесс против Кимона не достиг успеха, поэтому едва ли можно говорить и об известности Перикла, тем более что его выступление было не очень смелым и решительным. Рассказ Плутарха (*Sim.* 14.5; *Pericl.* 10.6) более пространственный, но он содержит детали анекдотического характера (*Sim.* 14.5; *Pericl.* 10.6). Исследователи по-разному пытаются разрешить загадку недостаточно решительного выступления Перик-

³⁸ Об этом см. подробно: *Зайцев А. И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ, Л., 1983. С. 24 и сл.; *Рожанский И. Д.* Анаксагор. М., 1972. С. 217 и сл.

ла как обвинителя Кимона. Нам представляется, что разгадка кроется в молодости Перикла, на что указывает Аристотель, и в тех чертах характера, которые отметил у него Плутарх.

Далее мы встречаем Перикла в связи с деятельностью Эфиальта. Плутарх характеризует его как примкнувшего к демократам (Сит. 15.2). Это дает основание с уверенностью считать, что Перикл в это время еще не занимал первенствующего места среди демократов (ср. Arist. II.9.3, p. 1274 a 8). Какое конкретно участие принимал Перикл в проведении реформ Ареопага, остается загадкой (ср. Arist. Pol. 21.7). Также трудно сказать, имел ли Перикл прямое отношение и к другим реформам, проведенным вскоре после гибели Эфиальта. Согласно Аристотелю (Ath. Pol. 26.2—3), в 457/6 г. право избирать в коллегию архонтов было предоставлено также зевгитам, а в 453/2 г. были снова учреждены тридцать судей, так называемых «по делам». Два других законодательства: о гражданских правах и об оплате должностных лиц Аристотель связывает непосредственно с именем Перикла (Ath. Pol. 26.3; 27.4 ср. Pol. II.9.3; 1274 a 8; Plato Gorg. 515 c.; Plut. Per. 9.1—3). Сообщения об этих законодательствах требуют более обстоятельного комментария. Мы уже отмечали, что многие вопросы, обсуждавшиеся членами так называемого кружка Перикла, становились впоследствии основой постановлений народных собраний или отдельных реформ. Отмеченные выше законодательства не были исключением. Первым по времени был закон об оплате должностных лиц. Аристотель (Ath. Pol. 27.4) и Плутарх (Per. 9.2) сообщают, что этому законодательству предшествовал совет, который дал Периклу Дамонид из Эи, являвшийся его советником во многих делах.

В соответствии с этим законодательством прежде всего вводится плата судьям. Это было неслучайно. В Афинах важнейшим институтом, составлявшим основу демократической системы, являлся народный суд (*ηλιαία*), учрежденный еще при Солоне. По мере трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз, а последнего — в Афинскую империю и с ростом той части афинского демоса, которая была связана с ремеслом, торговлей и морским делом, гелиэя приобрела в государстве главенствующее положение. Она разрешала тяжбы как афинских граждан, так и союзников. Причем ко времени Перикла суды превратились в важнейший инструмент контроля над союзниками (см. Thuc. 1.77.1; Ps. Xen. Ath. Pol. 1.16—18). К середине V в. гелиэя охватывала большое число афинских граждан (6 тыс. человек. См. Arist. Ath. Pol. 24.3), которые, отрываясь от своих повседневных дел, должны были заседать в различных судебных комиссиях. Поэтому введение этого законодательства было закономерным результатом развития тех общественно-по-

литических процессов, которые протекали в Афинах и в Афинском морском союзе³⁹.

С законом об оплате должностных лиц тесно связана и гражданская реформа Перикла (Arist. Ath. Pol. 26.3; Plut. Pericl. 37.3; Aelian. VI.10; Suidas. s. v. Δῆμοδοτοῦτος. Согласно этой реформе, гражданином Афин мог считаться лишь тот, у которого отец и мать были афинянами. Современные исследователи по-разному оценивают цель и значение этой реформы. Согласно Аристотелю, эта реформа была следствием слишком большого числа граждан (Ath. Pol. 26.3, ср. Polit. III.4—5, p. 1276 a 20—35). Численность граждан древние всегда рассматривали как важнейшее условие успешного функционирования государственного организма (Plato Leg. 737 c; 742 d; 745 c; Arist. Polit. VII.4.2, p. 1327 a 1—3). Несомненно, эта проблема обсуждалась и в кружке Перикла, в состав которого входил известный архитектор Гипподам из Милета. Он давно уже жил в Афинах, возможно, еще со времени Фемистокла. Ему принадлежит планировка Пирея. Аристотель подробно разбирает его проект идеального государства (Arist. Pol. II.5.1. sqq., p. 1267 b 22 sqq.). Два положения в его проекте заслуживают особого внимания. Большое значение Гипподам придавал проблеме граждан и их численности в идеальном государстве. Оптимальным он считал город с населением в 10 тысяч граждан (Arist. Pol. II.5.2, p. 1267 b 30). Возможно, идеи Гипподама легли в основу и гражданской реформы Перикла. В пользу правомерности этой гипотезы говорит следующий факт. Гипподам считал, что дети павших на войне граждан должны воспитываться на казенный счет (Arist. Polit. II.5.4, p. 1268 a 9—10). Эта идея была воплощена в жизнь в Афинах при Перикле. Заканчивая свою речь в честь павших воинов, он заявил: «...с этого дня государство будет содержать их детей (детей павших воинов. — В. С.) до их возмужания на государственный счет» (Thuc II.46.1).

Итак, гражданская реформа Перикла предусматривала создание наиболее оптимального по численности гражданского коллектива, в чем в это время был особенно заинтересован афинский демос. Вместе с тем введение этой реформы было связано и с законом об оплате должностных лиц. Осуществление этой меры требовало больших денежных затрат (Arist. Ath. Pol. 24.3, ср. Plut. Pericl. 37.4). Естественно, нужно было позаботиться о количественном составе гражданского коллектива (ср. Arist. Ath. Pol. 63. 3).

Конец 50-х — начало 40-х гг. V в. в политической карьере Перикла являются важной вехой. В это время он достигает первенствующего положения в государстве. В среде демократиче-

³⁹ О связи афинской демократии и ее составного элемента судебной системы с Афинским морским союзом см.: Schuller W. Die Herrschaft der Athener im ersten Attischen Seebund. Berlin, 1974; Шуллер В. Афинская демократия и Афинский морской союз/ВДИ. 1984. № 3. С. 49—59.

ских лидеров он уже более не имел соперников после гибели Толмида (ср. *Plut. Pericl.* 18.2—3). Со смертью Кимона консервативно-аристократические круги на некоторое время ослабили сопротивление Периклу. С этого времени мы можем уверенно говорить о внутренней и внешней политике Афин, которая теперь всецело осуществлялась под его руководством. По своему характеру это была имперская политика, но лишенная авантюристических замыслов. Перикл, продолжая традицию Фемистокла и Эфиальта, считал Спарту главным противником. Однако, в отличие от других демократических лидеров, он полагал, что войне со Спартой должна предшествовать серьезная подготовка, предусматривавшая возвышение авторитета Афин в эллинском мире и пропаганду афинского превосходства⁴⁰; укрепление афинского господства в морском союзе и превращение его в афинскую империю; осуществление активной внешней политики, направленной на утверждение афинского влияния в стратегически важных районах.

Углубление демократических тенденций во внутренней и внешней политике Афин, обусловленное реформами Эфиальта и Перикла, было уже необратимым, поэтому знать предпринимала безуспешные попытки, используя временные внешнеполитические неудачи демократов и Перикла, возвратиться к лаконической консервативной политике. Такие попытки были предприняты вскоре после битвы у Танагры (457 г.), где афиняне потерпели поражение, и после гибели афинского флота в Египте (454 г.). Опасная внутривнутриполитическая ситуация заставила Перикла вернуть из изгнания Кимона и пойти на заключение мира со Спартой (*Theoromp.* = *FGH Hist.* 11 B 115 F 88; *Plut. Cim.* 17.8—18.1; *Pericl.* 10.4; *Diod.* XI. 80.3—6; *Andoc.* III. *Aeschin.* II.172). Однако со смертью Кимона после 451 г. канули в Лету и надежды аристократической оппозиции Периклу.

Новое осложнение внутривнутриполитической борьбы в Афинах наблюдалось вскоре после заключения тридцатилетнего мира со Спартой (446/45 г.). Лидером аристократической оппозиции становится Фукидид, сын Мелесия, свойственник Кимона. К сожалению, сведения о нем противоречивы и фрагментарны (*Theorompus* = *FGH Hist.* 115 F 91; *Vita Anon.* *Thuc.* 6; *Plut. Pericl.* 6.2; 8—5; 11—13; 12.1; 16.3; *Nic.* 2.3). Поэтому и в современной западной историографии оценка роли Фукидида и дата его изгнания из Афин являются дискуссионными проблемами⁴¹.

⁴⁰ Достижение этих целей особенно предусматривала знаменитая строительная программа Перикла (*Plut. Per.* 13.1—14; *Strab.* IX. 1. 12, p. 395; 16. p. 296; *Diod.* XII. 39.1.; 40.3; *Paus.* VIII. 41.9). К этому см.: *Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники.* Л., 1961. С. 112 и сл.

⁴¹ *Meyer H. D. Thukydides Melesion und die oligarchische Opposition gegen Perikles//Historia.* 1967. Bd. 16. Hft. 12. S. 141—154; *Andrewes A. Opposition to Pericles//JHS.* 1978. Vol. 99. P. 1—5; *Krentz P. The Ostracism of Thukydides Son of Melesias//Historia.* 1984. Bd. 33. № 4. P. 499—504; *Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 445—425 гг. до н. э.* Минск, 1975.

Насколько позволяют судить источники, Фукидид принадлежал к консервативным кругам афинской аристократии. Отец Фукидида был знаменитым тренером (Pind. Olymp. VIII.54; Nem. IV.93; VI.65), и сам Фукидид был связан со спортивной борьбой (Plut. Moral. 802 с.; Pericl. 85; Plato Meno 94 с.). Он был женат на сестре Кимона (Arist. Ath. Pol. 282; Plut. Per. II.1). Пиндару известны связи семьи Фукидида с знатными семьями Эгины.

О политической карьере Фукидида можно говорить на основании тех сведений, которые сообщают Аристотель и анонимный автор жизнеописания Фукидида (Arist. Ath. Pol. 28.2.5; Plut. Op. cit.; Vita. Anon. Thuc. ср. Plato Meno. 94). Некоторые исследователи считают, что конфликт между Фукидидом и Периклом не имел принципиального значения. Борьба носила личностный характер⁴². Данные источников не позволяют согласиться с этим мнением.

Как аристократ и связанный со спортивной борьбой, Фукидид имел многих друзей как в Афинах, так и в союзных городах (Plato. Meno. 94 d). Вследствие этого он легко мог найти единомышленников. Источники изображают Фукидида талантливым оратором, обладавшим большой силой ума (Vita anon. Thuc. 6). Не случайно с именем Фукидида связывается изменение стратегии и тактики аристократии. Она из простого консервативного противодействия демократической конституции перерастает в организованное олигархическое движение (Plut. Pericl. II), целью которого стало впоследствии свержение демократии.

Главными вопросами, которые дебатировались в народном собрании между сторонниками и противниками Перикла, как уже отмечалось, были налоговая политика, отношение к союзникам, строительная программа, оплата должностных лиц, а также юрисдикция. Оппоненты Перикла возражали против перенесения казны из Делоса в Афины и использования денег союзников для строительной деятельности и оплаты должностей в Афинах. Они обвиняли демократов и Перикла в том, что их власть над союзниками подобна тирании, и считали несправедливым сбор фороса в условиях мира с персами.

Следы этих дебатов отразились у Плутарха (Pericl. 12) и в речах, приведенных Фукидидом-историком. Требования, выдвигаемые оппозицией, отчасти отразились и в «Афинской политике» Псевдо Ксенофонта (1.16—18). Главная черта этих дебатов заключалась в том, что Перикл и его сторонники, приняв вызов, брошенный оппонентами, отнюдь не оправдывались, а избрали наступательную тактику. Возможно, это обстоятельство не учел Фукидид, что и было его роковой ошибкой.

⁴² Meyer H. D. Op. cit. P. 141—154; Frost F. J. Pericles, Thucydides Son of Melesias and Athenian Politics before the War//Historia. 1964. Bd. 13. P. 385 ff.

Некоторые контраргументы, выдвигаемые Периклом и его сторонниками, заслуживают специального рассмотрения, ибо они важны для понимания сущности внутренней и внешней политики Афин.

Отметая обвинение противников в том, что афиняне не по назначению используют деньги, которые союзники вносят в казну в виде фороса, Перикл выдвинул три важных положения, свидетельствующих об имперском характере политики афинской демократии.

Во-первых, Перикл с позиции великодержавного гегемонизма отверг какую-либо возможность отчета перед союзниками о том, как и на что расходуются деньги, внесенные ими в общесоюзную казну в виде налога.

Во-вторых, вся предшествующая внутрисоюзная политика Афин была направлена на то, чтобы сократить до минимума число союзников, поставлявших конницу, гоплитов и корабли, и заменить эти поставки денежными взносами, что фактически разоружало союзников (ср. Thuc. I.99.3). Теперь, опираясь на это обстоятельство, Перикл доказывал правомерность использования их денег для укрепления афинского могущества и превращения Афин в центр морской державы.

Наконец, Перикл оправдывал эксплуатацию союзников необходимостью решения и социальных задач, предусматривающих обеспечение афинян средствами к существованию и созданию условий, при которых государство могло бы само себя содержать на жаловании. Учítывая, что только гелиастов, получавших оплату, насчитывалось в Афинах 6 тыс. человек, можно уверенно считать, что подобные речи Перикла более импонировали афинскому демосу, чем морализирование Фукидида.

В ответ на обвинение в том, что господство афинян над союзными полисами подобно тирании (Plut. Per. 12.1), Перикл и в этом случае занимал наступательную позицию. Соглашаясь с тем, что власть афинян над союзниками приобрела вид тирании, он, напротив, доказывал правомерность, законность и неизбежность такого господства, подчеркивая вместе с тем, что отказываться от него тем более опасно (Thuc. II.62.1—3, ср. I.75.4; III.37).

Выдвигалось также обвинение в том, что афиняне имеют страсть к сутяжничеству, заставляя союзников ездить для судебных дел в Афины (Thuc. I.77.1; Ps. Xenoph. Ath. Pol. 1.16). Псевдо Ксенофонт приводит целый ряд аргументов, которые выдвигали демократы в целях оправдания системы юрисдикции, сложившейся в Афинской морской державе. Все эти аргументы вполне могли быть высказаны и Периклом. Суть их заключалась в том, что, во-первых, афинские граждане и государство в целом получали от этого материальные выгоды, во-вторых, благодаря тому, что судебные дела союзников разрешались в Афинах, афинский народ в лице судей, должностных лиц

и народного собрания ощущал свое превосходство и, наконец, судьи являлись важнейшим средством удержания союзников в повиновении. Если соотнести все оказанное с расстановкой политических сил в Афинах в 40-е гг. V в., то становится вполне понятным поражение Фукидида, сына Мелесия, и изгнание его остракизмом в 443 г.

В источниках этот год считается переломным в правлении Перикла. С этого времени в течение не менее 15 лет он правил почти единолично (Plut. Pericl. 16.3, ср. Thuc. II.65.8—9). Ежегодная стратегия Перикла выдвигает ряд проблем. Первые из них — это процедура избрания стратегов и время ее введения. Согласно Аристотелю (Ath. Pol. 61), «стратегов избирали поднятием рук — прежде по одному от каждой филы, а теперь из всего состава граждан». В этом случае возникла возможность появления в коллегии стратегов нескольких человек, выходящих из одной филы.

Поскольку граждане выбирали тех, кому они больше доверяли (например, Формион избирался стратегом 45 раз), то пропорция могла отчасти нарушаться, хотя в списке стратегов больше двух человек от одной филы, по-видимому, не могло быть, так как принцип представительства от фил сохранялся, а число стратегов должно быть не более 10 человек. Долгое время господствующим считалось мнение, что эта процедура введена при Перикле не ранее 440/439 г. Сегодня списки стратегов позволяют считать, что упомянутая выше процедура избрания стратегов утвердилась не позднее 460/59 г.⁴³

Другой дискуссионной проблемой является вопрос о характере власти Перикла в период несменяемой стратегии. Исследователи пытались определить ее как тиранию, монархию, диктатуру или принципат⁴⁴. Едва ли оправданны попытки исследователей использовать известное замечание Фукидида о власти Перикла (о том, что она по форме была демократией, а по существу — правлением одного человека) как доказательство в пользу какой-либо конкретной политической формы, в которой она могла воплотиться. Мысли Фукидида следует интерпретировать с эτικο-политической точки зрения. Во-первых, историк подчеркивает нравственные качества Перикла, благодаря которым он заслужил признание и авторитет у большинства афинских граждан, и противопоставляет ему его преемников, не обладавших высокими нравственными качествами и являвшихся всего лишь демагогами. Во-вторых, Фукидид, несомненно,

⁴³ Fornara C. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404 BC// *Historia*. Einzelschriften. Heft 16. Wiesbaden, 1971. P. 26—44.

⁴⁴ Flaschar H. Der Epitaphias des Pericles. Seine Funktion im Geschichtswerk des Thuk. Heidelberg., 1969. S. 8 ff; Knight D. W. Thucydides and the War Strategy on Pericles// *Mnemosyne*. 1970. Vol. 232. P. 150—161; Schachermeyer F. Das Perikles Bild bei Thucydides// *Antike und Universalgeschichte*. Munster, 1972. S. 171—200.

не был сторонником демократии, однако, осознавая ее историческую обусловленность, видел в Перикле последнего политического деятеля, способного противостоять крайнему радикализму афинского демоса.

Итак, подводя итог исследованию внутриволистных отношений в Спарте и в Афинах, следует подчеркнуть, что в силу своеобразного развития полисной структуры сложившиеся в Спарте олигархическая, а в Афинах демократическая формы правления способствовали росту афино-спартанского соперничества, которые в период «Пятидесятилетия» характеризовались трансформацией афино-спартанского дуализма в конфронтацию. В то время как спартанская олигархия вследствие особенностей социально-экономической и политической структуры спартанского полиса имела тенденцию к консервации, афинская демократия со времени реформ Клисфена получила широкий простор для развития и совершенствования.

Олигархия и демократия с середины 70-х гг. в греческих государствах становились не только формами полисного строя, но и двумя противоположными по своему содержанию общественно-политическими течениями в Элладе, идеями которых руководствовались в своей внутренней и внешней политике Спарта и Афины. Радикальная разность этих течений и составляющих их основу политических форм, опирающихся на материальную силу Пелопоннесского и Афинского морского союзов, порождали соперничество и конфронтацию между лакедемонянами и афинянами за первенство, за гегемонию в Греции.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ СПАРТЫ И АФИН И ИСТОКИ АФИНО-СПАРТАНСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

1. Пелопоннесский союз как инструмент спартанской внешней политики

Неравномерность экономического и политического развития греческих городов вела к обострению как внутриволисных, так и межволисных противоречий, а также к борьбе отдельных волисов за преобладание. Это, как и растущее осознание эллинами их этно-социального и культурного единства по отношению к варварам, стимулировало развитие федеративных отношений в Элладе. Однако высшим идеалом волиса, как известно, была автаркия как в экономическом, так и в политическом смысле. Поэтому складывание политических союзов эллинских волисов и их эволюция происходили в обстановке борьбы между принципами партикуляризма и федерации.

Наибольший след в истории оставил Пелопоннесский и I Афинский морской союзы. Формирование их и развитие отразило тенденцию могущественных греческих государств Спарты и Афин в V в. до н. э. к расширению и укреплению своего господства не только в пределах их географических регионов, но и во всей Элладе. Пелопоннесский и I Афинский морской союзы имели немало общих черт. Их возникновение было обусловлено не религиозно-культурными связями, но вполне рационалистическими причинами политического и экономического характера. Эти союзы не были ограничены ни временем, ни узколокальными целями. Черты сходства обнаруживаются и в структуре обоих союзов. Поэтому вполне закономерно, что античные авторы и современные исследователи придают им первостепенное значение.

Тем не менее различия между Пелопоннесским и I Афинским морскими союзами более существенны, и поэтому исследование проблем возникновения и устройства каждого из них является непременным условием для выяснения не только истоков афино-спартанского соперничества, но и причин формирования к середине V в. до н. э. двух военно-политических блоков, возглавляемых Спартой и Афинами, фактически разделивших

Элладу на сферы влияния и оспаривавших между собой право неограниченной гегемонии.

Пелопоннесский союз занимает особое место в греческой истории, ибо, являясь одним из первых политических объединений эллинских полисов, он послужил образцом для других подобного рода союзов. История его возникновения и устройство неоднократно становились предметом внимательного разбора в трудах западноевропейских исследователей, начиная с XIX в.¹ Однако нередко гиперкритическое отношение к источникам приводит некоторых исследователей либо к отрицанию вообще Пелопоннесского союза в V в. до н. э.², либо к тому, что они, признавая его как союз в самом широком смысле слова (*Verband*), совершенно отрицают в нем какую бы то ни было организацию, полагая, что некоторые ее признаки появились лишь после 404 г.³ В других случаях предпринимаются необоснованные попытки преувеличить роль конституционного оформления Пелопоннесского союза уже на ранних этапах его существования⁴.

Все это убеждает в необходимости заново рассмотреть некоторые сложные вопросы этой темы. Прежде всего попытаемся установить время возникновения Пелопоннесского союза и его состав. К сожалению, мы не располагаем документальными данными, которые зафиксировали бы год возникновения Пелопоннесского союза, и не знаем, когда было создано первое собрание его членов. Однако, учитывая исторические условия возникновения этого союза и его структуру, можно думать, что таких документов вообще не существовало.

По-видимому, для установления возможной даты его возникновения следует исходить из того положения, что спартанцы создавали эту организацию для утверждения своего господства в Пелопоннесе. Однако, как известно, это господство не возникло внезапно. Лакедемоняне постепенно расширяли свое влияние на полуострове. Поэтому этапы распространения спартанского влияния можно рассматривать как пути становления Пелопоннесской лиги. Окончательное же ее оформление, возможно, совпало с тем временем, когда Спарта утвердила свое господство в большей части Пелопоннеса. Это подтверждают как Геродот, так и Фукидид. Так, например, Фукидид неоднократно указывает на стремление Спарты к гегемонии, имея в виду время до Пелопоннесской войны (*Thuc.* 1.10, 2; 19.1).

¹ Обзор литературы см. в нашей статье: *Строгецкий В. М.* Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества: Межвуз. сб. науч. труд. / ГГУ. Горький, 1975. С. 3 и сл.

² *Schaeffer H.* Staatsform und Politik. Untersuchungen zur griechischen Geschichte des VI—V Jahrh. Leipzig, 1931. S. 63 ff.; 176 ff.

³ *Triepel H.* Die Hegemonie. Ein Buch von Führenden Staaten. Stutt., 1943. S. 331 ff.; *Kaggar D.* The Outbreak of the Peloponnesian War L., 1969. P. 9ff.

⁴ *Larsen J. A. D.* The Constitution of the Peloponnesian League (1) // *CIPh.* 1933. Vol. 28. P. 256 ff.; *Op. cit.* (2) // *CIPh.* 1934. Vol. 29. P. 1 ff.; *Ste Croix G. E. M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. L. 1972. P. 96 ff.

Участие Спарты в освобождении некоторых эллинских государств от тирании тесно связано с образованием Пелопоннесского союза. Активное выступление Спарты против тиранических режимов совпало по времени с ее борьбой за утверждение господства в Пелопоннесе и связано с именем эфора Хилона, пребывание в должности которого имело место около 556/5 г. до н. э. (см. Diog. Laert. 1.68). Об антитиранической направленности спартанской внешней политики существует довольно обширная историческая традиция (Hdt. 1.59; Thuc. 1.18; 122,3; V.59.5; Plut. De mal. Hdt. 21 c—d; Schol. Graeca in Aeschinem. 11.80), к которой в 1911 г. прибавился еще фрагмент папируса, представляющий собой отрывок из сочинения неизвестного автора II в. до н. э. (Catalogue of the Greek Papyri in the J. Rylands Library. Ed. A Hunt. Vol. 1. Manch., 1911. № 18; Jacoby, F. FGGrHist. II A F 105. 1. Berlin, 1926. S. 336). Несмотря на фрагментарность и испорченность некоторых мест, этот документ заслуживает особого внимания. Во-первых, он поддерживает высказанный Геродотом намек на враждебность эфора Хилона к тирании (1.59) и изображает его в качестве руководителя антитиранического движения. Во-вторых, благодаря этому фрагменту папируса, стало бесспорным фактом, что список изгнанных Спартой тиранов, известный нам до этого в передаче Плутарха и автора схолий к речи Эсхина «О преступном посылстве», уже существовал в более ранний период.

Учитывая все сказанное, не является случайным тот факт, что освободившиеся от тирании или угрозы ее установления государства, такие, как Элида, Коринф, Сикион и Мегары, составили ядро Пелопоннесского союза.

Согласно Геродоту (1.69—70), к моменту заключения союза с лидийским царем Крезом в начале 40-х гг. VI в. до н. э. Спарта подчинила своему влиянию большую часть Пелопоннеса (Hdt. 1.68). Установление спартанского господства в Пелопоннесе Геродот связывает с победой Спарты над Тегеей. Общепринятой датой этого события является 550 г. до н. э.

Таким образом, расширение спартанского влияния на значительную часть Пелопоннеса в середине VI в. служит важным аргументом в пользу возникновения Пелопоннесского союза в это время.

О составе Пелопоннесской лиги мы имеем возможность судить на основе свидетельств как ранних источников (Геродот и Фукидид), так и поздних (Диодор, Страбон, Павсаний, Плутарх). Согласно Фукидиду (II.9.2—3, ср. Hdt. V.74.1), в союзе с лакедемонянами состояли все пелопоннесцы, живущие по сторону Истма, за исключением аргивян и ахеян, находившихся в дружественных отношениях с обеими сторонами. Из ахеян одни пелленяне воевали вместе с лакедемонянами с самого начала, а остальные ахеяне только впоследствии. За пределами Пелопоннеса в союзе с ними были мегаряне, беотяне, локры,

фокидяне, амбракиоты, левкадяне и анакторийцы. Из них доставляли флот коринфяне, мегаряне, сикионяне, пелленяне, элейцы, амбракиоты и левкадяне; конницу — беотяне, фокидяне и локры; пехоту — остальные государства (ср. также Thuc. V.57.2; 58.1—5; 59.3).

1. Аркадяне

Города Аркадии уже издавна представляли для Спарты особую опасность, потому что после мессенских войн жители Мессении там находили убежище (Paus. IV.14.1; Polyb. IV.33.1—6), и поэтому постоянно существовала угроза нового мессенского восстания в союзе с Аркадией. В силу этих причин сразу же после окончания Мессенских войн лакедемоняне предприняли наступление на Аркадию. Первыми, кому пришлось встретить натиск Спарты, были Тегея и юго-западные районы Аркадии (Hdt. I.66—68; IX.26; Paus. III.3.5—6; 7.3; II.10; IV.1.6; 39.3—5; 47.4). Длительная борьба с Тегеей закончилась победой Спарты около 550 г. до н. э., которая заставила ее заключить союзный договор и признать спартанское господство (Aristot. frag. 592=Plut. Aet. Graec. 5; Aet. Rom. 52).

Сведения о заключении союзов с другими аркадскими городами отсутствуют. Косвенные данные позволяют предполагать, что Орхомен и Фигалия были вынуждены заключить соглашения со Спартой в результате окончательного покорения Мессении.

2. Элида

В элейцах Спарта видела союзников против аркадян и Аргоса. Кроме того, союз с Элидой создавал преграду для возможных восстаний мессенян и илотов. Утверждение же спартанского влияния в Олимпии, общегреческом религиозном и агональном центре, способствовало росту авторитета Спарты не только среди пелопоннесских государств, но и всей Эллады. Элида была ценным для Спарты союзником еще и по той причине, что она имела плодородную почву, а также благодаря контролю над храмом Зевса Олимпийского и руководству Олимпийскими играми могла сосредоточить у себя значительные денежные суммы. Поэтому элейцы доставляли Пелопоннесскому союзу для ведения военных действий большие средства в виде продовольствия и денег, а также корабли (Thuc. I.121.3; 143.15; II.9.3). Элейцы, со своей стороны, также были заинтересованы в заключении союза со Спартой. В ней они видели возможного союзника в борьбе с Пизой, Аргосом и аркадцами и надеялись с ее помощью удержать свое господство в Олимпии. Как свидетельствуют источники, длительная война между Элидой и Пизой закончилась тем, что элейцы с помощью лакедемонян около 570 г. подчинили всю территорию Пизы. По-видимому, с этого времени у них и закрепился союз со Спартой. (Strab.

3. Коринф

Заключение союза между Спартой и Коринфом обычно связывают с падением тирании Кипселидов в 582 г. до н. э. Большинство источников (Hdt. V. 91 sqq; Nic. Dam. frg. 58—60, ср. Aristod. Pol. Vol. 3.6.1304 a, 40), за исключением Плутарха (De mal. Hdt. 21 c—d), свидетельствуют о том, что падение тирании произошло без внешнего вмешательства. По мнению Плутарха, тирания в Коринфе была свергнута не без помощи лакедемонян. Во всяком случае угроза со стороны Аргоса должна была заставить коринфян пойти на заключение союза со Спартой сразу же после падения тирании Кипселидов. Как видно из сообщения Геродота (III. 48 sqq.), этот союз уже существовал до похода, организованного Спартой и Коринфом против тирана Поликрата на Самосе около 525 г. до н. э.

Коринф, как крупный сельскохозяйственный, торговый и ремесленный центр, занимал привилегированное положение в Пелопоннесском союзе. Поэтому Спарта терпимо относилась к тому, что в составе Пелопоннесской лиги коринфяне возглавляли объединение своих колоний, тем более что некоторые из них (амбракиоты, анакторийцы и левкадяне) были в союзе с лакедемонянами.

4. Сикион

Вступление Сикиона в союзные отношения со Спартой было обусловлено свержением с помощью лакедемонян тирании Эскина в 50-е гг. VI в. до н. э. (Jacoby F. FGrHist. IIA F 105.1; Plut. De mal. Hdt 21 c—d). После освобождения Сикиона от тирании в городе постепенно (Hdt. V.68) был восстановлен, по видимому, не без давления Спарты, старый порядок (Pind. Istm. III.44), и он надолго стал вассалом лакедемонян.

5. Города Арголиды

На змеевидной колонне, установленной в Дельфах в честь победы над персами (Syll. I³.31=Tod. 19=Bengston STV II.130=ML 27), были перечислены следующие города Арголиды: Трезен, Тиринф, Эпидавр, Гермiona, Флиунт, Микены. Они были членами эллинского союза против персов, возникшего в 481 г. несмотря на то, что Аргос отказался принимать участие в войне против персов на стороне эллинов. Выступление этих городов под руководством Спарты в борьбе против персов могло быть обусловлено их членством в Пелопоннесском союзе. О том, что они были членами Пелопоннесской лиги, по крайней мере накануне Пелопоннесской войны, сообщает Фукидид, рассказывая о подготовке коринфянами экспедиции против Коркиры (Thuc. I.27.2). О времени вступления этих городов в Пело-

поннесскую лигу можно только предполагать. Наиболее подходящим моментом для этого был период ослабления Аргоса вскоре после разгрома его в 520 г. спартанским царем Клеоном⁵. Возможно, только Фирей и Флиунт установили контакты со Спартой в более ранний период. Война между Спартой и Аргосом из-за Фирей имела место во второй половине VI в. до н. э. (см. Hdt. 1.82—83). В результате этой войны Фиреатида оказалась под контролем Спарты. Во Флиунте, как в Коринфе и Сикионе, существовала тирания (Heracl. Pont. frag. 87—88 (=Diog. Laert. 1.12), которая была свергнута еще до начала Греко-персидских войн.

6. Города Ахайи

Из 12 городов Ахайи наиболее крупным была Пеллена, являвшаяся сильной крепостью. Членом Пелопоннесского союза Пеллена стала вскоре после заключения тридцатилетнего мира между Спартой и Афинами (Thuc. 1.115.1) в 446/5 г.

7. Мегары

Немного известно о взаимоотношениях Мегар с лакедемонянами до Греко-персидских войн. Во время войны между мегарянами и афинянами из-за Саламина Спарта выступала в качестве третейского судьи (Plut. Sol. 10). Это имело место перед 510 г. По-видимому, с этого времени можно говорить о существовании союза между Спартой и Мегарами. Во всяком случае, когда спартанский царь Клеомен между 510 и 505 гг. дважды вторгался в Аттику через Истм, мегаряне не оказывали ему никакого сопротивления.

В 462 г. из-за ссоры с Коринфом Мегары вышли из состава Пелопоннесского союза (Thuc. 1.103.4, ср. Diod. XI.79.2). С 448/7 г. город вновь вошел в Пелопоннесский союз. Помощь мегарянам при отпадении их от Афин была оказана Коринфом, Эпидавром и Сикионом (Thuc. 1.114.1; Diod. XII.5.2; Plut. Pericl. 22).

Итак, Пелопоннесский союз, вероятно, сложился в основном к середине VI в. до н. э. Он состоял из государств, расположенных на территории Пелопоннеса, признавших господство Спарты и заключивших с ней соглашения; далее, членами Пелопоннесского союза были также некоторые колонии Коринфа; наконец, из государств, расположенных за пределами Пелопоннеса, в состав Пелопоннесского союза входили Мегары. Что касается других городов, то одни из них помогали пелопоннесцам, будучи колониями Коринфа (Сиракузы), другие, хотя и не являлись членами Пелопоннесского союза, тем не менее имели союзные отношения с лакедемонянами (беотийцы, локры опунтские и фокидяне).

⁵ Об этом более подробно см. нашу статью: *Строгецкий В. М.* О датировке битвы у Сепей//ВДИ. 1979. № 4. С. 108—117.

Как видно, первоначальную основу Пелопоннесской лиги составляли договоры, которые Спарта заключала с соседними государствами. В одних случаях лакедемоняне силой навязывали союзные соглашения (Тегея, Сикион). В других — они использовали сложившиеся для некоторых государств неблагоприятные условия (Коринф, Элида). К сожалению, сохранился лишь краткий текст договора между Спартой и Тегеей (Arist. frg. 592=Plut. Aet. Graec. 5; Aet. Rom., 52). Его содержание заключается в следующем: «Лакедемоняне, примирившись с тегеатами, заключили союз и установили общую стелу на берегу Алфея, на которой среди прочего было записано: «Μεσσηνίους ἐκβαλεῖν ἐκ τῆς χώρας καὶ μὴ εἶναι Χρηστούς ποιεῖν» (мессенцев изгонять из страны и не предоставлять гражданские права).

Большинство исследователей датирует этот договор серединой VI в. Правильность даты подтверждается как сообщением Геродота (1.67), так и употреблением в тексте соглашения архаического выражения «Χρηστούς ποιεῖν». В данном контексте это выражение употребляется в политическом смысле (делать кого-либо добрым, хорошим, т. е. предоставлять гражданские права)⁶. Таким образом, текст договора предписывал тегеатам изгнать мессенцев из страны и не предоставлять им право граждан. Это условие лакедемоняне, по-видимому, специально оговаривали со своими пелопоннесскими союзниками (Thuc. V. 23). Вероятно, в подобного рода соглашениях оговаривались также условия «иметь одних и тех же друзей и врагов» (Thuc. 1.44). Преданность союзников Спарте скреплялась также древними клятвами. Союзники, каждый в отдельности, клялись спартанцам, что будут следовать за ними, куда бы их ни повели, и оказывать им помощь в случае необходимости. Спарта, в свою очередь, давала клятву защищать союзников и не нарушать их суверенитет.

Лакедемоняне, боясь потерять гегемонию, были настроены против прочного единства среди союзников и стремились заручиться поддержкой каждого из них в отдельности. В этой связи особый интерес вызывает рассказ Геродота о попытке Клеомена с помощью аркадского восстания вернуть себе власть в Спарте (VI, 74). Отношения Клеомена с аркадскими городами отчасти напоминают в миниатюре взаимоотношения Спарты со своими союзниками. Спартанский царь заставил каждый город в отдельности поклясться ему в своей верности и следовать за ним, куда бы он их ни повел. Однако в действиях Клеомена

⁶ К этому см.: Jacoby F. «Χρηστούς ποιεῖν» (Arist. Fr. 592 R)//CIG. Vol. 38. 1944. S. 15=Abhandlungen zur griechische Geschichtsschreibung. Leid., 1956. S. 342; Bengtson H. STV. Bd. 11. № 112. S. 11.

прослеживалось и нечто новое, противоречащее структуре Пелопоннесского союза. Спартанский царь потребовал, чтобы не только каждый город в отдельности дал ему клятву верности, но также скрепил клятвой всех начальников аркадян. Эти действия Клеомена особенно напугали лакедемонян (Hdt. V. 75). На то, что спартанские союзники не были связаны между собой ни единым договором, ни клятвами, указывает и замечание Фукидида: при заключении Никиева мира афиняне должны были принести клятвы лакедемонянам и их союзникам в каждом городе отдельно (Thuc. V. 18, 9).

Другим важнейшим элементом устройства Пелопоннесского союза были, несомненно, собрания союзников. До начала Пелопоннесской войны зафиксировано три союзных собрания (I — Hdt. V.74 sqq.; 90 sqq. II — Thuc. I.115.4—5, ср. 1.40.5—6; 41.1—3; III — Thuc. I.67; 119). Анализ этих сообщений позволяет прийти к следующим выводам. Собрания пелопоннессцев созывались нерегулярно, но по усмотрению лакедемонян и только в тех случаях, когда этого требовали обстоятельства (Thuc. I.141.6—7), например, когда (как в первом случае) внешнеполитические цели Спарты не совпадали с интересами союзников или даже противоречили им, либо когда для осуществления внешнеполитических мероприятий Спарте необходим был флот (второй случай), или, наконец, когда сами союзники настаивали на созыве Пелопоннесского конгресса (третий случай). Чаще всего спартанцы решали все вопросы, касавшиеся союза в целом, на своем ординарном народном собрании. Войска союзников обычно собирали спартанские цари или командующие, как правило, не прибегая к созыву конгресса Пелопоннесской лиги и не объявляя цели сборов (с. Hdt. V.75; Thuc. III.16.3; IV.70; V.54.1; V.64; VIII.6—10). Это объяснялось, во-первых, тем, что спартанские цари были наделены правом объявлять войну и созывать войска (Hdt. VI.56; Xen. Lac. Pol. 13.11), во-вторых, согласно действовавшему в Пелопоннесском союзе закону (Thuc. V.60.2) и клятвам, союзники должны были следовать за спартанским царем или начальником, куда бы он их ни вел (ср. также: Thuc. V.66.3).

Наиболее ценным источником информации о процедуре проведения собраний союзников до Пелопоннесской войны и о роли Спарты в деле их организации и руководства ими дает сообщение Фукидида о Пелопоннесском конгрессе 432 г. Главный вывод, вытекающий из анализа этого сообщения, заключается в том, что организацией и проведением собраний пелопоннесских союзников руководили спартанцы. Они официально приглашали членов Пелопоннесского союза на конгресс и осуществляли голосование с целью принятия решений, причем сами в голосовании не участвовали, но свято соблюдали принцип, чтобы каждый союзник обладал правом одного голоса. Нередко, прежде чем созывать конгресс Пелопоннесской лиги, лаке-

демоняне решали важные вопросы на своем собрании, приглашая на него представителей союзных полисов (Thuc. 1.67.1; 3; Diod. XII.41.1, ср. Thuc. I.87.4; 119).

Характеризуя процесс голосования в Пелопоннесском конгрессе, Фукидид подчеркивает, что он проходил под контролем лакедемонян, которые не делали различия между большими и меньшими государствами. Иными словами, каждый член союза имел один голос (ср. Thuc. I.141.6). Это было выгодно Спарте, ибо она связана с каждым союзником в отдельности. Решение большинства союзников имело силу для всех членов союза (Hdt. V.91—93; Thuc. I.40.5; 125; VI. 7.2; 20.1; 30.1). При этом выражение: «*Κοινῶ τε λόγῳ καὶ κοινῶ στόλῳ*» (Hdt. V. 91), вероятно, представляло собой формулу постановления союзного собрания.

Теперь обратимся к проблеме соотношения спартанской гегемонии и автономии союзников. Тема эта выходит далеко за пределы только внутрисоюзного значения, она является кардинальной при рассмотрении межполисных отношений в целом. Наибольшую актуальность вопрос о соотношении гегемонии и автономии приобрел в V в. до н. э., во время особенно обострившихся противоречий между Спартой и Афинами в борьбе за гегемонию в Греции. Поэтому тем более важно исследовать значение этих понятий и то конкретное содержание, которое они имели в Пелопоннесском и Афинском морском союзах.

Некоторые современные исследователи рассматривают спартанскую гегемонию как военную исполнительную власть. Однако поскольку в Пелопоннесском союзе отсутствовал официально учрежденный законодательный орган, то едва ли правильно гегемонию Спарты считать исполнительной властью, тем более что понятие *ἡγεμονία* обозначает не только военное, но и политическое господство. Имеющиеся источники вполне определенно указывают на то, что спартанская гегемония предусматривала не только военное, но и политическое руководство союзом. Данные источников свидетельствуют о том, что военное руководство лакедемонян в союзе было неограниченным. Спартиаты осуществляли командование войсками союзников, а со второй половины V в. они стали посылать в союзные города должностных лиц *ξενάρχαι* для осуществления контроля за военной подготовкой и использовали их в качестве начальников союзных отрядов от каждого города (Thuc. II.75.3; Xen. Hell. III.5.7; V.1.33; 2.7; VII.2.3). При разборе тяжб между союзниками верховное право суда принадлежало Спарте (Thuc. V.31.2—3). За лакедемонянами оставалось решающее право при объявлении войны и заключении мира (наиболее ярко это обнаруживается в событиях 432 г., см. также Thuc. IV. 117 sqq.; V.17.2; 19.2; 22—23; 24.1; 29.2; 77 sqq.).

Вместе с тем далеко не все вопросы, касающиеся политического характера спартанской гегемонии, можно разрешить. В частности, не совсем понятна до конца связь между спартанским народным собранием, на котором лакедемоняне самостоятельно принимали решения по всем проблемам, касавшимся Пелопоннесского союза в целом, и совещанием союзников. Точно так же нет полной ясности и в вопросе об отношении Спарты к восставшим союзникам. Нельзя сказать ничего определенного о том, какие были общие правила, регулирующие принятие новых членов в Пелопоннесскую лигу. Фактически нам ничего не известно ни о правовом статусе Спарты как гегемона, ни о юридических градациях, входивших в Пелопоннесскую лигу полисов.

Причина такого положения заключается не только в нашей плохой осведомленности о внутреннем устройстве Пелопоннесского союза. Скорее всего это объясняется тем, что в Пелопоннесском союзе, по крайней мере в рассматриваемое время, не сложилась стройная политическая организация и система правовых норм. Этим, возможно, отчасти и было обусловлено то, что Спарте на протяжении длительного времени удавалось сохранять достаточно внушительное господство над союзниками. Не случайно Геродот, создавая свой труд в середине V в., подчеркивает, что Спарта установила гегемонию в большей части Пелопоннеса, и употребляет для этого глагол *καταστρέφω* — покорять, подчинять.

Вместе с тем спартанская гегемония не была безграничной, потому что ей противостояла автономия союзников. В литературе V в., в частности у Фукидида, термин *αὐτονομία* широко употребляется вместе с понятием *ἐλευθερία*. Исследователи на основе изучения данных Фукидида устанавливают, что понятие *ἐλευθερία* можно определить как «суверенность государства, ответственную природе», *αὐτονομία* определяют как «суверенность государства, гарантированную другими полисами»⁷. Автономия означает свободу государства вести свои собственные внутренние дела, т. е. избирать и контролировать своих собственных магистратов, изменять и вводить свои собственные законы, а также устанавливать государственный строй, не навязанный извне.

Не отрицая того, что лозунг автономии союзников нередко использовался Спартой для пропагандистских целей в борьбе с Афинами, следует признать, что в Пелопоннесском союзе по-

⁷ Ste Croix G. E. M. de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P. 99 ff.; Bickerman E. Autonomia. Sur un passage de Thucydides (1.144.2)// RIDA. 1958. 3 ser. Vol. P. 332 ff.

нятие автономии отчасти имело и реальный смысл. Принцип автономии был необходим Спарте для поддержания своего влияния и господства в Пелопоннесской лиге. Некоторые члены Пелопоннесского союза (Элида, Мантинейя и др.), подчиняя соседние города, усиливались настолько, что становились опасными для лакедемонян. Поэтому они предпочитали чаще всего иметь дело с разобщенными автономными государствами, ибо таким образом спартамцам гораздо легче было влиять на маленькие разобщенные города, которые в решающие моменты могли поддержать Спарту и обеспечить ей желаемое большинство при голосовании (Thuc. V.24.1; 32.2—4).

Согласно Фукидиду, в Афинском морском союзе те государства, которые не платили форо́с, но поставляли корабли, считались автономными (VI.85.2; VII.57.4). Главным принципом автономии Фукидид считал внутреннее самоуправление союзного полиса (Thuc. I.97.1, ср. 99.1—3; III.10.4; VIII.21.1). Употребляемое в этом смысле Фукидидом понятие автономии вполне применимо и к пелопоннесцам. Важнейшей особенностью Пелопоннесского союза, как отмечают историки, было то, что спартамцы не взымали дани с союзников, но заботились только о том, чтобы подобно им и в союзных городах была олигархическая форма правления (Thuc. I.19.1). Однако и этот принцип не всегда последовательно выдерживался Спартой. Так, например, после того как в Элиде, вероятно, около 70-х гг. установилась демократическая конституция, она еще в течение 50 лет продолжала быть активным членом Пелопоннесского союза, причем Спарта не вмешивалась в ее внутренние дела. Только в конце Архидамовой войны наступили события, приведшие к отчуждению между Элидой и Спартой. Точно так же и Мантинейя, несмотря на победу демократического режима в начале V в., оставалась членом Пелопоннесского союза, а Спарта не пыталась применить силу для восстановления олигархического порядка. Члены Пелопоннесского союза, как показывают факты (Hdt. V.75; VI.89; Thuc. I.31.1—2; 40.5; 46 сл.; 59.2; 105.1; 103.4; 141.6; III.15.2; 16.2; IV.134.1; V.17.2; 29.1.4; 31.1.2—6; 33; 36.1—3.6; 32.2; Xenoph. Hell. V.4.36), могли нередко осуществлять и внешнеполитические мероприятия независимо от Спарты, причем это подкреплялось специальным постановлением Пелопоннесского союза о том, что «решения большинства союзников имеют обязательную силу для всех, если нет какого-либо препятствия к тому со стороны богов и героев» (Thuc. V.30.1).

Признавая, что понятие *αὐτονομία* в Пелопоннесском союзе имело отчасти реальный смысл, мы ни в коей мере не отрицаем того, что Спарта нарушала автономию своих союзников, по крайней мере так же серьезно, как и Афины, жестоким образом подавляя их восстания (например, тегеатов). И вместе с тем следует отметить, что в сравнении с Афинами Спарта

вплоть до конца V в. не покушалась на свободу (ἐλευθερία) своих союзников. По крайней мере, в рассматриваемое время не известны факты установления Спартой в союзных городах военных гарнизонов, отправления специальных должностных лиц — гармостов, которые должны были следить за сохранением в городах внутренних порядков, угодных лакедемонянам, неизвестны факты передачи части земли союзников спартанским гражданам. Причину этого нужно видеть в недостаточном развитии товарно-денежных отношений в Спарте, что в рассматриваемый период бесспорно замедляло расслоение спартанской общины равных. Консерватизм и традиционализм в социально-экономических отношениях не способствовали развитию в Пелопоннесском союзе стройной политической структуры с достаточно разработанной системой правовых норм.

Исследуя взаимоотношения между Спартой и ее союзниками, ученые обычно рассматривают членов Пелопоннесской лиги как однородную массу, выделяя из нее лишь Коринф. Тем не менее свидетельства источников дают основание считать, что союзники Спарты не были однородны по своему составу (Hdt. V.75—76; 92—93; Thuc. 1.27; 28.1; V.22.25; 31.6; 34). Среди них были маленькие и большие государства, подчинившие своему господству некоторые соседние общины. Поэтому во взаимоотношениях со Спартой города, входившие в Пелопоннесский союз, не были в равном положении. По-видимому, Коринф, Элида и, может быть, также Мегары и Мантиней находились в меньшей зависимости от Спарты по сравнению с Сикионом, Тегеей и остальными членами лиги. Подтверждением этому может служить сообщение Фукидида (II.9.3) о том, что в Пелопоннесском союзе было четкое разграничение между теми союзниками, которые поставляли флот, конницу и пехоту. Несомненно, союзники, доставлявшие флот (Коринф, Мегары, Элида), находились в более привилегированном положении, чем остальные.

Обладая относительной самостоятельностью, Коринф, Мегары и Элида нередко оказывали давление на Спарту, побуждая ее принимать решения, удовлетворяющие их внешнеполитические цели. Наиболее могущественным среди пелопоннесских союзников был, несомненно, Коринф. Обладавая большим флотом, будучи крупным торгово-ремесленным центром материковой Греции и сохраняя контроль над большей частью своих колоний, коринфяне удерживали господство на морских торговых путях, ведущих через Коринфский залив в западное Средиземноморье. Кроме того, они имели интересы и в Эгеиде, владея колонией Потидеей на полуострове Халкидика и поддерживая с ней тесный контакт (Thuc. 1.56—59).

Поэтому в условиях растущего морского могущества Афин внешняя политика Коринфа и его отношения с соседями всег-

да имели широкий резонанс и касались общеэллинских интересов. В этой ситуации, естественно, коринфяне были не в состоянии решать многие возникшие перед ними проблемы собственными силами. Поэтому Коринф был заинтересован в существовании достаточно сильного Пелопоннесского союза под главенством Спарты. Во-первых, это всегда обеспечивало ему защиту от посягательств аргивян, во-вторых, нуждаясь в помощи союзников, коринфяне, занимавшие относительно самостоятельное положение в Пелопоннесской лиге, могли оказывать давление на Спарту, требуя от нее и членов Пелопоннесского союза более энергичных действий (Thuc. 1.69—72). Вместе с тем Коринф мог и тормозить спартанскую внешнюю политику, боясь потерять свою самостоятельность и привилегированное положение в союзе в случае чрезмерно сильного укрепления Спартой своего господства к северу от Истма, в средней и центральной Греции.

Таким образом, бесспорно, Пелопоннесский союз являлся инструментом спартанской внешней политики, взаимоотношение же лакедемонян с союзниками было важным фактором, оказывавшим существенное влияние на ее характер.

2. Обострение афино-спартанских противоречий и образование Делосской симмахии

Образование Делосской симмахии тесно связано с Эллинским союзом против персов⁸. Возникшая в 481 г. Эллинская лига к концу 479 г. превратилась в представительную организацию, объединявшую большое число греческих государств. Значительно усилился авторитет Афин, которые имели надежную опору в лице ионийских и эолийских полисов, ставших членами Эллинского союза в течение 481—479 гг. (см. Hdt. VIII.46; 48; 132; IX.90—92; 103—104; 106; Diod. XI.37). Это создавало предпосылки для изменения соотношения политических сил в союзе не в пользу лакедемонян, что особенно обнаружилось во время совещания союзников на Самосе в 479 г. (Hdt. IX.106; Diod. XI.37)⁹.

Это совещание явилось важной вехой в истории Эллинского союза и афино-спартанских отношений. Оно показало, что Спарта более не имела абсолютного большинства в союзе и не могла проводить нужные для себя решения без какого-ли-

⁸ Об этом союзе см. нашу статью: *Строгецкий В. М.* Панэллинская лига 481 г. до н. э. (возникновение и структура) // Социальная структура и политическая организация античного общества: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ, Л., 1982. С. 45—75.

⁹ К этому см. нашу статью: *Строгецкий В. М.* Истоки афино-спартанского соперничества в V в. до н. э. Совещание Эллинского союза против персов на Самосе в 479/8 г. // Проблемы политической истории античного общества: Межвуз. сб. науч. труд./ЛГУ, Л., 1985. С. 28—43.

бо противодействия. Попытка пелопоннесцев вместе с лакедемонянами решить проблему защиты ионийских полисов путем переселения их граждан на земли тех эллинов, которые выступали на стороне персов, не достигла успеха. Что касается Афин, то они, опираясь на свое морское могущество, впервые со времени образования Эллинского союза выразили категорическое несогласие со Спартой и пелопоннесцами и, подстрекая против них ионийцев, положили начало расколу в антиперсидской коалиции.

В соответствии с решением совещания эллинов на Самосе союзный флот во главе со спартанцем Леотихидом (афинский отряд кораблей возглавлял Ксантипп) в 479 г. отправился к Геллеспонту (Hdt. IX.106; 114, ср. Diod. XI.37.4). Целью этой экспедиции было освобождение эллинских городов Геллеспонта от персидского господства и разрушение мостов. Когда же стало известно, что мосты уже разрушены, Леотихид и пелопоннесцы решили возвратиться в Элладу (Hdt. IX.114), считая своей главной задачей укрепление гегемонии в материковой Греции и наказание тех эллинских государств, которые выступали на стороне персов.

Что же касается афинян, то, поскольку контроль над Геллеспонтom был для них жизненно необходим, они решили остаться и начали осаду Сеста в Херсонесе (Hdt. IX.114—121; Thuc. 1.89.2; Diod. XI.36.4—5). Согласно Фукидиду, успешная осада Сеста была осуществлена афинянами и союзниками из Ионии и Геллеспонта. Внимательно вчитываясь в текст Фукидида и сравнивая его с соответствующими данными Геродота

и Диодора, можно сказать, что употребляемый термин *συνισαχοι* указывает на членов Эллинской лиги, среди которых он выделял пелопоннесских союзников и союзников из Ионии и Геллеспонта.

Главное значение экспедиции в Геллеспонт и взятия Сеста заключается в том, что эти события, по выражению Фукидида (1.18.2, ср. 1.89.2), положили начало распределению между афинянами и лакедемонянами как тех эллинов, которые недавно восстали против царя, так и тех, которые вместе воевали. И, несмотря на то что те и другие все еще оставались членами общезэллинского союза, почва для образования новой симмахии была подготовлена, нужен был лишь повод. Он был найден во время событий следующего 478/7 г. В этом году спартанский регент Павсаний в звании стратега эллинов был послан из Лакедемона с 20-ю пелопоннесскими кораблями. Вместе с ними отплыли на 30-ти кораблях афиняне, которыми командовал Аристид и, возможно, Кимон, а также другие союзники (Thuc. 1.94.1; Diod. XI.44.1—3; Plut. Arist. 23.1; Kim. 6; Just. II.15.13—14; Nep. Paus. 2.1—2; Paus. III.4).

Прежде всего возникает необходимость объяснить резкий

поворот в спартанской внешней политике по сравнению с предшествующим 479 г. В рассматриваемое время внешняя политика Спарты была подчинена решению трех основных задач. Все они вытекали из договора, утвердившего в 481 г. Эллинскую лигу против персов. Во-первых, оставалась в силе необходимость продолжения войны с персами за свободу эллинских городов. Во-вторых, спартанцы стремились в соответствии с условием договора наказать эллинов, добровольно выступивших на стороне персов. Среди них были такие сильные государства, как Аргос, Фивы, Фессалия, которые представляли угрозу для спартанского господства.

В зависимости от конкретных условий спартанцы выдвигали на первое место то одну, то другую из этих задач. Наконец, третья внешнеполитическая цель, которую лакедемоняне считали важнейшей, — это сохранение единства в общеэллинском союзе, поскольку это обеспечивало стабильность спартанской гегемонии в Элладе. Вместе с тем необходимо также отметить, что действия Леотихида и Павсания, спартанских военачальников, не были результатом ни узкопартийной политики, ни сугубо личных устремлений и целей. Тот и другой были прежде всего исполнителями воли спартанского государства, хотя, несомненно, и Леотихид, и Павсаний при осуществлении утвержденной спартанскими властями внешнеполитической линии руководствовались и своими собственными интересами, которые, в конечном итоге, привели их к конфликту с консервативно-олигархической правящей политической группой эфоров и геронтов.

Не учитывая всего этого, трудно понять некоторые резкие перемены во внешнеполитическом курсе Спарты. Поэтому отказ Леотихида и пелопоннесцев в 479 г. продолжать военные действия против персов в районе Геллеспонта объяснялся тем, что Спарта в это время считала главной задачей наказание эллинских государств, выступавших на стороне царя. Не добившись осуществления этой задачи совместными усилиями всех союзников, они обратились в совет амфикионов и потребовали исключения из Дельфийской амфикионии государств, не принимавших участия в войне с персами (Plut. Them. 20). Решительное сопротивление лакедемонянам опять оказали афиняне. Фемистокл, опасаясь, что спартанцы добьются господствующего положения в амфикионии, убедил пилагоров проголосовать против предложения Спарты.

После того как потерпело неудачу и это мероприятие лакедемоняне, они организовали военную экспедицию в Фессалию во главе с Леотихидом (Hdt. VI. 72; Plut. De malign. Herod. 21. 2 p. 859 d; Paus. III.7.9). Спартанцы добились успеха и свергли фессалийских правителей Аристомеда и Ангела. Однако полной победы они не достигли, потому что Леотихид (согласно сообщению Геродота) был подкуплен правящим фес-

салийским кланом Алевадов. Будучи привлечен к суду, он бежал в Тегею и там умер. Не удалось лакедемонянам и их союзникам (особенно Мегарам, Коринфу и Эгине) также помещать афинянам в строительстве стен (Thuc. 1.89.3—93; Diod. XI. 39—40; Nep. Them. 6—7; Plut. Them. 19). В это время стены как бы символизировали независимость полиса. Поэтому не случайно требование скрыть оборонительные сооружения включалось в качестве условия во многие дипломатические договоры V в.

Спарта предпочитала, чтобы города материковой Греции оставались неукрепленными, так как это обеспечивало ей беспрепятственное сохранение гегемонии. Однако система коллективной безопасности, которую проповедовали спартанцы, себя не оправдала. Союзники во главе с лакедемонянами не смогли обеспечить защиту Афин и других городов центральной Греции от разорения и опустошения их персидскими войсками. Афиняне, благодаря деятельности Фемистокла, игнорировали требование лакедемонян, и только когда стены были уже возведены, Фемистокл открыто заявил об этом спартанцам. Краткое изложение речи Фемистокла, приведенное Фукидидом, заслуживает внимания. Две мысли, подчеркнутые автором здесь, особенно важны. Фемистокл заявил, что, благодаря сооруженным стенам, афиняне в состоянии сами защищать своих обитателей и на будущее время они сумеют различать свои собственные и общеэллинские интересы (Thuc. 1.91.4). В заключительной части речи Фемистокл сказал, что «тот, кто не имеет равносильных приспособлений для обороны, не может участвовать в общих решениях с мало-мальски одинаковым и равным правом голоса» (Thuc. 1.91.7). Оба эти замечания, несомненно, указывают на желание афинян осуществлять независимую от Спарты политику и на их гегемонистские устремления.

Таким образом, Спарта не сумела в это время добиться для себя каких-либо важных результатов и укрепить свое господство в Балканской Греции. Инициатором афинского сопротивления лакедемонянам во всех их начинаниях выступал Фемистокл. Правда, к 478 г. усилиями Спарты и консервативных афинских кругов он был лишен власти и политического влияния. Это, несомненно, вселяло надежду в лакедемонян на сохранение единства в Эллинской лиге. Вместе с тем Спарта стремилась укрепить в общеэллинском союзе авторитет и гегемонию. Поэтому она вновь обратилась к политике продолжения войны с персами за освобождение эллинских городов.

Целью экспедиции, отправленной во главе с Павсанием, было изгнание персов с Кипра и из Византия. Контроль над Кипром закрывал путь финикийскому флоту, на который главным образом опирались персы, в Эгиду. Предпринятое затем завоевание Византия можно рассматривать как развитие ус-

пека, достигнутого афинянами и другими союзниками в 479/8 г. Взятие Сеста обеспечивало афинянам возможность добиваться контроля над Геллеспонтом, Византий же был ключевым центром в Боспорском проливе. Объясняя тиранические действия Павсания по отношению к членам Эллинской лиги, необходимо иметь в виду как личные качества и политические цели самого Павсания, так и задачи, возложенные на него спартанскими властями. События 479/8 г. показали, что авторитет Спарты и ее господство в Эллинской лиге были поколеблены. Как свидетельствует весь ход исторических событий, в гегемониальных симмахиях (Эллинская лига также относилась к этому типу союзных объединений) по мере того как союзники все менее считались с лидером, он ужесточал свое руководство, используя насильственные меры. Именно таковыми и были действия Спарты, надеявшейся с помощью Павсания усилить свое господство над союзниками (ср. *Plut. Arist.* 23). Другая причина жестокого обращения Павсания с представителями союзных полисов заключалась в его личных качествах, а также в стремлении установить свое господство в Элладе, опираясь на персидскую помощь. Большинство союзников, среди которых особенно выделялись те, кто со времени самосского совещания установили тесные контакты с Афинами, заставили лакедемонян отозвать Павсания.

Немалая заслуга в деле консолидации вокруг Афин недовольных Павсанием членов Эллинской лиги принадлежала и Аристиду. Источники сообщают о его обходительности и мягкости, а также о том, что он обладал качествами организатора и талантливом политическом деятеле. Согласно Диодору (XI.44.6), Аристид, умело используя возникшие в Эллинском союзе противоречия, устраивал в городах совещания и, благодаря личным связям, склонял союзников на сторону афинян (ср. также *Plut. Arist.* 23.3).

Плутарх утверждает, что Аристид во время бесед с навархами и стратегами греков, недовольных Павсанием, убедил их организовать против него заговор. После этого самосец Улиад и хиосец Антагор совершили нападение на Павсания, когда он на своем корабле вышел в открытое море.

По-видимому, сказанное Плутархом относится к тому времени, когда Павсаний должен был быть отозван в Спарту. По крайней мере, Фукидид замечает (1.95.4), что «предъявленное к Павсанию требование явиться на суд состоялось в то самое время, когда союзники, за исключением воинов из Пелопоннеса, перешли на сторону афинян». Попытки Спарты восстановить единство в Эллинском союзе, послав на место Павсания Доркиса вместе с другими спартиатами и небольшим войском, не достигли успеха. Они столкнулись с единодушным отказом эллинов, вступивших в соглашение с Афинами, признать спартанскую гегемонию. Спартянцы приняли это как

«fait accompli». Интересным в этой связи является замечание Фукидида (1.95.7) о том, что «они возвратили военачальников на родину и уже больше не посылали других командующих из опасения, как бы они не развратились за пределами Спарты подобно Павсанию, и поэтому приняли решение уступить гегемонию на море афинянам, так как желали избавиться от тягот войны с персами и считали афинян, с которыми находились в то время в дружественных отношениях, способными к главнокомандованию». Это замечание свидетельствует об укреплении позиции спартанских эфоров и геронтов, имевших тесные связи с набиравшей силу афинской аристократией во главе с Кимоном, а также показывает, что с этого времени можно говорить о возникновении идеи афино-спартанского дуализма, которой стали руководствоваться во внешней политике консервативные круги Спарты и Афин.

3. Соотношение Эллинского союза и Делосской симмахии и особенности ее устройства

Итак, данные источников позволяют сделать вывод о том, что в 478 г. в интервале между отозванием Павсания и прибытием Доркиса афиняне во главе с Аристидом и Кимоном объединились с теми союзниками, с которыми они установили тесный контакт еще со времен самосского совещания, и образовали новую симмахию. В связи с этим наиболее важными, требующими специального рассмотрения, являются вопросы, касающиеся соотношения Эллинского союза и Делосской симмахии, а также особенностей ее устройства.

Достаточно распространенной в современной историографии является концепция Ларсена¹⁰, согласно которой Эллинский союз продолжал функционировать вплоть до 462 г., а Делосская симмахия являлась инструментом Эллинской лиги для ведения морской войны против персов под руководством Афин. Одним из главных аргументов автора является сообщение Фукидида о разрыве афинянами в 462 г. союза, заключенного с лакедемонянами (1.102.4, ср. 1.102.3). Однако в этом сообщении речь идет не о союзном соглашении, учредившем в 481 г. антиперсидскую коалицию (ср. Hdt. VII.132; 145), а об афино-спартанском договоре против персов, заключенном еще накануне Марафонской битвы, возможно, в 492 г. (ср. Hdt. VI.49; 105—106).

¹⁰ Larsen J. A. O. The Constitution and Original Purpose of the Delian League//Harvard Studies in Classical Philology. 1940. Vol. LI. P. 180 ff.; Martin V. La vie internationale dans la Grèce des cités VI—IV s. p., 1940. P. 145 ff.; Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1966. P. 300. См. также: Brant P. A. The Hellenic League against Persia//Historia, 1953. Bd. II. P. 149 ff.; Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War/Ithaca. L., 1969. P. 40 ff.

В качестве аргумента в пользу существования Эллинского союза и в 60-е гг. используется сообщение Фукидида, в котором историк подчеркивает, что лакедемоняне во время восстания илотов призывали на помощь кроме других союзников и афинян (1.102.1). Однако если бы Фукидид имел в виду членов Эллинской лиги, то не стал бы противопоставлять или, по крайней мере, отделять афинян от других союзников. Говоря о других союзниках, Фукидид имел в виду прежде всего пелопоннесских союзников Спарты. Из других данных античной традиции известно, что такие члены Пелопоннесского союза, как Мантинейя (Xen. Hell. V.2.3) и Эгина (Thuc. II.26.2; IV.56.2), действительно помогали Спарте во время восстания илотов. Помощь лакедемонянам оказали также платейцы (Thuc. III.54.5). Обращение к ним спартанцев было обусловлено скорее не членством их в Эллинской лиге, а договором, который был заключен с ними Павсанием (Thuc. II.71; 72.1, ср. III.68.1). По-видимому, лакедемоняне вплоть до 60-х гг. считали этот договор основанием для дружественных отношений с платейцами (Thuc. III.68.1) и потому обратились к ним за помощью. Сами же платейцы откликнулись на призыв спартанцев, потому что так же поступили и афиняне (ср. Thuc. III.62.2).

Афинян Фукидид отделяет от прочих союзников прежде всего потому, что они давно уже стояли во главе Делосско-аттического морского союза, но вместе с тем оставались еще в союзных отношениях со Спартой, так как упомянутый выше договор, заключенный между афинянами и лакедемонянами накануне Греко-персидских войн, не был расторгнут. По мнению самого Фукидида (1.102.2), лакедемоняне пригласили афинян главным образом потому, что считали их искусными в осаде укреплений.

Обстоятельства, при которых в Афинах было принято решение оказать помощь Спарте (Plut. Cim. 16.9), также не свидетельствуют в пользу того, что Эллинский союз продолжал существовать. На это уже указывают и действия самой Спарты, которая накануне восстания илотов обещала оказать помощь отпавшим от афинян фасосцам (Thuc. 1.101.2), а это было бы нарушением одного из важнейших положений договора 481 г., запрещавшего враждебные действия между членами лиги.

Другим доказательством в пользу существования Эллинской лиги после 487 г., которое используют исследователи, является сообщение Диодора. Он говорит о том, что лакедемоняне обращались в Афины с требованием привлечь Фемистокла к суду по обвинению в предательстве, но не в Афинах, а на общем собрании эллинов (XI.55.4, ср. также Plut. Them. 23). Однако, как видно из сообщения Фукидида (1.135.3), его должны были доставить на суд в Афины. По-видимому, у Диодора и Плутарха произошло наложение данных традиции IV в. на

сведения Фукидида. Поэтому аргументы в пользу функционирования Эллинского союза после 478 г. являются очень зыбкими.

Факт прекращения существования Эллинской лиги после 478/7 г. можно установить на основе непосредственных указаний Фукидида¹¹. Два его свидетельства (1.95.4; 95.6) недвусмысленно говорят о заговоре внутри Эллинской лиги, подготовленном и осуществленном Афинами и союзниками из Эгеиды, М. Азии, Геллеспонта, в результате которого командование флотом перешло к афинянам. Если бы дело ограничилось только этим, можно было бы согласиться с мнением, что Эллинская лига продолжала свое существование только под афинской гегемонией. Между тем в результате заговора союзников фактически была ликвидирована политическая основа общеэллинского союза. Ведь политическое руководство Эллинской лигой осуществлял союзный совет, состоявший из представителей всех союзников. Сначала это был совет пробулов, а впоследствии их заменили командующие союзными контингентами. Положение коренным образом изменилось после 478 г. Был учрежден новый союзный совет, в который не вошли представители пелопоннесцев и лакедемонян, и союзные собрания решено было устраивать на о. Делос, в святилище Аполлона (Thuc. 1.96.2, ср., Diod. XI.47). Другие источники (Plut. Arist. 25.1; Arist. Ath. Pol. 23.5) сообщают, что Аристид привел союзников к присяге и сам поклялся от имени Афин «иметь одних и тех же друзей и врагов».

Несомненно, все эти факты могут обозначать только то, что на Делосе в 478/7 г. конституционно оформилась новая симмахия во главе с Афинами. Отсюда ясно, что прежняя конституция Эллинского союза теряла свою силу, а сам он если формально и не был распущен, то фактически прекращал свое существование.

Признавая Делосскую лигу новым и отличным от Эллинского союза объединением, мы тем не менее должны помнить, что она генетически тесно с ним связана. Это особенно ярко обнаруживается при рассмотрении ее целей и особенностей устройства. Сравнительный анализ данных Геродота и Фукидида показывает, что такая связь была самой непосредственной. Согласно Геродоту и другим источникам, цели антиперсидской коалиции предусматривали отражение персидского нашествия; наказание эллинов, добровольно выступивших на стороне персидского царя; сохранение и поддержание мира между членами Эллинского союза. Нельзя сказать, что все пере-

¹¹ К этому см.: *Meyer H. D. Vorgeschichte und Gründung des delisch-attischen Seebundes*//*Historia*. 1969. Bd. XIII. S. 405—446; *Sealey R. The Origin of the Delian League*//*Ancient Society and Institutions. Studies pr. to V. Ehrenberg*. Oxford, 1966. P. 233—255.

численные цели Эллинская лига осуществила. Ко времени образования Делосской симмахии война с персидским царем за его собственные территории только началась, и далеко не все греческие полисы были освобождены от персидских гарнизонов. Таким образом, в деле продолжения осуществления этих задач Делосская лига выступала как непосредственная наследница Эллинского союза, причем ею были унаследованы не только некоторые цели, но и способы их осуществления.

В этом случае небезынтересно сопоставить данные литературной традиции. Фукидид, говоря, что у союзников было намерение опустошить землю царя, употребляет глагол $\delta\eta\omicron\upsilon\nu$ в значении «опустошать», «уничтожать», «разрушать». В качестве синонима Фукидид употребляет глагол $\tau\epsilon\mu\nu\epsilon\iota\nu$ в том же значении. По-видимому, первоначально афиняне и их союзники таким образом и мыслили способ осуществления целей войны с персидским царем за его собственные владения. Ведение этой войны уже предусматривалось и Эллинской лигой, причем данные Геродота показывают, что и способ воплощения этого намерения не отличался от описанного Фукидидом. Геродот употребляет для этого те же глаголы $\delta\eta\omicron\upsilon\nu$ (ср. Hdt. VIII.121) и $\tau\epsilon\mu\nu\epsilon\iota\nu$ (ср. Hdt. IX.86.87).

Естественно, такой способ не обеспечивал постоянного контроля эллинов на землях, ранее принадлежавших персам. Наиболее ярким доказательством может служить положение, сложившееся на Кипре и в Геллеспонте. Несмотря на успешные действия эллинов в этих районах, после ухода их войска и флота они затем вновь оказались во власти персов. Афиняне, осознав несовершенство такого способа осуществления намеченных целей, уже через некоторое время после возникновения Делосской симмахии стали практиковать использование военных гарнизонов для установления постоянного контроля в отвоеванных у варваров местностях и для защиты греческих городов. Однако это привело к потере союзниками их автономии и свободы и превращению Делосского морского союза в афинскую архэ.

В заключение рассмотрим важнейшие черты конституции Делосской симмахии в сравнении с предшествующими союзными объединениями. В отличие от Пелопоннесского союза возникновение Делосской лиги было обусловлено принятием общего соглашения между афинянами и союзниками (1.69.1; Arist. Ath. Pol. 23.5; Plut. Arist. 25.1; Diod. XI.47), хотя система индивидуальных договоров каждого союзного полиса с Афинами также имела место в новой симмахии (договор афинян с Лесбосом — Thuc. III.10.3 и с ионийцами — Arist. Ath. Pol. 23.5). Важным шагом вперед по сравнению с предшест-

вующими объединениями полисов было создание общесоюзной казны (Thuc. I.96.2). Как говорит Фукидид (I.96.1), афиняне определили сумму взносов как тем городам, которые для борьбы с варварами обязаны доставлять деньги, так и тем, от которых требовалось обеспечивать союзный флот кораблями. Кроме того, афиняне впервые учредили должность эллиноتامиев, которые и принимали форос (денежные взносы союзников). Первоначальный форос в соответствии с раскладкой, произведенной Аристидом, составил сумму в 460 талантов (Thuc. I.96.2; Plut. Arist. 24.4; Nep. Arist. 3, но Diod. XI.47.1 указывает сумму 560 талантов).

В отличие от Пелопоннесского и Эллинского союзов Делосская симмахия располагала также постоянным флотом, причем как сбор денежных взносов с союзников, так и обеспечение флота кораблями с самого начала находились под контролем Афин. По-видимому, постоянно союз имел в готовности до 300 триер, из которых доля Афин, вероятно, составляла не менее 150 кораблей. Афинская гавань являлась постоянным местопребыванием союзного флота (Thuc. III.3.4; Andoc. III.38). Афинам было дано право обеспечивать союзный флот триерами вместо государств, не имевших кораблей такого рода (Andoc. III.38). В обязанность союзников входило также поставлять войска (Thuc. I.99.1; VI. 76.3), причем в данном случае имеются в виду также и те гоплиты, которые обязаны нести службу на военных кораблях.

Одним из главных отличий Делосской симмахии от Пелопоннесского союза было, как это указывает и Фукидид (I.96.2; 99; 141.6), регулярное проведение союзных собраний на Делосе. По крайней мере до конца 70-х гг. большинство решений в Делосской лиге принималось на совещаниях союзников. В то время как Спарта в Пелопоннесском союзе в голосованиях своих союзников не участвовала, а лишь руководила ими (ср., Thuc. I.79; 87; 119; 125), вся практика функционирования Делосской лиги, особенно то, что связано с финансовым обеспечением строительства флота, комплектования его экипажами, финансирования военных мероприятий и т. д., указывает, что афиняне вместе с другими союзниками принимали участие в общесоюзных совещаниях на Делосе, обладая наравне с ними равным правом голоса (Thuc. III.10.5; II.1—3, ср., I.141.6).

Таким образом, решающая роль союзного собрания в Делосской симмахии, наличие общесоюзной казны и афинских должностных лиц эллиноتامиев — сборщиков фороса, свидетельствуют о ее более высокой степени организации, в отличие от Пелопоннесского союза. Вместе с тем принцип равного права голоса, действовавший в обоих союзах, позволял как Спарте, так и Афинам использовать их в качестве инструмента при осуществлении внешней политики. Будучи подобно Спарте гегемоном в союзе и оказывая давление на малые и средние

полисы, которых в Делосской симмахии было большинство, афиняне всегда могли нейтрализовать или оставить в меньшинстве таких сильных членов лиги, как Хиос, Лесбос, Самос и др. Не случайно митиленяне говорили, что из-за множества голосов в союзном собрании Делосской лиги трудно прийти к единогласному решению, чтобы оказать сопротивление афинянам (Thuc. III.10.5).

Поскольку гегемониальные симмахии возникали в Элладе, как было отмечено выше, в обстановке борьбы между принципами партикуляризма и федерации, то требование союзников сохранения их свободы и автономии было непреложным фактом. Это подтверждается не только выступлением союзников, недовольных растущим афинским господством, но и тем, что история афино-спартанских отношений начиная со второй половины V в. изобилует острыми дискуссиями об автономии и свободе союзных полисов (см. Thuc. I.139.3; 144.2). Если это так, то, по-видимому, при возникновении симмахий и в первоначальный период их существования эти принципы должны были не только декларироваться, но и осуществляться на практике. Некоторые заявления Фукидида (2.97.1; III.10.3—4; II.1.3) подтверждают, что афинские союзники в первое время после образования Делосской симмахии пользовались свободой и автономией.

Вместе с тем необходимо признать, что содержание понятия *αὐτονομία* изменялось по мере эволюции межполисных отношений и совершенствования внутренней структуры и организации эллинских симмахий. Поэтому, несомненно, автономия пелопоннесских и афинских союзников была различной. Так, например, если в Пелопоннесском союзе, как мы видели, союзные полисы могли осуществлять внешнеполитические мероприятия независимо от Спарты, результатом чего были даже военные конфликты между ними, то это исключалось в Делосской симмахии, где распри между ее членами были запрещены (см. Thuc. VI.76.3), а решения внешнеполитического характера принимались на союзных совещаниях. Однако едва ли было бы правильно рассматривать это как ущемление автономии союзников. Эти положения декларировались договором, учредившим Делосскую лигу, и они были приняты ее членами с общего их согласия.

Точно так же нельзя считать нарушением автономии афинских союзников, в сравнении с пелопоннесскими, обложение их налогом. Это также было принято союзными полисами как условие договора, причем, как сообщают источники, раскладка фороса, осуществленная Аристидом, вызвала всеобщее их одобрение.

Однако следует отметить, что в условиях более совершенной конституции Делосской симмахии Афины оказывались

гораздо чаще перед необходимостью нарушения автономии союзников, чем Спарта в условиях традиционной структуры Пелопоннесского союза. Это вытекает непосредственно из замечаний Фукидида (1.99; VI.76.3) и Диодора (XI.70.3—4). Да и события Пентеконтаэтии показывают, что уже к концу 70-х гг. Афины стали оказывать все большее давление на союзников. Главная причина различного отношения Спарты и Афин к своим союзникам, по-видимому, заключалась в своеобразии социальной структуры самих этих полисов. В то время как в Спарте в условиях замедленной дифференциации общества и отсутствия демоса не было граждан, заинтересованных экономически в эксплуатации союзников, в Афинах же великодержавная политика демоса в отношении союзных государств была обусловлена тем, что большая часть граждан видела в этом экономическую и политическую выгоду.

От нарушения автономии союзных полисов недалеко было и до потери ими их свободы. С одной стороны, это было обусловлено поисками более надежных мер для установления контроля на отвоеванных у персов территориях и для защиты греческих городов. Так, например, они уже вскоре после образования Делосского союза стали широко практиковать такие меры, как обращение местных жителей в рабство, заселение их территории своими клерухами-колонистами, использование военных гарнизонов. Другая причина, способствовавшая сравнительно быстрой потере большинством афинских союзников автономии и свободы, заключалась в росте имперского характера афинской внутренней и внешней политики. Именно это и пытался показать Фукидид в своем очерке, посвященном истории Пентеконтаэтии, но особенно ярко обнаруживается эта мысль в приведенной им речи афинских послов в Спарте накануне Пелопоннесской войны, которые утверждали, что афиняне «вынуждены были довести свою власть над союзниками до теперешнего состояния прежде всего самим течением обстоятельств, больше всего из страха перед персами, потом из чувства чести, наконец, ради собственных интересов» (Thuc. 1.75.3).

Итак, подводя итоги всему сказанному, можно отметить, что складывание гегемониальных симмахий — закономерное явление межполисных отношений, характеризующихся неравномерностью развития греческих государств, обострением внутриволисных и межполисных противоречий, борьбой отдельных полисов за преобладание и вместе с тем развивающимся осознанием эллинами их этносоциального, политического и культурного единства.

Рассмотренные нами симмахии, прежде всего Пелопоннесский союз и Делосская лига, имеют немало общих черт. Их возникновение было обусловлено не религиозными связями, но рационалистическими причинами политического и экономиче-

ского характера. Эти объединения эллинских полисов не были ограничены ни временем, ни узко-локальными утилитарными целями. Характеризуя собой форму межполисных отношений, оба этих союза являлись также инструментом внешней политики полисов — гегемонов Спарты и Афин.

Вместе с тем имели место и существенные различия между этими союзами. Они складывались в разных социально-политических условиях. Пелопоннесский союз формировался в процессе борьбы против тиранических режимов и объединял государства, в большинстве своем составляющие олигархические полисы, консерватизм и традиционализм социальной структуры которых не способствовал развитию в нем стройной политической организации с достаточно разработанной системой правовых норм.

Делосская симмахия возникла в обстановке патриотического подъема среди эллинов, вызванного борьбой против персов, и включала в свой состав, главным образом, демократические полисы, имевшие динамичный характер общественных отношений, а также более дифференцированную и менее консервативную социально-политическую структуру. Это в значительной степени и обусловило возникновение в Делосской симмахии союзной конституции, основные положения которой отразились в общем договоре между афинянами и их союзниками.

Проанализированные нами различия между союзами важны для понимания раскола эллинов на два военно-политических блока, противостоящих друг другу, и роста афино-спартанских противоречий, которые неизбежно вели к войне между ними за господство в Элладе.

РОСТ АФИНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ И ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СПАРТЫ (478—462 гг. до н. э.)

1. Усиление внешнеполитической активности Афин и расширение Делосско-аттического морского союза

Рассмотрение особенностей внутривосточных отношений в Спарте и Афинах и исследование процесса становления Делосской симмахии показывают, что все перипетии внутривосточной борьбы в ведущих греческих полисах в той или иной степени влияли на их внешнюю политику. Источники позволяют выявить важнейшие черты афинской внешней политики 478—462 гг. и трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз, особенности позиции Спарты в Пелопоннесе и ее действия, направленные на укрепление своего господства в Пелопоннесском союзе.

Исследуя цели Делосского морского союза, мы отметили, что он был создан не только как союзное объединение полисов во главе с Афинами для продолжения войны с персами, но и как инструмент афинской внешней политики. Этот вывод подтверждается анализом внешнеполитических мероприятий Афин и расширения Делосско-аттического морского союза в указанный период. Выдвигая эту проблему, необходимо установить, насколько это позволяет источник, первоначальный состав Делосской симмахии.

Ядром Делосской симмахии несомненно были ионийские полисы. Однако далеко не все они входили с самого начала в союз. Первыми членами его стали, вероятно, большинство островитян (Hdt. IX.106). Организовывая союз, афиняне особенно заботились об обеспечении своего господства на севере, в районе Геллеспонта, где Афины еще со времени Писистрата имели экономические и политические интересы, и на юго-востоке, в районе Родоса, где афиняне стремились обеспечить свое превосходство с тем, чтобы не допустить проникновения в Эгеиду персидских и финикийских кораблей.

Из кикладских островов два наиболее крупных, Мелос и Фера, расположенные на южной окраине Киклад и населенные дорийцами, тяготели к пелопоннесцам (Thuc. V.84.2. ср. II.9.4). Что касается других островов, то, возможно, те из них, которые откупились деньгами (Андрос и Парос) от по-

святельств на них Фемистокла (Hdt. VIII.III.112) продолжали в течение некоторого времени оставаться нейтральными после образования Делосской симмахии.

Спорным является вопрос о времени вступления в союз Эгины. Недавно высказано предположение, что Эгина оставалась нейтральной вплоть до завоевания ее Афинами в начале 50-х гг. и включения в Делосскую симмахию¹. Однако данные Фукидида и Диодора (Thuc. I.105.2; 108, 5; Diod. XI.70.2—3; 78.3—4, ср. IG². 18=Bengtson. StV II, № 141) свидетельствуют о том, что это было уже вторичное включение Эгины в Афинский морской союз после подавления ее восстания. Эгина, экономические интересы которой были связаны с Эгеидой и юго-восточным Средиземноморьем, вероятно, вступила в Делосскую симмахию в начале 70-х гг., когда стало окончательно ясно, что Пелопоннесский союз во главе со Спартой отказывался участвовать в продолжении войны с персами на море и в М. Азии.

Из городов Малоазийского побережья далеко не все, даже ионийские полисы, вступили в лигу с момента ее образования. Геродот (IX.104) сообщает о том, что в течение битвы у Микале ионийцы второй раз восстали против персов. На этом основании исследователи считают, что все или почти все города материковой Ионии добровольно присоединились к Делосской симмахии с момента ее возникновения. Однако из слов Геродота ясно вытекает, что восстали не все ионийцы, а только находившиеся в войске царя. Из сообщения Фукидида (I.138.5) видно, что персы удерживали, по крайней мере в начале 60-х гг., такие города, как Магнезий на Меандре, Лампсак и Миунт, а также, возможно, города Трояды — Перкоту и Палескепис. Именно эти города были подарены царем Фемистоклу. Ксенофонт называет еще четыре города, которыми владели персы в 70-е гг. (Xen. Hell. III.1.6). Эти города — Гамбрий, Палегамбрий, Мирина и Гриней, — были подарены ими сподвижнику Павсания Гонгилу. Геродот также сообщает, что персы контролировали некоторые города в М. Азии и взывали с них налог вплоть до его времени (V.42).

Вероятно, не входил в число первоначальных членов Делосской симмахии и такой крупный город малоазийского побережья, как Эфес, где нашел убежище Фемистокл, прежде чем отправился к персидскому царю (Thuc. I.137.2; Her. Them. 8.7).

Спорным является также вопрос о том, входили ли в Делосскую лигу с начала основания такие города Халкидики, как Потидея, Аргил, Стагир, Эант, Стол, Олиф и Спартол. Геродот достаточно подробно рассказывает об

¹ *Figueira T. J. Aeginetan Membership in the Peloponnesian League//CIPh. 1981. Vol. 76. P. 1—24.*

успешном восстании против персов в 480 г. Потидеи и других халкидских городов (Hdt. VIII.126—129). Этот аргумент обычно и используется теми исследователями, которые признают, что Потидея и другие города Халкидики были готовы присоединиться к Делосскому союзу с начала его основания. Однако некоторые факты заставляют усомниться в этом. Во-первых, как вытекает из сообщения Геродота, во время восстания сложился довольно мощный союз некоторых халкидских городов во главе с Потидеей, успешно выдержавшей натиск персидских войск. Во-вторых, на основании свидетельства Фукидида можно заключить, что города Аргил, Стагир, Аканф, Стол, Олинф и Спартол были включены в состав Делосско-аттического союза силой оружия (Thuc. V.18.5). Таким образом, по-видимому, состав Делосской симмахии сразу же после ее образования был довольно немногочисленным. Афинам вместе с союзниками пришлось приложить немало усилий для укрепления и расширения союза.

Основным источником, повествующим о важнейших операциях афинян и их союзников в ранний период существования Делосской симмахии, является краткий рассказ Фукидида. Прежде чем анализировать его информацию, необходимо отметить, что Фукидид, стремясь показать, каким образом организовалась афинская держава (I.97.2), вовсе не собирался освещать все свершившиеся в это время события. Для осуществления своей задачи он отобрал лишь те из них, которые ему казались наиболее важными.

Первые общесоюзные мероприятия, засвидетельствованные источниками, в рассматриваемое время имели место в районе Фракийского побережья. Выбор этого района в качестве объекта внешней политики афинян и их союзников неслучаен. Здесь имелся в изобилии корабельный лес, дерево для весел, серебряные и золотые рудники (Hdt. V.23; Thuc. I.100.2; 101.3). В этой области еще оставались базы персидского господства, которые могли послужить плацдармом для нового сухопутного вторжения персов в Элладу. Эти базы располагались вдоль всего Фракийского побережья (Hdt. VII.25).

Другая причина, побудившая афинян активизировать внешнеполитические действия во Фракии, заключалась в том, что здесь в ходе Греко-персидских войн усиливались города Халкидики. Это вызывало опасения афинян, стремившихся утвердить в этом районе свое господство, поэтому они считали необходимым включить эти города в состав Делосской симмахии.

Борьба за Фракийское побережье не могла ограничиться только захватом Эйона, одной из персидских баз и портового города на берегу Стримона, однако Фукидид для своей цели выбрал только это событие. По-видимому, осаду Эйона можно рассматривать как одну из тех операций Делосского

союза, которые были предназначены сокрушить персидские силы, сосредоточенные во Фракии. Эйон был хорошо укреплен, имел достаточно продовольствия и его осада была делом нелегким. Она длилась в течение 477/476 гг. (Hdt. VII.107; Thuc. I.98.1; Ephor (=Jacoby FGrHist 70 F 191.43—45); Aes-hyn. II.183—185; Demosth. XXIII.199; Diod. XI.60.2; Plut. Cim. 78; Nep. Cim 2; Ployaen. VII.24; Paus. VIII.8—9). В осуществлении внешнеполитических целей Афины опирались не только на созданный ими союз, но старались также установить дружественные отношения с некоторыми материковыми государствами центральной Греции. Среди них важное место занимала Фессалия (Demosth. XXIII.199), с которой афиняне впоследствии, в конце 60-х гг., заключили союзное соглашение.

Для закрепления господства на отвоеванных у персов территориях афиняне стали создавать поселения своих колонистов, порабощая местное население. Так, после взятия Эйона они обратили его жителей в рабство (Thuc. I.98.1), а местность отдали под поселения афинянам. Однако после захвата Эйона им не удалось окончательно закрепиться на Фракийском побережье. Персы продолжали удерживать Дориск и вместе с фракийскими племенами представляли значительную опасность для греков. По-видимому, в это время сохраняли свою независимость также и города Халкидики.

Следующая атака была предпринята против о. Скирос. Остров населяли долопы, занимавшиеся пиратством. Поработив жителей Скироса, афиняне отправили сюда колонистов-клерухов, разделив между собой землю по жребию. (Thuc. I.98.2; Ephor. = FGrHist. 70 f 191. 46; Diod. IV.62.4; XI.60.2; Plut. Cim. 8.3—7; Thes 36.1—4; Nep. Cim. 2.5; Paus. I.17.6; Schol. Arist. XLVI. III. P. 688). Остров был завоеван афинянами в архонство Федона в 476/5 г. (Plut. Thes. 36.1). Нападение на Скирос, по-видимому, было одной из тех операций Делосского союза, которые должны были очистить Эгейское море от пиратов и создать благоприятные условия для свободной торговли и мореплавания, особенно, если учесть, что остров расположен на пути к Геллеспонту.

Вскоре после 475 г. афиняне вместе с союзниками предприняли войну против каристян. Этот город выступал на стороне персов (Hdt. VI.99; VIII.66; 112; 121), впоследствии же держался в стороне от Делосского союза. Между тем он был стратегически важным портовым центром в южной части о. Эвбеи. Поэтому целью этой экспедиции было заставить каристян силой присоединиться к Делосской лиге (Hdt. IX.105; Thuc. I.98.3). Фукидид подчеркивает, что афиняне вели войну против каристян без участия остальных эвбеян. Возможно, к этому времени эвбейские города еще не входили в состав Делосской лиги и покорение каристян заставило их подчиниться. Это произошло около 475 г. Фукидид обратил особое внима-

ние на этот сюжет скорее всего потому, что капитуляция Кариста, вероятно, положила начало включению эвбейских городов в Делосскую симмахию и была первым случаем, когда афиняне, опираясь на помощь союзников, силой стали заставлять государства вступать в союз.

Около 470 г. восстал Наксос (Thuc. I.98.4; 137.25 Aristoph. Vesp. 354—355; Nep. Them. 86; Aristod. 10.3; Ployaen. I.30.8). Наксосцы были членами Делосской лиги со времени ее основания и первыми же пытались избавиться от бремени союзнических обязательств. Фукидид не говорит о причинах восстания. Однако он делает ценное замечание (I.98.4; 99.1—3), свидетельствующее о все более осязаемом давлении афинян на союзников. Они добивались, чтобы союзные полисы не строили и не снаряжали военные корабли для союзного флота, но регулярно вносили в казну определенную сумму фороса. Это удовлетворяло союзников, которые после того, как персы стали для них менее опасны, стремились скорее перейти к мирным занятиям земледелием, ремеслом и торговлей. Однако афиняне строго следили за тем, чтобы союзные города не уклонялись от налагаемых на них обязанностей (Thuc. I.99.1). Такой контроль со стороны Афин становился для них непосильным бременем. Флот же афинян, благодаря этим мерам, увеличивался, а их воины и моряки закалялись в постоянных тренировках и военных сражениях.

Таким образом, можно сказать, что подобно тому, как Писистрат в свое время разоружил афинян и тем самым обеспечил безопасность для своей власти, так теперь афиняне «разоружили» большинство своих союзников в целях укрепления своего господства и могущества в Делосской симмахии. Именно так можно интерпретировать замечания Фукидида (I.98.3) о том, что союзники, из-за нерасположения к военной службе и нежелания удаляться от родины позволявшие обложить себя денежной данью вместо доставки кораблей, в случае восстания шли на войну неподготовленными и без необходимого военного опыта. Афиняне же, увеличивая на средства, доставляемые союзными полисами, флот, с большой легкостью приводили восставших в повиновение (Thuc. I.99.2). К этому можно добавить, что еще во время возникновения Делосской симмахии Аристид позаботился о том, чтобы члены союза не могли выйти из лиги, и заставил произнести клятвы против клятвопреступников. Поэтому афиняне, требуя от союзников наказать наксосцев, могли сослаться на эти меры (Plut. Arist. 25, Aristot. Ath. Pol. 23.5; Plut. Arist. 23).

Итак, Наксос после длительной осады вновь был возвращен в союз. Наксосцам было запрещено иметь свой флот, было приказано срыть стены и регулярно платить установленную сумму фороса. При определении точной даты подавления восстания Наксоса возникают трудности, обусловленные протививо-

речивым характером сведений источников (ср. Thuc. I.137.2 и Plut. Them. 25.2)². Тем не менее мы в соответствии с традиционной датировкой событий отдаем предпочтение Фукидиду и полагаем, что осада Наксоса закончилась в начале 60-х гг., возможно в 469 г., и предшествовала битве у Эвримедонта³. Наказание наксосцев Фукидид рассматривал как первый случай, когда афиняне с согласия членов Делосской лиги насильно заставили одного из союзников вернуться в союз (ср., Thuc. III.11.1—6). Возможно, под впечатлением поражения Наксоса к Делосской симмахии присоединились и те немногие острова, которые еще оставались нейтральными.

Несмотря на то что после битвы у Микале персы потерпели от эллинов еще целый ряд поражений, их могущество еще далеко не было сломлено. Они не желали так легко расставаться с господством в стратегически важных районах М. Азии. Большую опасность для эллинов по-прежнему представлял и финикийский флот. После подавления восстания наксосцев Кимон с флотом находился в южной части М. Азии, в районе острова Книд и мыса Триопий (Diod. XI.60.3; Plut. Cim. 12). Он стремился обезопасить юго-западную Эгеиду от возможного вторжения финикийского флота. В это время ему стало известно, что персидские военачальники расположились в Памфилии с большим войском. Желая закрепить господство афинян на море, Кимон стремился очистить от персов территорию Кари и Ликии и закрыть доступ персидскому и финикийскому флоту в ту часть моря, которая простиралась к западу от Хелидонских островов. С этой целью Кимон, усилив флот (Plut. Cim. 12—200 кораблей; Diod. XI.60.3—300 кораблей) значительным числом гоплитов (Plut. Cim. 12), в Кари и Ликии подстрекал к отпадению от персов те города, которые были основаны эллинами, другие, бывшие двуязычными и имев-

² Согласно Фукидиду, Фемистокл, преследуемый врагами, стремясь найти убежище у персидского царя, во время плаванья бурей был отнесен к Наксосу, который в то время осаждало афинское войско. Отсюда, тайно перебравшись в Эфес, он затем уже отправился в Сузы, где в это время воцарился Артаксеркс. Плутарх, воспроизводя в целом рассказ Фукидида, меняет в нем лишь названия местностей. Вместо Наксоса он называет Фасос, а вместо Эфеса — Киму. Возможно, исправления внесены в текст Фукидида Эфором, источником Плутарха, и обусловлены его желанием прославить свой родной город, а также согласовать и уточнить хронологию, поскольку восстание Фасоса было позднее, чем восстание Наксоса, и осада острова афинянами относилась к 466/5 г., т. е. ко времени начала царствования в Персии Артаксеркса.

³ Современные исследователи, отказываясь от традиционной хронологии, предлагают другую датировку восстания Наксоса и его подавления. Так например, М. П. Мильтон (*Milton M. P. The Date of Thucydides Synchronism of the Siege of Naxos with Themistokles' Fright*//Historia. 1979. Bd. 28. Hft. 3. P. 257) предлагает датировать восстание Наксоса 466 г., а Р. К. Унц (*Unz R. K. The Chronology of the Pentekontaetia/CIQ. 1968. Vol. 36. N. 1. P. 69—73*) считает, что восстание Наксоса было после битвы у Эвримедонта и датирует его 465 г.

шие персидские гарнизоны, он, применяя силу, подверг осаде. Склонив на свою сторону города в Карию, он присоединил также города Ликии (см. Ephor. frg. 191.56—61; Diod. XI.60.1.4, ср. Plut. Cim. 12; Frontin. III.2.5). Собрав корабли у присоединенных союзников, Кимон еще больше усилил эллинский флот.

Направляясь вдоль восточного побережья Ликии в Памфилию, Кимон встретил задержку у эллинского города Фаселида. Этот значительный торговый центр с тремя гаванями занимал важное стратегическое положение. Жители Фаселиды, несмотря на то, что были греками по происхождению (город основан колонистами из Родоса), не приняли флот Кимона и на его требование отпасть от персов ответили отказом. Кимон подверг опустошению хору Фаселиды и приказал штурмовать городские стены. Однако находившиеся в войске Кимона хиосцы, с давних пор имевшие дружественные связи с Фаселидой, в конце концов примирили Кимона с жителями города, однако условия примирения были фактически равносильны капитуляции. Фаселиты должны были уплатить 10 талантов. Город становился членом Делосской лиги и обязан был принять участие в походе против варваров⁴.

Закрепив афинское господство в Карию и Ликию, Кимон нанес сокрушительное поражение персам на море и на суше около 468—467 гг. (Thuc. I.100.1; Ephor = FGrHist 70 F. 191.62—118; Diod. XI.60.3—62; Plut. Cim. 12—13; Nep. Cim. L.2—3; Justin. II.15.20; Polyæn. I.34.1; Paus. I.29.14). Анализ всего имеющегося материала убеждает нас в том, что хотя эллины одержали важную победу над персами, последствия ее были не настолько велики, как об этом сообщают Плутарх и Диодор. Так, например, Памфилия оставалась еще у персов. Под их господством по-прежнему находились Троада, Сигей. Персы восстановили контроль над Херсонесом, Геллеспонтом и Кипром. Поэтому цели Делосской симмахии, в осуществлении которых были особенно заинтересованы афиняне, были далеко еще не достигнуты.

Вскоре после битвы у Эвримендонта Кимон выступил из Афин с небольшим числом кораблей с целью восстановить господство афинян на Херсонесе (см. Plut. Cim. 14, ср. Hdt. VII.106). Персы здесь заручились поддержкой фракийцев, недовольных тем, что афиняне отчасти закрепились на фракийском побережье, поселив в Эйоне своих колонистов. Кимон нанес персам поражение сначала в морском сражении, а затем, из-

⁴ См. Plut. Cim. 12, ср. Steph. Byz., = S. V. Δωρος (Krateros. frg. 1). Вскоре после вступления города в Делосскую симмахию между афинянами и фаселитами был заключен договор о порядке разбора частных дел (см. Krateros. frg. 1) IG I², 16 = Tod 32 = Bengtson StV № 149 = ML 31. Текст перевода этого договора см. в приложении.

гнав их и победив фракийцев, он подчинил весь Херсонес власти афинского государства.

О действиях Кимона на Херсонесе сообщает только Плутарх, тем не менее его рассказ основан на хорошем источнике и вполне заслуживает доверия. В пользу историчности этого события свидетельствует также фрагментарно сохранившийся список погибших в сражениях афинян, который эпиграфисты датируют временем около 465 г. (iG. I². 928=SEG X.405, ср. Pausan. I.29.4—5).

Среди названий мест, возле которых происходили сражения, мы встречаем Кардию (город на севере Херсонеса), Пэй (также на Херсонесе) и Сигей (в Троаде, у входа в Геллеспонт). В списке погибших кроме афинян отмечены также граждане Мадития (город на Херсонесе), Византия и Цебрены (город в Троаде). Так что во время этой экспедиции эллины восстановили господство на Херсонесе и в Геллеспонте. Участие жителей Византия в качестве союзников в походе Кимона свидетельствует о том, что афиняне со времени изгнания Павсания удерживали этот стратегически важный город в своих руках. Таким образом, в результате похода Кимона афиняне вновь восстановили контроль над проливами. Упоминание среди афинских союзников граждан Цебрены свидетельствует о том, что к этому времени, вероятно, часть Троады уже находилась под контролем Делосской симмахии.

Вместе с тем следует отметить, что после победы над персами особенно обострились взаимоотношения афинян с некоторыми из их союзников. Входившие в Делосскую симмахию островные полисы и города западной части М. Азии склонялись к мысли о нецелесообразности дальнейшего сохранения Делосского морского союза, так как для них персидская угроза уже миновала. Афиняне же, опираясь на вновь приобретенных союзников, живших по соседству с персами и опасавшихся их, и, полагая не без оснований, что персы окончательно не отказались от Эгеиды, были настроены продолжать политику расширения Делосского союза и укрепления в нем своего господства. Эта политика встречала сопротивление со стороны некоторых членов лиги, перераставшее в восстания.

Одним из таких случаев, на который особое внимание обратил Фукидид, было восстание Фасоса (Thuc. I.100.2—101; Diod. XI.70.1; Plut. Cim. 2.5; Nep. Cim. 2.5; Polyae. II.33; VIII.67; Bengtson. STV II № 135). Фасосцы одними из первых вступили в Делосскую симмахию. Они относились к числу тех союзников (Хиос, Лесбос, Самос и др.), которые занимали привилегированное положение, в частности, не платили форос, но поставляли в общесоюзный флот укомплектованные экипажем корабли. Однако фасосцы все более опасались растущего могущества Афин и тяготились их гегемонией. Поводом к восстанию послужила ссора их с афинянами из-за мест торговли и присис-

ков, которыми они владели на побережье Фракии (Thuc. I.102.2). Фасосцы были обеспокоены стремлением афинян установить свое господство во Фракии. Восставшие выставили против афинян свой флот, однако потерпели поражение. Афиняне высадились на берег и осадили город. Осада длилась три года, с 466/5 по 464/3 гг.

В это же время, вероятно, в 465/464 г. афиняне послали из числа своих граждан и союзников 10 тыс. человек к реке Стримуону для заселения местности, которая называлась Девятью путями, а позже стала именоваться Амфиполем. Им удалось укрепиться в этой местности. Однако, стремясь не допустить, чтобы фракийцы оказали помощь восставшим фасосцам, они совершили поход в глубь Фракий, но потерпели поражение и были истреблены около Драбека, в земле эдонов (Hdt. IX.75; Thuc. I.100.3; IV.102.2; Diod. XI.70.5; XII.68.2; Schol. Aeschin. II.31.(34); Isocr. VIII.86; Paus. I.29.4—5; Nep. Cim. 2.2). Несмотря на поражение афинян, оказать помощь осажденным фасосцам фракийцы уже не успели. Восставшие надеялись на поддержку лакедемонян, с которыми вели тайные переговоры, но спартанцы, пострадавшие от землетрясения, вынуждены были вести войну против илотов и некоторых периекских городов. Поэтому фасосцы на третьем году осады (в 463 г.) капитулировали. Они должны были скрыть укрепления, выдать флот афинянам, уплатить немедленно ту сумму фороса, которой их обложили, и в будущем регулярно платить установленный налог. Кроме того, они должны были также отказаться от владений на материке и от присков. По-видимому, в это же время в результате подавления восстания фасосцев и укрепления афинян на фракийском побережье были вынуждены вступить в Делосский союз и города Халкидики.

Итак, внешняя политика Афин, осуществляемая в рассматриваемое время консервативно-аристократическими силами во главе с Кимоном, основывалась на признании афино-спартанского дуализма, который предусматривал, с одной стороны, сохранение дружественных отношений со Спартой и невмешательство в дела Пелопоннеса и Центральной Греции (сфера господства и влияния лакедемонян), с другой — продолжение войны против персов, расширение границ Делосского союза и укрепление в нем афинской гегемонии.

Фактически Делосский союз к концу рассматриваемого периода достиг тех границ, в которых оказалось большинство союзников, впоследствии включенных афинянами в пять податных округов. По мере расширения Делосского союза и укрепления в нем афинской гегемонии, он превратился в Афинский морской союз, в котором отношение афинян к союзникам становилось все более твердым и жестоким, то есть таким, как его описывают Фукидид (I.99) и Диодор (XI.70.3—4). Афиняне все чаще применяли насилие к отказывающимся

повиноваться членам союза. В пределах рассматриваемого периода источники сохранили сведения о подавлении восстаний наксосцев и фасосцев. Однако, судя по краткому замечанию Фукидида (1.98.4), можно думать, что имели место и другие выступления союзников. В случае их подавления полисы попадали в зависимость от Афин. На остальных союзников они все более начали оказывать финансовое, юридическое и политическое давление.

В этой связи интерес представляет уже упоминаемый договор между афинянами и фаселитами о порядке разбора частных дел. Он открывает серию юридических отношений афинян с союзниками, возникающих в связи с заключением различного рода сделок (*συμβολαι*). Современные эпиграфисты датируют договор 60-ми гг. V в. до н. э. Главное содержание декрета нашло отражение в сткк 6—21 (Tod. № 32). Интересы торговли требовали быстрого принятия решений, поэтому декрет предусматривал осуществление судебных разбирательств по месту заключения контракта. В частности, в нем говорится, что, если сделка была заключена в Афинах, то возникающие тяжбы необходимо рассматривать в Афинах, в суде полемарха. Как вытекает из сообщения Аристотеля (Aristot. Ath. Pol. 58), предоставление права иностранцам вести свои дела в суде полемарха являлось привилегией. В данном случае это подтверждается ссылкой на хиосцев, привилегированных союзников афинян. Некоторые современные исследователи трактуют этот декрет как документ о даровании привилегий городу фаселитов. Однако это не совсем так, поскольку в тексте договора речь идет о предоставлении привилегий отдельным гражданам Фаселиды в связи с судебным разбирательством, касающимся конкретных тяжб.

Что же касается самого города Фаселиды, то едва ли его положение в Делосском союзе можно назвать привилегированным. Во-первых, Фаселида не добровольно вступила в Делосский союз, но фактически была завоевана Кимоном. Во-вторых, с самого начала своего вхождения в Делосскую симмахию фаселиты обязаны были платить форос в казну, в то время как привилегированные союзники Афин поставляли в союзный флот корабли. И в последующие времена Фаселида оставалась в числе тех союзников, которые платили налог.

Итак, рассмотренный нами договор между Афинами и Фаселидой несомненно являлся важной вехой в трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз. Он показывает, что политика Афин в отношении союзников не была прямой. Укрепляя свое господство в союзе, афиняне обязаны были позаботиться о мерах, в том числе и юридических, которые бы способствовали извлечению союзниками выгоды

экономического и политического характера от членства в союзе и побуждали их сохранять верность.

Вместе с тем договор свидетельствует о стремлении афинян к урегулированию межполисных судебных дел не только между Афинами и городами союза, но и между самими союзниками.

Сравнивая текст договора с тем, что нам известно о значении суда в Афинской державе из античной традиции, можно обнаружить тенденцию, которую претерпели судебные отношения афинян с союзниками по мере трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз и его дальнейшей эволюции в афинскую империю. Если вначале афиняне, регулируя межполисные отношения и судебные дела, не вмешивались в юрисдикцию союзных полисов, то впоследствии, как вытекает из сообщения Фукидида (1.77) и «Афинской политики» Псевдо Ксенофонта (Ath. Pol. I.16—18), они все более старались использовать суды как важный инструмент контроля над союзными полисами. Гезихий, комментируя выражение: *αλο συμβολων δικαζειν*, говорит: «Афиняне судили подвластных союзников (*Τοις υπηκοοις αλο συμβολων*). И это было тяжело».

Таким образом, важные победы над персами, укрепление афинской гегемонии в Эгеиде и М. Азии, трансформация Делосской симмахии в Афинский морской союз и обусловленный этим рост самосознания, политической активности афинского полиса подрывали основу господствовавшей в рассматриваемый период идеи афино-спартанского дуализма, способствовали росту противоречий между Спартой и Афинами и нагнетанию враждебных отношений между ними.

2. Позиция Спарты в Греции в 70—60 гг.

V в. до н. э.

Позиция Спарты в 70—60-е гг. отличалась нестабильностью. Во-первых, в 479—478 гг. лакедемонянам не удалось добиться осуществления наказания тех эллинов, которые выступали на стороне персов и упрочения своего господства в Элладе из-за решительного сопротивления Афин и, возможно, неблагоприятных поступков царя Леотихида. Во-вторых, действия Павсания и образование Делосской симмахии во главе с Афинами привели к обострению внутривнутриполитических противоречий в Спарте, а также к потере Спартой руководства эллинским флотом и реальной гегемонии в Элладе. В-третьих, с изгнанием Леотихида и наказанием Павсания в Спарте окрепли позиции консервативных сил во главе с эфоратом и герусией. В это время правящие круги Спарты, сохраняя дружбу с Афинами и поддерживая тесные отношения с афинской арис-

тократией во главе с Кимоном, отказываются от осуществления активной общегреческой политики. Спарта не принимала участия в продолжении военных действий против персов, оставила планы расширения своего влияния в центральной и северной Греции. В-четвертых, полоса внешнеполитических неудач негативно сказалась и на спартанском лидерстве в Пелопоннесском союзе, где, как показывают данные источники, активизировались сепаратистские тенденции.

Политические процессы, совершавшиеся в Аргосе, Элиде, аркадских городах, подрывали стабильность и традиционализм спартанского господства в Пелопоннесе. Усилению нестабильности и сепаратизма бесспорно способствовала также и целенаправленная деятельность Фемистокла, изгнанного в конце 70-х гг. из Афин с помощью остракизма и поселившегося в Аргосе, который был старым соперником Спарты в Пелопоннесе. Живя в Аргосе, Фемистокл, как сообщает Фукидид (I.135.3), посещал и другие места Пелопоннеса. Поэтому, используя все имеющиеся источники, рассмотрим особенности антиспартанского движения и проанализируем действия лакедемонян, направленные на укрепление своего господства в Пелопоннесском союзе.

Обычно антиспартанское движение связывают с именем Фемистокла, считая его главным виновником. Едва ли это правильно. Фемистокл появился на Пелопоннесе, когда гегемония Спарты здесь начала уже колебаться и ситуация дестабилизировалась. Это подтверждают, по крайней мере, события в Аргосе и Аркадии.

После сокрушительного поражения, которое нанес Аргосу спартанский царь Клеомен⁵, город постепенно оправился и перед началом Греко-персидских войн вновь стал проявлять свою активность (см. Hdt. VI.84; 92). Спартанцы, боясь возможного сближения Аргоса с персами, безуспешно пытались привлечь его к Эллинскому союзу (Hdt. VII.148—150). Рост агрессивной политики аргивян, претендовавших на господство в Пелопоннесе, приходится как раз на период после 479 г. Это связывают с установлением демократического правления. Для достижения своих целей аргивяне стремились объединить Арголиду и внести раскол в Пелопоннесский союз.

Наиболее слабыми звеньями в Пелопоннесском союзе были города Аркадии и Элида. В Аркадии с начала V в. стали все более усиливаться тенденции к объединению и созданию Аркадского союза, что доставляло больше всего хлопот Спарте, старавшейся не допустить в рамках Пелопоннесской лиги создания какого-либо объединения союзных городов между собой. В середине 70-х гг. V в. до н. э. наметился новый подъем

⁵ Об этом более подробно см. в нашей статье: *Строгецкий В. М. О датировке битвы у Сепен//ВДИ. 1979. № 4. С. 108—117.*

антиспартанских настроений, приведший к восстанию Тегей и выходу ее из Пелопоннесского союза. Это восстание было связано с синойкизмом Тегей и победой в ней демократического правления (Strab. VIII.3.2, p. 337; Polyaeu. II.10.3). Аргос, возможно, не без участия Фемистокла, заключил союз с Тегеей (Hdt. IX.35.2; Paus. III.11.7; Strab. VIII.6.19, p. 377). В это же время с помощью аргивян были осуществлены синойкизм и победа демократии в Мантинее (Strab. VIII.3.2, p. 337, ср. Xen. Hell. V.2.7; Diod. XV.5.4; для конституции Мантиней см.: Thuc. V.29.1; Arist. Pol. VI.2.2, p. 1318 в 21). Антиспартанские настроения в Мантинее стали проявляться уже накануне Платейской битвы (Hdt. IX.77).

Элида была для лакедемонян не менее ценным союзником, чем Коринф. Богатая сельскохозяйственная страна, она располагалась сокровищами храма Зевса Олимпийского и располагала большими денежными средствами. Однако в силу своего значения как общегреческого Олимпийского центра она была открыта для внешних влияний и в ней так же, как и в Мантинее, уже в конце Греко-персидских войн обнаружилось антиспартанские настроения среди определенной части граждан (Hdt. IX.77). Поэтому не случайно, что она, подобно городам Аркадии, оказалась вовлечена в антиспартанское демократическое движение, во главе которого стоял Аргос. Вероятно, во второй половине 70-х гг. V в. до н. э. в Элиде установилось демократическое правление⁶. Источники свидетельствуют, что уже в 472 г. число элланодиков выросло до 10 человек, причем каждый из них избирался от одной из 10 территориальных фил, которые также были организованы в это время. По-видимому, в качестве образца для своей конституции элейцы использовали модель афинской демократии, при этом необходимо также учитывать активную антиспартанскую деятельность Фемистокла, который оказывал помощь своим друзьям демократам как в Аркадии, так и в Элиде. Победа демократии в Элиде тесно связана с синойкизмом элейских общин, объединившихся в одно государство (см. Hdt. IV.148.4; Diod. XI.54.1; Strab. VIII.3.2, p. 336—337).

Внутренние преобразования в Элиде вдохнули новую жизнь

⁶ Для демократии в Элиде см.: Diod. XI. 54.1; Paus. V. 9.5; Hellenic (=FGrHist 4 F 113 (90) =Schol. Pind. Ol. III. 12(22) a; Harpokr. s. v. ελλανοδικαι =Aristod (FGrHist 414 F 2, p. 308) =Arist. frg. 492. Ср. также элейские декреты V в. до н. э. из Олимпии, вырезанные на бронзовых табличках и раскрывающие некоторые особенности демократического правления в Элиде. В одном из них подчеркивается, что ответственность за проведение в жизнь постановления об уплате штрафов несут элланодики и народное собрание (см.: Schwyzer. Dialectorum graecorum exempla epigraphica potiora (DGE). Leipzig, 1923. P. 409; Buck K. Greek Dialects. 2nd Ed. Boston, 1928. P. 57 ff). Две другие надписи указывают на решающую роль совета и народного собрания в Элиде, причем элейский совет, как и афинский, состоял из 500 чел. (DGE. 410—412).

и сделали элейцев более активными в области внешней политики. Данные античной традиции свидетельствуют о том, что победившие элейские демократы начали расширять территорию Элиды на юг до границ Мессении, стремясь покорить Трифилию. В это время наметилось сближение Элиды с Аргосом и аркадскими городами. Так сложилась антиспартанская коалиция, возглавляемая Аргосом. Активную роль в ее создании, по-видимому, сыграл и Фемистокл. Правда, Афины, где господствующее положение находилось в руках консервативно-аристократических кругов во главе с Кимоном, отмежевались от действий Фемистокла и не вмешивались в дела Пелопоннеса. Более того, они вместе с лакедемонянами преследовали Фемистокла и заставили его, покинув пределы Пелопоннеса, искать убежище в Персии.

В сложившейся ситуации в отношении к восставшим союзникам лакедемоняне применяли насильственные меры, использованные и афинянами в Делосской симмахии (ср. Thuc. I.76.1). Это лишний раз подчеркивает общность черт гегемониальных симмахий Пелопоннесского и Делосского союзов, лидеры которых — Спарта и Афины в целях сохранения и укрепления своего господства осуществляли в отношении к своим союзникам великодержавную имперскую политику. Совершив в конце 70-х гг. нападение на Тегею, лакедемоняне нанесли поражение объединенному войску тегеян и аргосцев (см. Hdt. IX.35; Paus. III.11.7; Polyae. II.10.3; Simon. frg. 122). Участвовали ли в этом сражении и другие члены антиспартанской коалиции, такие, как Элида и Мантиней, неизвестно. Однако эта победа Спарты не стабилизировала ее положение в Пелопоннесе. Вскоре против Спарты восстали все аркадские города, кроме Мантиней. В середине 60-х гг. V в. лакедемоняне нанесли сокрушительное поражение восставшим в битве у Дипеи (Hdt. IX.35); Paus. III.4.7; VIII.8.6; Isocr. VI.99; Polyae. I.41.1, ср. Diod. XI.65.4).

После этих побед положение Спарты в Пелопоннесе несколько укрепилось. Ей удалось предотвратить раскол в Пелопоннесской лиге и расстроить антиспартанскую коалицию. Элида и Мантиней, несмотря на то что имели демократический строй, остались членами Пелопоннесского союза. Однако их отношения с лакедемонянами носили достаточно натянутый характер. Поэтому не случайно, что после Никиева мира они вновь вошли в антиспартанскую коалицию, возглавляемую Аргосом и Афинами (Thuc. V.29.1; 31.1 sq.). Поэтому утверждение исследователей, что они оставались верными союзниками Спарты, отчасти преувеличено. Неспкойным осталось и положение в остальной Аркадии, в частности тегеаты и после поражения, которое они дважды терпели от Спарты, помогали аргивянам (см. Strab. VIII.6.19, p. 377).

Аргос, подчинив своему господству значительную часть Ар-

голиды, стал более сильным соперником Спарты. В этой ситуации дальнейшее пребывание Фемистокла в Пелопоннесе чревато было для Спарты опасными последствиями. Поэтому лакедемоняне потребовали от афинян устроить суд над Фемистоклом (Diod. XI.55.4—8, ср. 54.2—5. Plut. Them. 23). Выдвигая это требование, обусловленное уже давно установившимися связями между олигархической группой эфоров и геронтов и аристократическими кругами Афин, лакедемоняне не ограничивались только выступлением против Фемистокла. Они, возможно, хотели возродить Эллинский союз и напомнить афинянам и их союзникам о своем могуществе. Для консерваторов в Афинах Фемистокл был врагом номер один, поэтому они с готовностью откликнулись на требование лакедемонян. Вместе с тем семена антиспартанской вражды, посеянные Фемистоклом, попали на благодатную почву и дали свои всходы.

Как уже отмечалось выше, ко второй половине 60-х гг. в Афинах выросли политическая активность и влияние радикальных слоев афинского демоса, демократические лидеры которых, унаследовав идеи Фемистокла, стремились к более решительному преодолению консервативных традиций во внутренней и внешней политике, сковывавших дальнейшее развитие афинской демократии и укрепление афинского могущества. Стали усиливаться антиспартанские настроения, и раздавались голоса о необходимости разрыва отношений с лакедемонянами и борьбы за утверждение афинского господства в материковой Греции. В Спарте в рассматриваемое время также обнаружили тенденции к изменению характера ее внешней политики. Это обусловлено укреплением позиции лакедемонян в Пелопоннесе и Пелопоннесском союзе, а также стремлением их противодействовать растущему могуществу афинян. Первым актом такого сопротивления, вероятно, и были тайные переговоры лакедемонян с восставшими фасосцами (Thuc. I.101.2). Однако дальнейший рост внешнеполитической активности Спарты был прерван разрушительным землетрясением и так называемой третьей Мессенской войной.

3. Третья Мессенская война и разрыв афино-спартанских отношений

Спарта была одним из государств Эллады, владевшим огромным количеством рабов, во много раз превосходившим число свободных граждан (см. Hdt. IX.28). В то время как в других греческих полисах рабы доставлялись извне и потому рабство было гетерогенным, в Спарте рабы были местного происхождения и говорили на одном языке. Спартанская илотия, как уже отмечалось, возникла в результате завоевания

спартиатами соседних территорий, сначала в Лаконике, а затем в Мессении, и была своеобразным разрешением социального кризиса, и прежде всего земельного «голода». Став обладателем огромного количества рабов, спартанское государство должно было считаться с тем, что они были относительно организованы. Приписанные государством к определенным спартанским наделам, они жили отдельными поселками, и спартиаты должны были всегда быть готовыми пресечь поднимавшиеся среди илотов мятежи. Поэтому политика Спарты в Пелопоннесе предусматривала не только утверждение спартанской гегемонии, но и недопущение восстаний илотов. Положение лакедемонян было всегда критическим, когда нарушалось единство Пелопоннесского союза. Прочность Пелопоннесской лиги и непоколебимость в ней спартанской гегемонии гарантировали полное подчинение илотов. Поэтому пассивность или активность внешней политики Спарты зависела прежде всего от ее положения в Пелопоннесе.

Положение илотов в государстве лакедемонян в некоторых аспектах было более тяжелым, чем положение рабов в других греческих полисах. Огромное число илотов и способность их быстрого объединения против господ побуждала Спарту к жестокому обращению с ними, вплоть до физического уничтожения наиболее мятежных среди них (т. н. криптии). Именно поэтому, а также ввиду специфического положения илотов (их этническая общность, совместная территория проживания, самостоятельное ведение хозяйства, сознание принадлежности к эллинам) нигде в Греции, кроме Пелопоннеса, в архаический и классический периоды не известны такие грандиозные восстания рабов, которые по своим масштабам были действительно рабскими войнами. Конечно, в отношении лакедемонян к рабам можно обнаружить известную дифференциацию, например, илоты лаконского происхождения, возможно, имели некоторые привилегии, но в целом положение илотов было настолько несносным, что они всегда искали удобного случая, будь то военная слабость Спарты или стихийные бедствия, чтобы отомстить своим господам.

Восстание илотов в Спарте, получившее название третьей Мессенской войны, непосредственно связано с грандиозным землетрясением, о котором сообщают многие античные авторы (Thuc. I.101.2; Diod. XI.63.1—3; 65.4; Plut. Cim. 16.4—6; Paus. I.29.8; IV.24.6).

Согласно Диодору (XI.63.1), землетрясение случилось в 469 г. По сведениям же других источников (Thuc. I.101.2; Plut. Cim. 16; Paus. IV.24.5; Schol. Aristoph. Lisistr.1142; Aelian. VH VI.7; Plolyaen. I.41.3), оно произошло в 465—464 гг. Эта последняя дата признана большинством исследователей. О катастрофических последствиях землетрясения сообщают только поздние авторы (Диодор и Плутарх). Поэтому современные

исследователи относятся к их детальным описаниям положения, в котором оказалась Спарта, скептически. Однако даже если признать эти описания преувеличением, тем не менее бесспорно, землетрясение принесло спартиатам неисчислимые беды, послужив удобным поводом для начала грандиозного восстания рабов. Источники сообщают противоречивые сведения о начале и конце восстания. Фукидид связывает восстание илотов и периеков и укрепление их на горе Ифоме с землетрясением, которое произошло в 465/4 г. (I.101.1—2, ср. I.128; II.27.2; III.54.5; IV.56.2). Диодор считает датой начала восстания 469/8 г., когда в Спарте случились большие землетрясения (XI.63.1—4). Схолиаст к Аристофану (Schol. Aristoph. Lisistr. 1144) также связывает восстание с землетрясением и помещает его в 468/7 г. Павсаний (IV.24.5), стараясь точно датировать землетрясение и восстание, указывает, что они имели место во время 79 Олимпиады, когда Ксенофонт из Коринфа одержал победу в беге (см. Pind. Ol. XIII; Diod. XI.70.1; Diod. Hal. IX,61), а архонтом в Афинах был Архемид, т. е. в 464/3 г. На эту же дату указывает и Плутарх (Сим. 16).

Сведения источников далеко не единодушны и в вопросе, касающемся даты завершения восстания. Фукидид (I.103.1—4) отмечает, что ифомцы на десятом году войны сдались лакедемонянам на условии, что покинут Пелопоннес, а афиняне приняли их и поселили в Навпакте, который они незадолго перед этим отняли у локров озольских. Это событие произошло около 456/5 г.

Таким образом, 456—455 гг. — это не дата конца Мессенской войны, а время поселения в Навпакте отпущенных лакедемонянами мессенцев. С восстанием же, вероятно, было покончено несколько раньше.

Диодор (XI.64.4) также замечает, что война с восставшими длилась 10 лет. Поскольку начало восстания он относит к 469/8 г. (XI.64.1—4), то, казалось бы, он должен завершить его в 460/59 г. Однако в другом месте (XI.84.7—8) он делает вывод, что восстание окончилось в 456/5 г. Это противоречие, по-видимому, объясняется тем, что Диодор не совсем точно понял смысл сообщения Фукидида о поселении мессенцев в Навпакте, тем более что, согласно Афинской политике, приписываемой Ксенофону (III.1), разгром мессенян имел место перед битвой у танагры, т. е. перед 458/7 г. (ср. Hdt. IX.35; Paus. II.11.7).

Общий вывод, который можно сделать, рассмотрев данные источников, заключается в следующем. Спарта претерпела несколько землетрясений (Diod. XI.63.1, ср. Paus. VII.25.3). Наиболее разрушительным было землетрясение 465/4 г. Землетрясения явились благоприятным условием для восстания илотов, первые очаги которого возникли еще до 464/3 г. (см. Diod.

XL.63.4; Schol Aristoph. Lisistr. 1137—1144; Polyæn. I.41.3)⁷. Однако своего апогея восстание достигло в 464/3 г., когда мессенцы и часть периеков закрепились в труднодоступных местностях и представляли для лакедемонян большую угрозу, ибо была опасность присоединения к восставшим других илотов и периеков и объединения их с некоторыми мятежными союзниками лакедемонян. Вероятно, в тексте у Фукидида нет ошибки, и третья Мессенская война длилась действительно около 10 лет, закончившись накануне битвы у Танагры падением Ифомы. После этого лакедемоняне одних восставших казнили, других отпустили на основании договора (их и поселили афиняне в Навпакте в 455/4 г.), остальных возвратили в рабское состояние (см. Diod. XI.84.7—8).

Восстание илотов явилось для Спарты тяжелейшим испытанием, однако выдержала она его успешно. По-видимому, в данном случае позитивную роль сыграло то, что лакедемонянам удалось предотвратить раскол Пелопоннесского союза и укрепить в нем свое господство. Это удержало аркадян от присоединения к восставшим. Кроме того, Спарта могла воспользоваться помощью союзников (см. Thuc. I.102.2; II.27.2; Xen. Hell. VI.2.3). Существует достаточно обширная традиция об афинской помощи лакедемонянам (Thuc. I.102.1—2; Plut. Cim. 16—17; Diod. XI.64.2; Aristoph. Lysistr. 1137—1144; Xen. Ath. Pol. III.11; Paus. I.29.8; IV. F 24.6; Justin. III.6.2). Заслуживает специального рассмотрения сообщение Плутарха об обращении спартанцев за помощью в Афины.

Уже начало его рассказа указывает на то, что Плутарх, вероятно, использовал материал местной хроники, да и землетрясение, которое он описал, относилось к числу явлений, фиксировавшихся хронистами весьма тщательно. Обычно они рассказывали о таких явлениях более подробно, сообщая также параллельные сведения о событиях, тесно с ними связанных. Кроме того, рассказ Плутарха свободен от общих рассуждений и содержит только изложение конкретных фактов.

Об этом первом обращении спартанцев в Афины, когда восстание только началось, и предстояло отразить натиск илотов, по-видимому, говорит и Аристофан в Лисистрате (1137 sq.). Характеризуя прибытие спартанского посла Периклида, Аристофан рисует вполне реальную картину катастрофического положения лакедемонян. Текст Аристофана завершается утверждением, что Кимон вместе с 4 тыс. гоплитов спас Лакедемон (см. также Schol. Aristoph. Lysistr. 1137—1144 = Philoch. Arg. 117, ср. Diod. XI.64.2).

⁷ Сражения с восставшими до того, как они закрепились на Ифоме, происходили в самом начале восстания (Diod. XI. 63.5; 64.1; Plit. Cim. 16; Polyæn. I.41.3), кроме того у Стениклара, города в Мессении (Hdt. IX 62.2) и у Истма (Hdt. IX. 35; Paus. III 11.8).

Важно также отметить и те обстоятельства, при которых афиняне приняли решение оказать помощь Спарте. Ситуация в Афинах к моменту прибытия Периклида была довольно сложной. Позиция Кимона уже стала колебаться несмотря на то, что он отразил выдвинутые против него обвинения. В начале 60-х гг. часть граждан, подстрекаемая такими политическими лидерами, как Эфиальт, стала занимать все более радикальные позиции и проявлять антиспартанские настроения. Вместе с тем обращение спартанцев в Афины и ответ афинян нуждаются в более глубоком объяснении. В самом деле, чем объяснить столь унижительное и плачевное состояние спартанского посла Периклида и жестокую, лишенную всякого сострадания позицию Эфиальта (см. *Plut. Cim.* 16)? По-видимому, недостаточно только указать на опасность спартанского положения и имперские настроения определенной части афинян. Несомненно, Аристофан подразумевал какие-то действия лакедемонян, вследствие которых они чувствовали себя виновными перед афинянами, а афинские граждане из-за этого были очень разгневаны на спартанцев. Вероятно, подразумевались тайные переговоры лакедемонян с восставшими фасосцами, ставшие известными в Афинах. Кимону стоило колоссального труда убедить афинян проявить благоразумие и оказать помощь спартанцам. Убеждая граждан, Кимон отстаивал идею афино-спартанского дуализма, требуя от афинян не посягать на спартанские интересы. Хотя ему удалось на этот раз отстоять свою позицию, события показывали, что среди афинских граждан эта идея уже переставала себя оправдывать.

Итак, после бурных дебатов народное собрание афинян санкционировало отправление на помощь лакедемонянам голитов во главе с Кимоном. По-видимому, эта экспедиция была организована вскоре после 465 г. В пользу этой даты говорят и гнев Эфиальта, вызванный, вероятно, антиафинскими действиями лакедемонян, и начавшиеся в это время распри между Коринфом и Мегарами. Второй раз (ок. 462 г.) Спарта обратилась за помощью в Афины, когда восставшие илоты и периэки укрепились на Ифоме. Сообщение об этом нашло более широкое отражение в античной традиции, поскольку с ним связаны такие важные для всей последующей греческой истории события, как разрыв афино-спартанских отношений и начало так называемой первой Пелопоннесской войны.

К сожалению, источники не сообщают, почему лакедемоняне вскоре отказались от афинской помощи и потребовали удаления афинского контингента из Пелопоннеса. Принимая во внимание общие условия времени, характеризующиеся ростом демократических тенденций в Афинах и усилением афино-спартанских противоречий, можно думать, что в отряде Кимона было немало афинян — сторонников политики Эфи-

альта, да и сам Кимон должен был соответствующим образом реагировать на новые внешнеполитические проблемы, стоящие перед афинянами, а именно: отношение к Аргосу и коринфо-мегарскому конфликту. Поэтому лакедемоняне могли относиться к афинянам с подозрением, тем более что основания для этого у них были.

Лакедемоняне, согласно Фукидиду, обратились к афинянам за помощью, считая их искусными в осаде укреплений. Однако поскольку осада затянулась, то у спартанцев возникло сомнение в том, что афинянам либо недоставало искусства, либо они затягивали осаду умышленно. Поэтому лакедемоняне отказались от их помощи и потребовали удаления из Пелопоннеса. Между тем, поскольку эта политическая акция Спарты имела столь решающее значение для греческой истории, она нуждается в более обстоятельном комментарии. Исследователи, интерпретируя рассматриваемые события, как правило, акцентируют внимание на активной позиции афинян, подчеркивая, что они разорвали отношения со Спартой, заключили союзные соглашения с ее злейшими врагами — Аргосом и Фессалией и начали борьбу за утверждение своей, так называемой сухопутной империи. Спарта же обычно остается в тени и ей отводится пассивная роль.

Подобная трактовка хотя отчасти и подтверждается данными Фукидида и других источников, тем не менее является односторонней. Нельзя забывать, что эти события наряду с другими Фукидид подчиняет своей конкретной цели — доказать, какие обстоятельства способствовали усилению могущества афинян и каким образом организовалась афинская держава (I.89.1; 97.2). Если же афино-спартанские отношения этого времени рассматривать, абстрагируясь от этой заданной Фукидидом темы, то возникает несколько иная картина. В действительности необходимо подчеркнуть активную позицию именно лакедемонян, поскольку, потребовав удаления афинского военного контингента, прибывшего по их же просьбе, они тем самым становились инициаторами разрыва отношений с Афинами. Действия афинян носили ответный характер. Поэтому и последовавший затем остракизм Кимона был обусловлен отчасти тем, что отстаиваемая им политика сохранения дружественных отношений со Спартой была отвергнута фактически самими спартанцами.

Иными словами, необходимо сказать, что в начале 60-х гг. V в. до н. э. не только в Афинах окрепли новые политические силы, способные радикально изменить внутреннюю и внешнюю политику государства, но и спартанские власти отнюдь не стремились занимать пассивную позицию и быть в стороне от общегреческой политики, тем более, когда решался вопрос о гегемонии в Элладе. Спарта все более начинала понимать, что сохранить и упрочить свое господство в Пелопоннесе и в цент-

ральной Греции можно, лишь подтвердив свое право считаться простатом эллинов.

По-видимому, активизация спартанской внешней политики в значительной степени связана с приходом к власти спартанского царя Архидама. Популярность к нему пришла уже в первые годы его правления. Под его руководством спартиаты разбили в битве у Дипеи восставших аркадян (Polyaen. I.41.1). Возможно, он навел порядок в Коринфе, где возникла борьба между богатыми и бедными (Polyaen. I.41.2). Во время землетрясения он не только спас определенную часть граждан, выведя их из разрушенного города, но и организовал их для отпора восставшим илотам (Plut. Cim. 16.4.6; Diod. XI.63.5—64.1; Ployaen. I.41.3). Фукидид (I.79.2) отмечает, что Архидам славился пронизательностью и благоразумием. Обычно Архидама, в отличие от Эфора Сфенелаида, рассматривают как противника войны с Афинами и лидера так называемой мирной партии в Спарте. Однако это не совсем так. Речь Архидама в спартанском народном собрании в 432 г. вовсе не была направлена против войны. Он отстаивал лишь более благоразумную позицию, требовал не спешить с войной, но как следует и во всех отношениях к ней подготовиться. (Thuc. I.80—85). Такой совет он давал на основании ведения прежних войн (Thuc. I.80.1), поэтому можно думать, что накануне и в ходе так называемой первой Пелопоннесской войны своеобразие и характер спартанской внешней политики были обусловлены влиятельной позицией этого царя.

С его именем, вероятно, была связана и реорганизация спартанской армии, вызванная, по-видимому, последствиями землетрясения, так как в результате потери части граждан спартиаты стали использовать в качестве гоплитов часть перизков. Вместо прежнего построения армии по обам (Hdt. IX.10; 11; 53; 57) теперь спартанское войско делилось на моры. Впервые это новое построение зафиксировано Фукидидом в битве при Мантинее (V.66.3—67.1; 68). Согласно его сообщению, лакедемонское войско имело следующую структуру. Во главе стоял царь, далее, согласно рангу, шли полемархи (командующие морями), начальники лохов (лохаги), пентекостеры и эномотархи (V.66.3). Число воинов в подразделении и соответственно число самих подразделений в спартанской армии варьировалось (ср. Thuc. V.68.3 и Xen. Lac. Pol. 11.4). В это же время Спарта в целях укрепления господства в Пелопоннесе ввела официальных должностных лиц *ξενάγοι*, которые осуществляли контроль над союзными контингентами.

Итак, своеобразие внешней политики Спарты в 70—60-е гг. V в. до н. э. заключалось в том, что она, обеспечив порядок в Пелопоннесе и укрепив свое господство в Пелопоннесской лиге, стала снова проявлять более энергичный интерес к об-

щегреческим делам, пытаясь подтвердить свою роль гегемона эллинов. В этих целях лакедемоняне пообещали фасосцам оказать помощь в их борьбе с афинянами. Землетрясение и восстание илотов лишь временно задержало дальнейшее осуществление этой политики. По крайней мере, события конца 60-х гг. и удаление афинского вспомогательного контингента во главе с Кимоном из Пелопоннеса показали, что отказываться от этого внешнеполитического курса Спарта не намеревалась.

ПЕРВАЯ ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Особенности внешней политики Спарты и Афин в первый период войны 460/59—456/55 гг. до н. э.)

Выяснив особенности трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз, причины отхода Спарты и Афин от политики дуализма в конце 60-х гг. и разрыва афино-спартанских отношений, мы переходим к рассмотрению содержания понятий афинская империя и афинская имперская политика.

Несмотря на то, что понятие афинская империя, как уже отмечалось во введении, широко применяется в западной историографии, советские ученые, избегая употребления термина «империя», обычно используют применительно к Афинам понятия «морская держава», «архэ»¹. Главный аргумент, который часто приводят, заключается в утверждении, что под империями в древности обыкновенно понимают большие территориальные государственные образования конгломератного типа с монархической властью, например, Персидская или Римская империи. Кроме того, употребление терминов «афинская империя», «афинский империализм» считают модернизацией.

Однако само употребление современных терминов для характеристики некоторых процессов в древности не ведет к ее модернизации, если не пытаться переносить в древность современное социально-экономическое и политическое содержание этих понятий. Задача состоит в выявлении значения понятий афинская империя и афинский империализм применительно к конкретным историческим условиям существования Афинского морского союза в середине V в. до н. э. Эти термины более точно отражают сущность тех процессов, которые происходили в Афинах и возглавляемом ими союзе.

Вместе с тем, исходя из признания нелинейного пути общественного развития, мы полагаем, что в античности, так же как и в современных условиях, действуют общие законы челове-

¹ Паришков А. Е. Исследования по истории афинской морской державы/ МГЗПИ. М., 1976. Деп. в ИНИОН 2.12.76. № 1044; Кондратюк М. В. Архэ и афинская демократия//Античная Греция. Проблемы развития полиса/Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1983. Т. 1. С. 327 и сл.

ческих отношений, которые, своеобразно преломляясь на каждом из этапов истории, приводят к сходным, но не адекватным процессам. Мы считаем, что Фукидид близок к истине, утверждая, что «минувшее в силу свойств человеческой природы может повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде» (Thuc. I.22.4).

Поэтому как в современном мире не всегда империей называют только централизованные территориальные государства с монархической императорской властью — ведь известны колониальные империи (английская, французская и др.), также и в древности необязательно термин империя и все другие от него производные употреблять только в узко ограниченном смысле. Ведь обнаруживаем же мы в греческой колонизации и европейской сходные черты, хотя, несомненно, содержание той и другой во многом различно. Так почему же не признать и возможность сходных конечных результатов колонизации в том и другом случае? По крайней мере сравнительный анализ межполисных отношений до Греко-персидских войн и после победы над персами позволяет утверждать, что в середине V в. сложились наиболее благоприятные условия для возникновения афинской колониальной империи. На смену полицентрической структуре, отличавшейся существованием большого числа независимых полисов, осуществлявших самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику до Греко-персидских войн, после победы над персами возникла структура дуалистическая, характеризовавшаяся противостоянием двух военно-политических блоков, возглавляемых двумя наиболее могущественными полисами Эллады: Спартой и Афинами.

Точно обрисовал эту ситуацию Фукидид, отметив, что, вскоре после отражения персов общими силами эллины, как те, что отложились от персидского царя, так и те, которые вместе воевали, разделились между афинянами и лакедемонянами. И те, и другие действительно оказались наиболее могущественными: лакедемоняне сильны были на суше, афиняне — на море (Thuc. I.18.2). В этой ситуации возникший после Персидских войн Афинский морской союз, как гегемониальная симмахия, имел тенденцию превратиться в афинскую колониальную морскую империю. Эта тенденция была обусловлена как внутривнутриполитическим развитием Афин к середине V в. до н. э., так и особенностями их внешней политики.

Эволюция развития афинской демократии, о чем подробно рассказывалось в первой главе, подготовила социальную почву для возникновения афинской империи. К середине V в. до н. э. в Афинах выросла политическая активность части демоса, слабо или почти не связанная с землевладением (торговцы, ремесленники, моряки и т. д.). Поэтому, когда Перикл выдвинулся на передний план среди демократических лидеров, в афинском полисе уже появился значительный процент граж-

дан, заинтересованных в усилении эксплуатации союзников, а сам афинский полис все более стал испытывать нужду в регулярно пополняемом источнике доходов. Большая часть должностей в Афинах, в том числе и таких высоких, как архонты, стала замещаться по жребию. К занятию должности архонтов были допущены представители третьего социального разряда — зевгиты. Чрезмерно расширился гражданский коллектив, причем удельный вес городского населения в нем был гораздо выше сельского. Немаловажной причиной этого были опустошительные войны и вторжения персов в Аттику, разорение крестьянских хозяйств.

Это привело к тому, что к активному участию в политической жизни стали привлекаться граждане мало или совсем необеспеченные. Только гелиэя при Перикле представляла собой большой отряд афинских судей (6 тыс. чел.), авторитет которых все более укреплялся, потому что они разбирали не только тяжбы афинян, но и союзники стали все чаще обращаться к афинским судьям за разрешением своих дел. Все это вызывало объективную необходимость введения оплаты должностных лиц и прежде всего судей, но для этого не могло хватить средств, получаемых от внутренних источников доходов и за счет военной добычи.

Способствовала трансформации Афинского морского союза в империю и эволюция внешней политики Афин. Вскоре после битвы при Эвримедонте в ней становится господствующей антиспартанская направленность, причем теперь главной внешнеполитической целью афинян было достижение гегемонии в Элладе. Фукидид отмечает, что «разделенные враждою лакедемоняне и афиняне вместе со своими союзниками воевали друг против друга, а остальные эллины в случае, если им приходилось где-либо враждовать между собою, стали присоединяться или к афинянам, или к лакедемонянам» (Thuc. I.18.3). Вместе с тем укреплявшаяся городская структура афинского полиса требовала расширения торговых и экономических связей, установления контроля над путями, ведущими к главным источникам зерна и сырьевых ресурсов. Это также побуждало Афины к реформированию морского союза и усилению в нем афинского господства.

Рассматривая трансформацию Афинского морского союза в Афинскую империю, необходимо дать оценку возникшей в 60-е гг. дискуссии о датировке этого процесса. Под влиянием взглядов американского эпиграфиста Г. Б. Мэттингли в 60-е гг. стали пересматривать хронологию афинских надписей V в. до н. э., имеющих отношение к афинской внутрисоюзной политике, традиционная датировка которых колеблется в пределах 50—40-х гг., и отодвигать ее к 20-м гг. V в. до н. э., считая, что о трансформации Афинского морского союза в империю можно говорить применительно ко времени Пелопоннесской

войны и правления Клеона². Недостаточная убедительность этих выводов обусловлена их уязвимостью не только с эпиграфической точки зрения³, но и несогласованностью с данными исторической традиции, подтверждающими, что начало формирования Афинской империи относится к середине V в. до н. э.

Вместе с тем некоторые исследователи, хотя и соглашаются с традиционной датировкой афинских декретов V в. до н. э. и тем самым признают, что афинская империя сложилась до начала Пелопоннесской войны 431—404 гг., тем не менее склоняются к мысли, что сильный афинский империализм развился только после смерти Перикла и ассоциируют его с Клеоном и его преемниками⁴. Это признание афинской империи без имперской политики или отнесение ее возникновения ко времени Пелопоннесской войны обусловлено, во-первых, непреодоленной до конца идеализацией афинской демократии при Перикле, во-вторых, ошибочным, как нам представляется, постулатом о том, что афинский империализм был следствием Пелопоннесской войны, разразившейся в 431 г. Мы же, опираясь на соответствующую интерпретацию данных Фукидида и других источников, в том числе и эпиграфических, считаем, что именно Пелопоннесская война была закономерным результатом имперской политики как Афин, так и Спарты, достаточно отчетливо проявившейся в период первой конфронтации между ними в 460—445 гг. до н. э., получившей название первой Пелопоннесской войны.

Эта война не ограничивалась только враждой Коринфа и Эгины с Афинами, как считают некоторые западные исследователи, она представляла собой конфликт между двумя военно-политическими блоками, сложившимися к концу 60-х гг. V в. до н. э., которые возглавляли Спарта и Афины. Главным доказательством этого являются сообщения Фукидида (I.18.2—3; 19; 107—115). Фукидид дает представление о социально-экономической и политической подоплеке этой вражды (I.80—85; 141—144; IV.9.36—45).

² *Mattingly H. D.* The Athenian Coinage Decret//*Historia*. 1969. Bd. X. P. 148 ff.; *idem.* The Growth of Athenian imperialism//*Historia*. 1963. Bd. XII. P. 257; *idem.* Periclean Imperialism//*Ancient Society and Institutions/Stud. pres. to V. Ehrenberg*. Oxford, 1966. P. 193 ff.; *idem.* Formal Dating Criteria for Fifth Cent. Attic. Inscriptions//*Acta of the Fifth Intern. Congress of Greek and Latin Epigraphy*. Oxford, 1971. P. 27—33; *Meister R.* Die Ungeschichtigkeit des Kalliasfriedens und deren historische Folgen. Wiesbaden, 1982. S. 101 ff.

³ *Meiggs R.* The Dating of Fifth Century Attic Inscriptions//*JHS*. 1966. Vol. 86. P. 86—96; *idem.* The Athenian Empire. Oxford, 1972; *Meiggs R., Lewis D. A.* Selection of Greek Historical Inscription. Oxford, 1969; *Meritt B. D.* Wade-Gery H. T. The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century-1//*JHS*. 1962. Vol. 82. P. 67—74.

⁴ *Meiggs R.* The Dating of Fifth Century Attic Inscriptions... P. 86—98; *Schuller W.* Die Herrschaft der Athener im ersten atischen Seebund. Berlin, 1974. S. 175 ff.

Автор отмечает, что пелопоннесцы живут трудами рук своих и у них нет денег ни частных, ни общественных, поэтому они не способны вести продолжительные войны и особенно вдали от Пелопоннеса. Между тем войны ведутся не столько на взносы, выколачиваемые силой, сколько на готовые средства и, как правило, носят затяжной характер (Thuc. I.141.2—5; II.80.2.4; 6).

Действительно, граждане большей части пелопоннесских полисов были мелкими крестьянами-землевладельцами, которые главным образом собственным трудом при участии нескольких рабов обрабатывали свои наделы и выращивали хлеб. Пелопоннес в отличие от Аттики не был опустошен и разорен персами. Поэтому война не внесла существенных изменений в установившийся с древности уклад жизни пелопоннесских крестьян. Во время военных действий они становились гоплитами, но не могли надолго отрываться от земли. Из всех пелопоннесских государств только Спарта отличалась другими условиями. Здесь граждане не были привязаны к земле, ибо их наделы обрабатывали государственные рабы — илоты. Спартиаты имели больше свободного времени, которое тратили на военные тренировки, могли предпринимать военные походы в любое время и участвовать в длительных военных кампаниях. Это и обеспечивало Спарте ведущее положение в Пелопоннесе. Однако возможности лакедемонян были ограничены, так как они не располагали собственным военным флотом, не имели наличных средств, поскольку сами не чеканили монеты, не взимали налог с членов Пелопоннесского союза и поэтому должны были координировать свои действия с желаниями и способностями союзников осуществлять те или иные общесоюзные внешнеполитические акции.

В экономическом отношении члены Пелопоннесского союза были далеко не однородны. Коринф со своими колониями, Мегары, Сикион, Пеллена, Элида, поставлявшие корабли в общесоюзный флот, были более или менее развитыми торгово-ремесленными центрами. Другие полисы, в том числе и Спарта, были земледельческими государствами. Поэтому экономические и политические цели пелопоннесцев не всегда совпадали. Это, как отмечает Фукидид (I.40.7), вносило определенный диссонанс в действия Пелопоннесской лиги.

В большинстве пелопоннесских государств господствовала олигархическая форма правления, и спартанцы, насколько это было в их силах, препятствовали установлению в них демократий (Thuc. I.19). Пелопоннесские полисы, и прежде всего сама Спарта, отличались консервативностью общественных отношений, требующей неукоснительного подчинения традиционным законам и обычаям (см. Hdt. VII.104; Xen. Lak. Pol. 8.1—5); замкнутостью и подозрительностью, что особенно подчеркивает Фукидид (I.144.2; II.39; V.68.1—2); высокой ролью

государства и его институтов, стоящих на страже существующего порядка. Своеобразие общественных отношений в Спарте и в некоторых пелопоннесских государствах было обусловлено тем, что господствовавшая здесь античная собственность выступала главным образом в форме общинной и государственной собственности. Движимая и недвижимая частная собственность и связанное с ней более свободное развитие товарно-денежных отношений обнаруживались в большей части пелопоннесских полисов менее ярко, чем в Афинах и в других греческих государствах.

Афинский морской союз, окончательно оформившийся в 70—60-х гг., объединял приморские и островные полисы, являвшиеся главным образом торговыми центрами. Граждане городов Афинского морского союза и прежде всего Афин не были до такой степени привязаны к земле как пелопоннесцы. Аттика всегда нуждалась в привозном хлебе. Однако после Греко-персидских войн доставка хлеба и продовольствия стала главной задачей афинской государственной политики. Это обусловлено тем, что вследствие опустошения и разорения территории Аттики персами, значительная часть населения, потеряв связь с землей, переселилась в город. Этому также способствовали и демократические преобразования Фемистокла. Поэтому неудивительно, что в 70—60-е гг. в Афинах стал быстро расти процент городского населения, особенно низших и средних слоев демоса. Это в той или иной степени было характерно и для других городов как островных, так и приморских, враждебно относившихся к персам и ставших впоследствии членами Делосской лиги. Поэтому потребность обеспечения городского населения хлебом и продовольствием становилась главной целью внешней политики Афин.

В силу географических и исторических условий в городах Афинского морского союза, особенно в Афинах, наметилась тенденция к более быстрому развитию, чем в Пелопоннесе и в некоторых других греческих государствах, частной собственности и товарно-денежных отношений. Этот процесс особенно был ускорен в силу отмеченных выше причин после Греко-персидских войн. Поэтому ремесло, торговля и мореплавание в V в до н. э. составляли основу экономической жизни Афин и большинства их союзников⁵. Это способствовало процессу демократизации общества, росту политического влияния той части гражданского населения, которая не была связана с землей (ремесленники, торговцы, моряки), и утверждению в ряде городов Афинского морского союза нередко с помощью афинян демократической формы правления.

У

⁵ *Pesirka J.* Athenian Imperialism and the Athenian Economy//Eirene. 1982. Т. 19. Р. 117—125. См. также: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики//Античная Греция. Ч. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 217 и сл.

Среди причин, способствовавших росту противоречий между афинянами и лакедемонянами, немаловажную роль играли также различия этнического характера. Эллыны осознавали, что дорийцы, включавшие лакедемонян, и ионийцы, к которым принадлежали афиняне, являлись двумя различными этносами, людьми, которые считали себя состоящими в родстве между собой и имеющими только им присущие качества (см. Hdt. 1.56; V.72.3; IX.106; Thuc. I.71.4; 102.3, ср. Diod. XI.34—37; 41. 124.1; V.104; VI.6.2; 44.3). По мере роста враждебных отношений между Спартой и Афинами различия этнического характера нередко использовались в пропагандистских целях как той, так и другой стороной.

Распри между афинянами и лакедемонянами, возникшие еще в период Греко-персидских войн, особенно обострились, как уже отмечалось, в начале 70-х гг. в связи с антиспартанской деятельностью Фемистокла. Однако афиняне скоро осознали, что бороться против Спарты и против Персии и одновременно укреплять могущество Афин и их гегемонию в Делосской симмахии невозможно. Поэтому остракизм Фемистокла и победа Кимона явились своеобразным решением кризиса афино-спартанских отношений. С этого времени во внешней политике Спарты и Афин стала господствовать концепция афино-спартанского дуализма, предусматривающего сохранение военно-политического равновесия сил в Элладе и признание двойной гегемонии.

На первый взгляд эта внешнеполитическая «доктрина» была довольно удачной, поскольку казалось, что она ограждала интересы Спарты и способствовала Афинам в борьбе с Персией расширять Делосскую симмахию и укреплять в ней свое господство, не вызывая подозрения спартиатов. Однако это была всего лишь иллюзия. Добившись выдающейся победы над персами в битве у Эвримедонта и превратив Делосскую симмахию в Афинский морской союз, афиняне теперь оказались перед выбором: остановиться на достигнутом или добиваться утверждения господства и в материковой Греции. Фукидид, характеризуя афинян, отмечал, что они «наличными благами наслаждались очень мало, будучи постоянно заняты стремлением к приобретению» (I.70.8). Справедливость сказанного подтверждается несколькими важнейшими тенденциями афинской внешней политики, наметившимися в конце 60-х — начале 50-х гг.

Во-первых, афиняне все более осознавали, что для удержания союзников в подчинении и укрепления своей гегемонии недостаточно только господства на море.

Во-вторых, победа над персами в Эгееде обеспечила свободу мореплавания и экономических связей афинян со своими союзниками и другими городами на островах и в прибрежных районах. Однако Афины как демократический город с

развитым товарным ремеслом были заинтересованы в расширении торговых отношений, ведь, как отмечал Аристотель (Pol. VI.2.1, p. 1318 a 26), «масса людей жаждет получать прибыль, а не почет». Кроме того, потребность в обеспечении городского населения Афин и их союзников привозным хлебом и продовольствием заставляла афинян заботиться об установлении контроля над дорогами, ведущими к главным источникам зерна (Западное Средиземноморье, Северная Африка и Северное Причерноморье). В первой половине V в. афинян больше интересовал Запад, а не Восток. Политические контакты их с Западным Средиземноморьем, подкреплявшие экономические связи Афин, начали устанавливаться еще при Фемистокле (см. Hdt. VIII.62; Thuc. I.136; Plut. Them. 24.1; 32.2; Nep. Them. 1.2). И вот теперь в результате достигнутых успехов стремление афинян к расширению экономических и политических связей с городами Западного Средиземноморья стало разгораться с новой силой (см. Plut. Per. 20). Однако для этого необходимо было утвердить господство в материковой Греции и прежде всего в Коринфском заливе, но это вело к противоборству со Спартой и ее союзниками.

Спартанцы, как уже отмечалось выше, осознавали опасность растущего могущества Афин и пытались противодействовать им. Однако к началу первой Пелопоннесской войны они оказались ослабленными из-за землетрясения и восстания илотов.

Рассматривая внутривнутриполитические отношения в Афинах в первой половине V в. до н. э., мы отметили, что с середины 60-х гг. внутри гражданского коллектива активизировались радикально-демократические настроения, результатом чего явилось возвышение Эфиальта и других демократических лидеров радикального толка. Последовавшее за этим падение господства Ареопага и изгнание в 461 г. остракизмом вождя знати Кимона не только явилось поворотным пунктом внутриполитического развития Афин, но и оказало решающее влияние на характер афинской внешней политики.

Согласно Фукидиду (I.102.3, ср. Diod. XI.64.3), поход четырехтысячного отряда афинских гоплитов во главе с Кимоном на помощь спартамцам против восставших илотов, закрепившихся на Ифоме, впервые со времени Греко-персидских войн повлек к открытой вражде между лакедемонянами и афинянами. Спартанцы, опасаясь, что афиняне могут вступить в соглашение с восставшими, потребовали, чтобы они покинули пределы Пелопоннеса. Афиняне, считая себя оскорбленными таким отношением лакедемонян, разорвали заключенный с ними союз против персов.

Разорвав союз со Спартой, Афины заключили соглашение с ее злейшим врагом Аргосом, а также с Фессалией (Thuc. I.102.4; II.22.3; Paus. I.9; IV.24.7; Aeschyl. Eumen. 287—291;

667—673). Интерпретация этого союза в историографии весьма противоречива⁶, поэтому рассмотрим более внимательно данные источников. Прежде всего следует отметить, что в середине V в. до н. э. Аргос выступал в качестве противодействующей лакедемонянам силы. После его разгрома царем Клеоменом в 520 г. он восстановил свое могущество уже накануне Греко-персидских войн, а со времени установления в нем демократического строя аргивяне стали осуществлять агрессивную внешнюю политику, стремясь укрепить свое господство в Арголиде и вернуть территории, захваченные в свое время Спартой. Однако будучи изолированным в Пелопоннесе, Аргос с начала V в. все более тяготел к союзу с Афинами. Это было одной из важных причин, сдерживавших активное участие лакедемонян в решении общегреческих проблем. Поэтому Фукидид, отмечая, что Аргос был злейшим врагом Спарты, рассматривал заключение с ним союза как агрессивную акцию афинян в отношении к лакедемонянам.

Во-вторых, афиняне, вступив в соглашение с аргосцами и фессалийцами, окончательно отказались от сформулированных при создании Эллинского союза в 481 г. принципов, а именно общими силами вести борьбу против персов и против тех эллинских государств, которые добровольно выступали на стороне персидского царя (см. Hdt. VII.132; 148—149). Аргос и Фессалия были именно такими государствами.

В-третьих, результатом этого союза было создание анти-спартанской коалиции (см. Thuc. I.102.4). Ситуация на Истме и в Арголиде, обострившаяся вследствие враждебных действий коринфян против клеонян и мегарцев (Plut. Cim. 17), была в центре внимания афинской внешней политики.

Поэтому следующим внешнеполитическим актом Афин был союз с Мегарами. Детальные сведения об этом сообщают Фукидид (I.103.4) и Диодор (XI.79.1—2). Согласно Фукидиду, мегаряне, находившиеся в составе Пелопоннесского союза, вышли из него, потому что у них возникла война с Коринфом из-за пограничной области (см. Plut. Cim. 17.1—2). По этой причине мегаряне заключили союз с Афинами и стали членом Афинского морского союза (см. Thuc. I.103.4; Diod. XI.79.1—2; Plut. Cim. 17.1—2; ср. Andoc. III.3). Мегары представляли для Афин очень важный в стратегическом отношении район, поскольку они имели гавани на побережье Коринфского залива (Пеги) и Саронического (Нисея) и контролировали единственную сухопутную дорогу, ведущую в Пелопоннес. Афины заняли Мегары и Пеги, построили для мегарян Длинные стены, соединив город с Нисейской гаванью, и оставили в Мегарах свой гарнизон. Это создавало для самих

⁶ Об этом см. нашу статью: *Строгецкий В. М.* Внутриполитические отношения и особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460—455 гг.) // ВДИ. 1987. № 2. С. 37—50.

коринфян и их колоний на побережье Коринфского залива большую опасность. Таким образом, действия афинян в Мегариде имели по отношению к пелопоннесцам, и прежде всего коринфянам, несомненно агрессивный характер. Афины фактически оккупировали Мегары. Поэтому это событие исследователи справедливо рассматривают как начало первой Пелопоннесской войны.

Прежде чем перейти к характеристике военных действий, Фукидид вставляет в свой рассказ краткое сообщение об афинской экспедиции, посланной на помощь восставшим против персов египтянам, и первых ее успехах (Thuc. 1.104.1—2). Из сообщения Фукидида ясно вытекает, что афиняне воевали на два фронта. Естественно, в связи с этим возникает целый ряд вопросов. Какие политические силы в Афинах заключили договор с лидером восставших египтян Инаром? Когда была отправлена экспедиция в Египет? Планировалось ли заранее в Афинах ведение войны на два фронта?

О восстании в Египте и заключении договора афинян с лидером восставших Инаром сообщает достаточно обширный круг источников (Hdt. VII.7; Thuc. 1.104; Diod. XI.71.3—5; Aristod. II.3—4; Just. III.6.6; Plut. Them. 31.4; Isocr. VIII.66; Aelian VH V.10; Aeschyl. Eumen. 292—295). Согласно Диодору (XI.71.3), восстание произошло в 463 г. Хотя современные исследователи отвергают хронологию Диодора и датируют восстание 461/60 гг. или даже 459 г., нам уже приходилось отмечать, что, несмотря на недостатки хронологической системы Диодора, у него можно найти немало точных дат для сообщаемых им событий. Дата Диодора предпочтительна также и с точки зрения развития исторических событий. Восстание в Египте вспыхнуло вскоре после убийства Ксеркса в 465 г. Мало вероятно, чтобы оно началось только через 5 лет после его гибели. Условия для восстания созрели уже давно и нужен был только повод⁷. Поэтому известие о смерти Ксеркса и о возникших в связи с этим волнениях в Персии достигло Египта и послужило сигналом к восстанию. Не противоречит датировке Диодора и сообщение Фукидида (1.104), во всяком случае из него следует, что восстание в Египте началось до 461 г.

Наиболее спорным является вопрос о времени заключения договора между восставшими и афинянами и отправления афинской экспедиции в Египет⁸. Согласно Диодору (XI.71.4),

⁷ См.: *Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948. P. 293; Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 179 и сл.*

⁸ Исчерпывающий перечень всех существующих версий см. в работах: *Паршиков А. Е. О хронологии афинской кампании в Египте//ВДИ. 1970. № 1. С. 107 и сл.; Salmon P. La politique égyptienne d'Athènes (VI—V. s. av. J. C.). Bruxelles, 1981. P. 99—102.*

Инар отправил посольство в Афины сразу же, как только возглавил восстание. Это же сообщает и Фукидид (I.104.1). Кроме того, в его рассказе есть известие о том, что афиняне заключили соглашение с восставшими уже после того, как отправили экспедицию из 200 кораблей для завоевания Кипра. Эти то корабли и были в соответствии с договором затем посланы в Египет. С этим сообщением Фукидида отчасти согласуется также краткое замечание Плутарха (Plut. Cim. 15, ср. 18) о том, что Кимон вскоре после своего оправдания (т. е. после 465 г.) отправился во главе флота в поход. По-видимому, Плутарх имел в виду ту же кипрскую экспедицию, о которой говорил Фукидид.

Таким образом, и обращение Инара за помощью в Афины, и заключение афинянами договора с восставшими имели место еще до остракизма Кимона. Обещание египетских послов произвело благоприятное впечатление на афинских граждан (см. Diod. XI. 71.4—5) и они приняли решение оказать помощь восставшим. Несомненно, при заключении договора для афинян немаловажную роль играл экономический фактор (ср. Plut. Pericl. 37). Поэтому, по-видимому, надежда иметь Египет в качестве союзника и без особых трудностей получать столь необходимый хлеб захватила всех афинских граждан. Организатором же экспедиции, насколько можно судить по данным источников (Plut. Cim. 15 и 18, ср. Thuc. 1.104.2 и 112.2), вероятно, был Кимон, хотя он не отправился вместе с флотом в Египет, поскольку в 462 г., несомненно, находился в Афинах и убеждал афинских граждан оказать помощь спартамцам в их борьбе против восставших илотов, укрепившихся на Ифоме.

Итак, вероятно, афиняне не планировали вести войну на два фронта, потому что экспедиция была организована ими до начала первой Пелопоннесской войны, да они и полагали, что с Египтом у них не будет больших хлопот, особенно если учесть, что первоначально их совместные с восставшими военные действия были действительно успешными (см. Thuc. 1.104.2; 109.2; Diod. XI.74.3—4; Ktes. frg. 63).

Успех в Египте, образование анτισпартанской коалиции (Аргос, Фессалия, Афины) и присоединение Мегар к Афинскому морскому союзу побуждали афинян к более активным действиям против пелопоннессцев. Этому способствовали и благоприятные обстоятельства, так как Спарта была в то время занята подавлением восстания илотов, кроме того, она потерпела неудачу, по-видимому, около 460 г. в битве при Эное (расположена между Аргосом и Мантинеей) против аргивян, которым оказали помощь афиняне (см. Paus. 1.15.1; X.10.4). В Афинах же окрепли позиции радикально-демократических лидеров, унаследовавших от Фемистокла характер и направление афинской внешней политики.

В 459 г. афиняне, опираясь на союз с аргивянами, предприняли морскую экспедицию против Пелопоннеса и высадились в Галиях (город в южной части Арголиды). Выбор места высадки был не случаен. Это была крупная гавань, владея которой афиняне могли ее использовать как базу для организации рейдов против прибрежных городов Гермियोны, Трезена и Эпидавра, контролируемых Спартой (ср. Thuc. II.56.1—5). Из этих городов наиболее важным для Афин был Эпидавр, подчинение которого способствовало бы ослаблению Коринфа (ср. Thuc. V.56) и получению плацдарма для борьбы с Эгиной. Это заставило коринфян, эпидаврян и, возможно, эгинян выступить объединенными силами. Им помогали и другие пелопоннесские союзники (см. Thuc. I.105.3). Так что пелопоннесцы были полны решимости оказывать афинянам всяческое противодействие. В этом сражении афиняне, вероятно, потерпели поражение (см. Thuc. I.105.1, но ср. Diod. XI.78.1—2). Состоявшееся после этого сражение на море у острова Кекрифалеи (расположен в Сароническом заливе между Эгиной и Эпидавром) доставило победу афинянам (Thuc. I.105.1; XI.78.2).

Эта победа открыла Афинам благоприятные возможности для войны с Эгиной (Thuc. I.105.2; Diod. XI.70.1—3; 78.3—4). Фукидид не указывает на ее причины. Более подробные сведения об этой войне сообщает Диодор, по мнению которого причиной ее был выход Эгины из состава Делосской симмахии в 464 г. (XI.70.2—3). В 459 г. после победы у острова Кекрифалеи афиняне предприняли войну с Эгиной за возвращение ее в Афинский морской союз (Diod. XI.78.3—5.) Поэтому Фукидид подчеркивает, что в сражении между афинянами и эгинянами принимали участие также и их союзники. Победу одержали афиняне. Они захватили 70 эгинских кораблей и, высадившись на остров под начальством Леократа, начали осаду города.

Положение, сложившееся для пелопоннесцев, было катастрофическим. Удерживая контроль над Мегаридой и имея выход в Коринфский залив, афиняне могли совершать рейды против коринфских колоний в этом районе, а также против прибрежных городов Пелопоннеса. Наконец, одержав победы в морских сражениях и подвергнув осаде город эгинян, афиняне установили свое господство в Сароническом заливе. Все это побудило пелопоннесцев предпринять поход в Мегариду. Казалось, что время для этого похода было наиболее удачным, так как значительная часть афинского войска находилась в Египте, другая часть его осаждала Эгину. Поэтому Спарта и ее союзники надеялись в лучшем случае изгнать афинян из Мегариды, в худшем — отвлечь войска от Эгины и тем снять осаду города. Афиняне осознавали опасность своей позиции и тем не менее не желали снимать осаду Эгины.

Как отмечает Фукидид (I.105.4), они провели тотальную мобилизацию. Это войско было отправлено в Мегариду под начальством стратега Миронида. С помощью двух сражений афиняне добились решительной победы над коринфянами и их пелопоннесскими союзниками (Thuc. 1.105.3—106; Diod. XI.79.3—4).

Источники свидетельствуют о том, что Спарта до 457/6 г. хотя и принимала участие в военных действиях, но далеко не активное. Инициатива в войне принадлежала ее главному союзнику Коринфу, положение которого оказалось особенно опасным. Часто считают, что главной причиной спартанской пассивности был ее традиционный консерватизм⁹. Не отрицая присущих Спарте консерватизма и медлительности в деле осуществления внешнеполитических мероприятий (ср. Thuc. 1.68.72), мы вместе с тем считаем, и данные источников (Thuc. 1.102.4; 103; Diod. XI.84.7—8; Paus. 1.15.1; 10.4) подтверждают это, что спартанская пассивность в рассматриваемый период скорее объяснялась занятостью лакедемонян борьбой с восставшими илотами и угрозой аргиев.

Анализируя данные источников о третьей Мессенской войне, мы пришли к выводу, что она закончилась незадолго до битвы у Танагры, которая произошла осенью 457 г. Причем важно подчеркнуть, что источники отразили следы поспешного стремления Спарты покончить с восстанием илотов даже ценой некоторой уступки восставшим. Согласно Фукидиду (I.103.2), лакедемоняне договорились с восставшими, что они покинут пределы Пелопоннеса (ср. Diod. XI.84.8). Зная традиционную жестокость обращения Спарты с рабами, трудно понять эти либеральные действия лакедемонян, если не учитывать сложившуюся для Спарты кризисную ситуацию в 460—459 гг.

Три наиболее важных союзника Спарты — Коринф, Эпидавр и Эгина находились в состоянии войны с Афинами и потерпели от них ряд поражений. Эгина была под угрозой захвата ее афинянами. Спарта потеряла такого важного союзника, как Мегары, и, если бы спартанцы не приняли решительных мер, это отрицательно сказалось бы на их гегемонии.

Покончив с восстанием илотов и развязав себе руки для решительной войны с Афинами, лакедемоняне около 458 г. собрали большое войско, включавшее 1500 своих гоплитов и 10 тыс. союзников, и выступили в центральную Грецию (см. Thuc. 1.107.2; Diod. XI.79.4—6; Plut. Cim. 17,4; Aristid. XIII.1,

⁹ *Holloday A. J. Sparta's Role in the First Peloponnesian War// JHS. 1977. Vol. 92. P. 54—63; idem. Sparta and the First Peloponnesian War// JHS. 1985. Vol. 105. P. 161—162.*

р. 255). Поводом для выступления послужила угроза завоевания Дориды Фокидой. Посланный контингент был гораздо больше, чем предполагалось для наказания фокийцев. Однако, как показывает анализ событий, и цели этого похода были более глубокими.

Во главе общепелопоннесского войска был поставлен регент малолетнего спартанского царя Плистоанакта, сына Павсания, Никомед, сын Клеомброта. То, что войско возглавил регент Никомед, а не зарекомендовавший уже себя Архидам, объяснялось сложностью внутривосточной ситуации в Пелопоннесе. Спарта в начале 50-х гг. оказалась ослабленной в результате землетрясения и восстания илотов и находилась под угрозой войны с Аргосом. Это требовало, чтобы Архидам, как наиболее опытный царь и уже воевавший с аргивянами, оставался дома. Поэтому главнокомандующим пелопоннесского войска, отправленного в центральную Грецию, эфоры поставили регента Никомеда.

Теперь обратимся к интерпретации свидетельств источников о походе пелопоннесцев в Дориду и последовавшем затем сражении с Афинами в Беотии. Анализ античной традиции позволяет прийти к следующему выводу. После Греко-персидских войн в Дельфийской амфикистии влиятельное положение заняли Фессалия и Фокида. Они опирались на поддержку Афин, которые еще при Фемистокле стремились помешать Спарте усилить свое влияние в Дельфах. Пользуясь тем, что Спарта в течение длительного времени была занята устройством своих дел в Пелопоннесе, и не рассчитывая, что лакедемоняне смогут в рассматриваемый период организовать широкомасштабную экспедицию в центральную Грецию, фокидяне установили свой контроль в Дельфах и вторглись в соседнюю Дориду. Таким образом, лакедемоняне, предпринимая экспедицию с целью защитить Дориду, стремились также освободить Дельфы (см. *Plut. Cim.* 17.4), укрепить свое господство в центральной Греции и не допустить проникновения сюда афинян. Возможно, в это же время спартанцы имели полезные для себя переговоры и с фессалийцами.

О вступлении пелопоннесцев в Беотию Фукидид говорит очень кратко, считая его вынужденным (1.107.2). Его внимание больше привлекали тайные переговоры с лакедемонянами некоторых афинян, рассчитывавших с помощью пелопоннесцев упразднить в Афинах демократический строй и прекратить строительство длинных стен (*Thuc.* 1.107.4.6, ср. *Plut. Cim.* 17). По-видимому, Фукидид не придавал значения действиям лакедемонян и их союзников в Беотии, учитывая последствия битвы при Энофитах (ср. *Thuc.* 1.108.3). Тем не менее эти действия важны для характеристики агрессивных устремлений Спарты. К счастью, о них мы узнаем из других источников, дополняющих краткое сообщение Фукидида. Со-

гласно их сведениям, между фиванцами и лакедемонянами еще перед битвой у Танагры был заключен союз, согласно которому пелопоннесцы укрепили Фивы и помогли им установить гегемонию над всей Беотией (см. Diod. XI.83.3; Aristid. XIII.1, p. 256, ср. Justin. III.6:10—11; Paus. 1.29.9). Таким образом, Спарта в центральной Греции в противовес Афинам стремилась создать сильный Беотийский союз и даже вступила в контакт с олигархическими заговорщиками в Афинах.

Афины, обеспокоенные таким поворотом событий, собрали многочисленное войско, включавшее 1000 аргивян, фессалийскую конницу и контингенты других союзников. Битва произошла в Беотии у Танагры осенью 457 г. (Thuc. 1.107.6—108; Diod. XI. 80.2—4, ср. Hdt. IX. 35.2; Plut. Cim. 17.4—8; Peric. 10.1—3; Aristid. XIII.1, p. 256; Justin. III.6.8—9; Paus. 1.29.9; III.11.8; Nep. Cim. 3.2). Победу одержали пелопоннесцы. Немаловажное значение имело то, что фессалийская конница во время сражения перешла на сторону лакедемонян. Возможно, сказались результаты их переговоров с фессалийцами. Однако, поскольку пелопоннесцы понесли большие потери, они не смогли развить достигнутый успех и вернулись на родину, опустошив Мегариду.

Тем не менее кампания у Танагры показала, что афинское господство в Мегариде, хотя и представляло для Спарты и ее союзников серьезную опасность, но она была вполне преодолимой. Более того, после битвы у Танагры для Афин сложилась довольно напряженная ситуация. Часть афинского войска по-прежнему находилась в Египте. Продолжалась осада Эгины. Афиняне в сражениях потеряли значительное число граждан (см. IG I² 929=Tod. 26.=SEG X.406), и им противостояли сильная Беотия, объединенная под главенством Фив, укрепленных с помощью лакедемонян, и враждебно настроенная к ним Фессалия (см. Diod. XI.80.3—5). Кроме того, в самих Афинах возникла опасность заговора против демократии. В этих обстоятельствах единственным выходом для Афин было перемирие со Спартой. На этот счет мы располагаем целым рядом источников, которые, по-видимому, опираются на какой-то современный этим событиям материал.

Согласно Феопомпу (FGrHist. II.115.88), Кимон был возвращен в Афины менее чем через 5 лет после своего изгнания, поскольку народ афинян нуждался в мире и надеялся, что Кимон, будучи спартанским проксеном, заключит его в кратчайший срок. Немалую ценность представляют два сообщения Плутарха (Cim. 17,8—18,1; Per. 10.4), в которых отмечается, что афиняне, побежденные в битве у Танагры и ожидая летом похода против них пелопоннесцев, вызвали из изгнания Кимона и тот возвратился в соответствии с постановлением народного собрания, принятым по инициативе Перикла. Тотчас же по возвращении Кимон прекратил войну и примирил государства

друг с другом. О четырехмесячном перемирии и обстоятельствах, при которых оно было заключено между Афинами и Спартой, говорит также Диодор (XI.80.3—6), правда, не связывая это перемирие с именем Кимона. Сведения Андокида (III.3) и Эскина (II.172) об этих событиях указывают на то, что традиция о перемирии не возникла только в поздней исторической литературе, но была известна уже в классическое время. Правда, указанные сообщения в известной степени путаные, поскольку Андокид и Эскин, так же как впоследствии и Плутарх, смешивали четырехмесячное перемирие с пятилетним миром, заключенным в 451 г. Эта путаница, возможно, объясняется прежде всего слишком коротким промежутком времени, а Кимон в обоих случаях выступал в качестве посредника между лакедемонянами и афинянами. Кроме того, после заключения пятилетнего мира между Спартой и Афинами четырехмесячное перемирие потеряло свою остроту и значение, и, может быть, именно поэтому о нем не упоминает Фукидид.

Спартиаты, понесшие значительные потери в сражениях, также были заинтересованы в прекращении войны. Кроме того, у них могли появиться иллюзии в связи с возвращением из изгнания Кимона. Однако условия для заключения длительного мира еще не созрели. Демос был опьянен успехами, и временная неудача не могла привести его в состояние полной растерянности. Воспользовавшись передышкой и оправившись после поражения, афиняне собрали зачисленное войско и под предводительством Миронида выступили в центральную Грецию. В результате битвы при Энофитах (город в южной Беотии), которая произошла через 62 дня после сражения у Танагры, они разбили беотийцев, овладели всей Беотией и Фокидой, срыли укрепления Танагры, взяли в качестве заложников 100 богатейших граждан из локров опунтских и только в Фессалии были остановлены стенами Фарсала (см. Thuc. I.108.1—3; Diod. XI. 81.4—83; Aristod. XII.2; Aristid. XIII.1, p. 257; Polyae. I.35.1—2).

Поход имел решающее значение для всей военной кампании этого периода. Афиняне распустили Беотийский союз, установив демократические режимы в городах Беотии и, возможно, даже в Фивах (см. Thuc., I.113.2; III.62.5; Aristot. Pol. V.2.6, p. 1302 в 29; Ps. Xenoph. Ath. Pol. III.10—11), возобновили союзные отношения с Фокидой (ср. Thuc. I, III, I; Diod. XI.83.3), заключили союз с Дельфийской амфикинией (см. IG I² 26=Tod. 39=Bengtson STV II, № 142), завладели Локридой Опунтской и получили в свое распоряжение удобную бухту на побережье Эвбейского залива (Thuc. I.108.3; Diod. XI.83.2—3; Polyae., I.35.2). В это же время после длительной осады капитулировала Эгина (Thuc. I.108.4) и по требованию афинян должна была срыть свои укрепления, выдать корабли и пла-

тить установленный форос в сумме 30 талантов (см. IG I² 18= =Bengtson STV II. № 141). Таким образом, в 457 г. Афины фактически организовали в центральной Греции то, что в современной литературе принято называть сухопутной империей. Правда, ни одно из подчиненных государств в центральной Греции, за исключением Эгины, не платило форос в казну Афинского морского союза. По-видимому, главной обязанностью этих афинских союзников было поставлять сухопутные войска.

Для закрепления достигнутых успехов в 456 г. афинский полководец Толмид совершил плавание вдоль Пелопоннеса (см. Thuc. I.108.5; Diod. XI.84; Polyae. III.3; Arschin. II,75; Plut. Per. 19.2; Pausan. I.27.5; Aristod. 15.1). Во время этого плавания афиняне предприняли нападение на Мефону, портовый город в юго-западной части Мессении, однако были отбиты пришедшими на помощь лакедемонянами. Очевидно, спартанские войска оставались еще в Мессении после недавнего подавления восстания илотов. Затем афиняне, войдя в Лаконский залив, сожгли корабельную верфь в районе города Гитий и опустошили его хору. После этого они подчинили Закинф и все города в Кефалении. Об этом походе говорит только Диодор (XI.84.6—7). Фукидид сообщает лишь о захвате афинянами коринфской колонии Халкиды, расположенной на южном побережье Этолии, и разгроме сикионян. Тем не менее нет оснований не принимать во внимание сообщение Диодора. В результате этой экспедиции союзником афинян стала и Ахайя (см. Thuc. I.III.3; 115.1; IV.21.3; Plut. Per. 19.3). Наконец, Толмид захватил также Навпакт и поселил в нем тех мессенцев, которым лакедемоняне разрешили удалиться из Пелопоннеса (см. Diod. XI.84.7, ср. Thuc. I.103.3). В результате этого похода весь Коринфский залив и прилегающие к нему территории оказались под властью Афин.

Итак, необходимо отметить, что Афины в рассматриваемый период добились важных внешнеполитических успехов, и 456 год явился апогеем афинского могущества во время Пентеконтаэтии. В это время отчетливо проявился империалистический курс афинской внешней политики. Ярким доказательством афинских притязаний на господство в Элладе были походы Миронида и Толмида.

Спарта также не скрывала своих агрессивных целей и стремилась сохранить и упрочить свое господство в центральной Греции. Однако в отличие от Афин ее политика характеризовалась большим консерватизмом. Кроме того, в рассматриваемый период Спарта столкнулась в самом Пелопоннесе с целым рядом трудностей, надолго отвлекших ее от решения задач общегреческой политики. Фактором, сдерживающим внешнеполитическую активность лакедемонян за пределами Пелопоннеса, была опасность возобновления войны с Аргосом.

2. Внешнеполитические неудачи Афин и реорганизация Афинского морского союза. Заключение пятилетнего мира со Спартой (455/4—451/0 гг.)

Одновременно с военными действиями в Пелопоннесе афиняне продолжали оказывать поддержку восставшим египтянам. Как уже отмечалось, в первое время они добились значительных успехов. Персы были очень обеспокоены и надеялись заручиться поддержкой лакедемонян. Артаксеркс отправил в Спарту Мегабаза с деньгами. После интриги Павсания в 70-е гг. V в. до н. э. это была первая попытка персидского царя договориться с лакедемонянами о совместной борьбе против афинян (Thuc. I.109.2—3; Diod. XI.74.5—6; Ktes. Aeg. 63). Посольство, по-видимому, прибыло в Спарту перед битвой у Танагры. Лакедемоняне деньги взяли, однако организовать вторжение в Аттику не смогли (ср. Demosth. Philip. IX.41; De fals. leg. XIX.272; Aeschin Ctes. III.258, Deinarch. Arist. 24—25; Plut. Them. 6.3). Возможно, эти деньги были ими использованы для организации экспедиции в центральную Грецию в 458 г.

После этого персы, оставив надежду на спартанскую помощь, своими собственными силами в 455/4 г. нанесли сокрушительное поражение восставшим египтянам и их союзникам. Большая часть афинян и представителей союзных полисов погибла, немногие переправились через Ливию в Кирену (Thuc. I.109—110; Diod. XI.77.1—3; Isocr. VII.1.86; Ktes. Arg. 63—67; Aelian. V. N. V.10). В это же время афиняне, еще не зная о случившейся трагедии, послали в Египет на помощь своим войнам 50 триер с гоплитами. Они бросили якорь у одного из устьев Нила, но, подвергшись нападению с суши и с моря, почти все были разгромлены.

Поражение в Египте имело глубокие последствия как для афино-спартанских отношений, так и для судьбы Афинского морского союза, тем не менее источники далеко не единодушны в его оценке. Согласно Фукидиду, оно было катастрофическим, поскольку погибли 250 триер и большая часть воинов (Thuc. I.110; Isocr. VIII.86). Поздние авторы (Ktes. frg. 63—65; Diod. XI.78.3—5; Just. III.6.6—7) в трактовке последствий афинского поражения в Египте отошли от классической традиции Фукидида. Вместе с тем, анализируя позднюю традицию, следует отметить, что она фактически отталкивалась от версии Фукидида (ср. Diod. XI.77.2), но находилась под влиянием проафинской тенденции и приукрашивала некоторые неприятные для Афин события. Правда, Исократ (VIII.86), известный своими панэллинскими и панафинейскими идеями, в трактовке египетского поражения Афин строго следует классической версии. Эта

версия помогает понять и объяснить весь дальнейший ход развития афино-спартанских отношений.

В это же время афинян постигли неудачи и в центральной Греции. В 455/4 г., вероятно, еще до того как стало известно о поражении в Египте, афиняне вместе с союзниками выступили против фессалийцев. Как уже отмечалось, во время сражения у Танагры фессалийская конница перешла на сторону лакедемонян, да и после этого сражения фессалийцы враждебно относились к афинянам (см. Diod. XI.80.3—6). Не добился успеха в Фессалии и Миронид, остановленный у стен Фарсала. Поэтому афиняне, воспользовавшись в качестве повода просьбой находившегося в изгнании Ореста, сына Фессалийского царя Эхекратиды, помочь ему вернуться на родину, вместе с беотийцами и фокидянами выступили против фессалийского города Фарсала, резиденции Эхекратидов. Однако взять город афинянам не удалось и они, ничего не сделав для Ореста, вместе с ним вернулись домой (Thuc. I.III.I). Не большего успеха добился и Перикл, совершивший в этом же году морскую экспедицию на 50 кораблях против Сикиона и Акарнании с целью окончательно утвердить господство в Коринфском заливе (Thuc. I.III.2—3; Diod. XI.85.88.1—2; Plut. Per. 19.2—3).

Итак, события 455/4—454/3 гг. ввергли Афины в полосу внешнеполитических неудач. Причину этого, вероятно, нужно видеть в том, что Афинам пришлось вести войну на два фронта: против пелопоннесцев и персов. Это было не под силу полисному государству, даже такому могущественному, как Афины, располагавшему многочисленными союзниками. В течение шести лет они должны были держать в Египте значительное войско и флот. До тех пор, пока Спарта была занята своими внутривосточными делами, а персы восстанавливали порядок и спокойствие, нарушенные заговором против Ксеркса, афиняне могли добиться больших успехов. Однако после 456/5 г. ситуация стала резко меняться. И Спарта, и Персия восстановили господствующее положение на подвластных им территориях, и даже возникла возможность заключения между ними союза. По крайней мере миссия Мегабаза в Спарту свидетельствовала о прекращении вражды между лакедемонянами и персами. Спартанцы могли теперь оказывать своим союзникам более эффективную помощь, что и обусловило отчасти неуспех экспедиции Перикла. Точно также и персы, наведя порядок в стране, сосредоточили все силы на подавлении восстания в Египте.

В сложившейся ситуации Афины оказались перед необходимостью заключить мир со Спартой, надеясь таким образом удержать свои позиции в центральной Греции, подготовиться к войне с Персией и укрепить единство Афинского морского союза. Это был, несомненно, отказ от внешнеполитического кур-

са, принятого в 460/59 г. Это было связано с именем Перикла, который становится признанным лидером в Афинах с середины 50-х годов¹⁰.

Возвращение из изгнания Кимона, заключение со Спартой четырехмесячного перемирия и, наконец, пятилетнего мира в 451 г. — все это составные части внешнеполитического курса Перикла. Из перечня выпадает лишь его морская экспедиция в Пелопоннес. Тем не менее она, по-видимому, независимо от египетской катастрофы и убедила Перикла в необходимости в данный период прекращения войны со Спартой. Перикл был политиком практического толка и принимал решения на основе анализа реальной ситуации. Благоразумие и предусмотрительность, чувство меры и умение вовремя остановиться, чтобы закрепить достигнутое, — качества, которыми наделяют Перикла Фукидид и Плутарх (Thuc. II.65.5—10, Plut. Per. 18).

Пятилетний мир со Спартой Афины заключили лишь через три года после возвращения Перикла из Акарнании (Thuc. I.112.1). В течение этого времени афиняне не предпринимали военных действий против пелопоннесцев, причиной этого, по-видимому, было не потрясение от египетской катастрофы, как обычно отмечают. Известно, что афиняне умели переносить несчастья (Thuc. I.70.3; II.61.4; 62.3; VIII.1.3—4; 4). Воздерживаясь от военных действий против Спарты и ее союзников, они демонстрировали искренность своего желания заключить с лакедемонянами мир. Кроме того, афиняне в это время были заняты реорганизацией и укреплением единства морского союза, положение в котором их особенно беспокоило в связи с возникшей угрозой со стороны Персии. Внешнеполитические неудачи и поражение в Египте отрицательно сказались на взаимоотношениях афинян с союзниками, многие из которых уже давно помышляли о выходе из союза. Поэтому Афины искали способы сплотить членов союза и укрепить в нем свое господство. С этой целью афиняне под руководством Перикла осуществили ряд внутрисоюзных мероприятий, историческое значение которых в том, что они подготовили превращение Афинского морского союза в Афинскую империю.

Во-первых, в 454 г. союзная казна была перенесена в Атику и хранилась теперь в храме Афины Паллады, ставшей вместо Аполлона Делосского покровительницей союза (см. *Did.* XII.38.2; 40.1 (= *Ephor.* FrGrHist. 70 frg. 196); 54.3; XIII.2.3; *Plut.* Per. 12.1, ср. *Arist.* 25.3; *Nep.* Arist. 3.1; *Aristodem.* 7; *Justin.* III.6.4). Согласно официальной версии (*Plut.* *Aristid.* 25.3; *Per.* 12.1), перенесение казны в Афины было обусловле-

¹⁰ Первое выступление Перикла в качестве стратега относится к 454/3 г., когда он возглавил морскую экспедицию против Сикиона и Акарнании (Thuc. I.112—3, ср.: *Fornara Ch.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404, Wiesbaden, 1971. P. 46).

но опасностью вторжения в Эгеиду персидского и финикийского флота. Однако это объяснение было скорее всего лишь удобным и достаточно убедительным оправданием с целью успокоить недовольство союзников. Поэтому замечание Диодора о том, что афиняне, опираясь на свое могущество, деньги, собранные на острове Делос, перенесли в Афины и отдали их на хранение Периклу, вполне заслуживает доверия и дает основание считать, что он был одним из инициаторов этой акции (Diod. XII.38.2).

Во-вторых, в это же время было принято решение, чтобы 1/60 часть установленного фороса (*αλαρχή*) каждый из союзников ежегодно отчислял в казну богини Афины (Tod. 30=ML. 39). Таким образом, культ афинской богини приобрел характер общесоюзного культа. Сложившиеся естественным образом по мере расширения Делосской симмахии пять податных округов: ионийский, геллеспонтский, фракийский, карийский и островной теперь получили официальное подтверждение. Несомненно, принятые афинянами меры были направлены на усиление их финансового контроля за союзниками. Было решено ежегодно вести списки уплачивающих *αλαρχή* и каждые четыре года проводить пересмотр обложения союзников налогом (Tod. 30; 38=ML. 39). Списки уплативших *αλαρχή* для первых 15 лет с 454/3 по 440/39 гг. — записывались ежегодно на большой мраморной стеле, выставленной на Акрополе, от которой сохранилось более 180 фрагментов. В последующее время списки каждый год вырезали на новой стеле.

В-третьих, Великие Панафинеи, отмечаемые раз в четыре года, с 454 г. становятся общесоюзным праздником. Каждый из членов союза обязан был к этому празднику посылать в Афины корову, полный комплект вооружения (IG I². 66=SEG. X.31=ATL. II D 7=ML. 40), что символизировало продовольственную и военную поддержку богине Афине Палладе, покровительнице всего союза, и свидетельствовало о преданности союзников Афинам. Союзники допускались к участию в торжественных процессиях как во время Великих Панафиней, так и в период празднования Великих Дионисий и Элевсинских мистерий (IG. I², 76). Эти религиозные обычаи афиняне рассматривали как средство укрепления связей с союзниками. После подавления персами восстания в Египте Афины были в этом особенно заинтересованы.

С самого начала образования Делосской симмахии афиняне рассматривали значительную часть союзников как своих колонистов (см. Hdt. IX.104; Thuc. I.95.1). Это подкреплялось древней традицией о заселении Ионии и большинства островов (Thuc. I.12.4). Сведения об уходящих в глубокую древность

связях между афинянами и ионийцами (кроме Фукидида, см. Solon. Frg. 4.2; Hdt. 1.146—147) можно считать вполне аутентичными, поскольку они подкреплялись свидетельствами местных эпических поэтов и новейшими археологическими данными¹¹. На этом основании афиняне с 454 г. стремились распространить принципы своих взаимоотношений с ионийскими городами на всех союзников.

На первый взгляд участие их в празднованиях, посвященных Афине, Дионису и Деметре, было скорее почетной обязанностью, чем обременительной обузой. В действительности мероприятия афинян имели далеко идущие последствия, поскольку они еще более способствовали укреплению афинского господства. Вместе с тем отказ афинян считать покровителем морского союза Аполлона Делосского и избрание для этих целей культа Афины Полиады имели двоякое значение. С одной стороны, использовалась религиозная пропаганда для утверждения авторитета Афин как метрополии¹². С другой, — это усиливало этнические и религиозные противоречия между дорийцами и ионийцами, поскольку, во-первых, культ Аполлона более всего почитался в Пелопоннесе, а Афины Палладу превозносили выше всех божеств в Аттике, где она под именем Афины Полиады являлась покровительницей города афинян и в храм ее вход дорийцам был запрещен (Hdt. V.172), во-вторых, афиняне не считались с авторитетом культа Аполлона в Дельфах и в вопросах выведения колоний.

В списках союзников, уплативших *αλαρχη*, в первый период обложения 454/3 — 450/49 гг.) не упомянуты Халкида, Эретрия, Стира (все расположены на Эвбее), Тенос, Парос и Наксос. Кеос, Серифос и Андрос появляются только в списках за 450 г. Хотя списки сохранились фрагментарно, тем не менее, с точки зрения статистики, крайне невероятно, чтобы государство, которое не оставило следов в фрагментах четырех списков, в каждом из которых осталась, по крайней мере, половина названных городов, регулярно уплачивало налог. Некоторые ис-

¹¹ Более подробно об этом см.: Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М., 1957. С. 64; Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияние. М., 1984. С. 13—16.

¹² Это нашло, например, отражение в трагедиях Софокла, который возвеличивал культ богини Афины и прославлял Афины, называя их в духе преобразований Перикла метрополией городов Эллады (Эдип в Колоне, 706). Проявляемое некоторыми союзниками недовольство такой политикой Софокл порицает с афинской великодержавной позиции, пользуясь образным языком:

Малый держится, если великий при нем,
А великий — коль малый с ним рядом стоит.
Но подобные мысли напрасно внушать
Тем, кто отроду скуден умом, — а между тем
Эти люди злословят про тебя.

(«Аякс». 160—164. Пер. С. Шервинского).

следователи считают, что эти островные полисы не платили форо́с, а поставляли корабли¹³.

Однако из сообщений Фукидида и Плутарха ясно следует, что в Делосской симмахии уже ко времени битвы у Эвримедонта было гораздо больше союзников, плативших форо́с, чем поставлявших корабли. Поэтому причин для недовольства у союзников было немало. Афиняне серьезно следили за исправным поступлением форо́са в казну. Это тяготило союзников. Первые их восстания и жестокая расправа с ними начались еще при Кимоне. Кроме того, выведение афинских клерухий в некоторые островные полисы (Наксос, Андрос и Эвбея), имевшее место в 450 г., указывает на то, что эти полисы находились во враждебных отношениях с Афинами.

Списки союзных городов, уплативших форо́с в первый период обложения, вместе с некоторыми другими эпиграфическими документами позволяют предполагать о неповиновении таких членов союза, как Милет и Эритры. Восстание этих полисов было, по-видимому, результатом поражения афинян в Египте.

Милет и Эритры находились на побережье М. Азии. Здесь, как и в других малоазийских центрах, сохранялось влиятельное положение проперсидских сил, которые особенно активизировались после катастрофического поражения в Египте и в связи с укреплением внутривосточного положения в Ахеменидской державе с приходом к власти Артаксеркса¹⁴. Среди союзников, уплативших форо́с в первый год первого периода обложения (454/3 г.), Милет не упоминается, речь идет только о милетянах с Лероса и из Тихиуссы (м. Tod. 30. Col. VI.19—22=ATL, Vol. 1, list 1 col. VI.19—22=ML, 39, col. 19—22). В списках 453/2 г. милетяне отсутствуют, а с 452/1 г. форо́с платила уже сама милетская община. Интерпретируя данные афинских налоговых списков с учетом исторических условий, сложившихся в это время в М. Азии, можно согласиться с мнением большинства исследователей, что вскоре после поражения афинян в Египте в Милете произошло восстание. Проперсидские элементы изгнали сторонников афинян, и в городе установилась связанная с персами тирания. Это подтверждается фрагментарной милетской надписью об изгнанниках (см. SIG³. 58=Tod. 35=

¹³ West A. B. The Tribute-Lists and the Non-Tributary Members of the Delian League//AHR. 1930. Vol. 35. P. 267—275; ATL. Vol. III. P. 267 ff.

¹⁴ Сторонники персов в греческих городах М. Азии могли надеяться на поддержку сатрапа в Сардах. О том, что положение здесь в это время было далеко не спокойным, свидетельствует фрагментарно сохранившийся афинский декрет о похвале Сигея за лояльное отношение к Афинам, точно датированный 451 г., благодаря сохранившемуся в тексте имени архонта Антидота (IG. I².32=SEG. X. 13, ср. Meiggs R. The Crisis Athenian Imperialism. P. 6; idem. The Athenian Empire. P. 117). В последних сохранившихся шести строках надписи говорится о том, что жители Сигея опасались нападения кого-либо с материка (сткк. 11—16). Это могли быть как персы, так и те города, где утвердилось проперсидское правление.

=ML. 43=DGE. 727), датируемой временем около 450 г. Изгнанники частично укрепились на соседнем острове Леросе и в Тихиуссе (область на территории Милета), частично под именем неополитов поселились на Белом мысе в маленьком городке Неаполь. Однако восстание вскоре было подавлено, и, как уже сказано, в налоговых списках 452/1 г. Милет снова фигурирует среди членов союза, уплачивавших форос и *αλαρχη* богине Афине.

Важное значение для характеристики внутривосточного положения в Милете в 50-е гг. V в. имеет запись священных законов, осуществленная при эсимнете коллегии мольпов Филте и датируемая современными исследователями на основе списка эсимнетов 450/49 г. (см. SIG³. 57=DGE. 726). Ее содержание позволяет сделать вывод о том, что после подавления милетского восстания и свержения тирании была восстановлена олигархия, с которой афиняне продолжали некоторое время сотрудничать. В условиях олигархического правления в Милете аристократическая коллегия мольпов стала играть важную роль в политике. Поэтому сама запись священных законов рассматривалась, согласно закону, как дело государственной важности, а руководители этой коллегии, эсимнет и просетеры выступали как официальные лица государства.

Вывод об установлении в Милете олигархического правления согласуется с кратким замечанием Пс. Ксенофонта (Ath. Pol. III.11) о том, что афиняне предпочли в Милете правление «лучших», которые, правда, спустя немного времени отпали от Афин и устроили резню демоса. Окончательно отношения между Афинами и Милетом после восстания были отрегулированы к 450/49 г. К этому времени форос, который милетяне должны были платить в афинскую казну, составлял 10 талантов.

Некоторое представление о характере этих отношений могут дать фрагменты афинского декрета, датируемого эпиграфистами 450/49 г. и содержащего правила управления для Милета (см. IG. I². 22=ATL. II D 11=SEG. X.14=Bengston. STV II. № 151). Из сохранившихся строк декрета видно, что афиняне не требовали введения в городе демократии и признали олигархическое правление после изгнания тиранов, но предусматривали отправление в Милет 5 афинских должностных лиц, которым вменялось в обязанность вместе с магистратами Милета управлять полисом (сткк. 4—7). Милет также оказался в юридической зависимости от Афин, так как все правовые вопросы должны были слушаться в афинских судах согласно афинскому постановлению (сткк. 26—28). Афиняне ввели в город свой гарнизон и потребовали от милетян не только платить налог, но и поставлять военную и морскую помощь (сткк. 10—20).

Как уже отмечалось, афинские налоговые списки позволя-

ют говорить и о восстании в Эритрах в 454/3 — 453/2 гг. В это время, по-видимому, власть в Эритрах захватили проперсидски настроенные тираны, а сторонники афинян, бежавшие или изгнанные, укрепились в Бутейе — одной из пяти зависимых от Эритр общин. Восстание, вероятно, было подавлено одновременно с Милетом. О характере отношений афинян с Эритрами после подавления восстания можно судить на основе афинского декрета о правилах управления для Эритр (IG I². 10, 11, 12, 13=ML 40=ATL II D. 10=Bengtson. STV II, № 134=Tod, 29=SEG X.11).

Основное содержание декрета отразилось в 7—31 сткк. текста. Афиняне предписывали эритрянам установить демократическое правление. Под непосредственным контролем афинских должностных лиц и начальника гарнизона необходимо было избрать демократический совет из 120 человек. Членом совета мог быть гражданин Эритр, достигший тридцатилетнего возраста. Избрание в совет осуществлялось с помощью жребия (сткк. 8—15). Члены совета давали клятву: «Я буду служить членом совета как можно лучше и справедливее в интересах народа Эритр и народа Афин и их союзников и я не предаю народ Афин и их союзников ни по собственной воле, ни по чьему-либо указанию, не дезертирую ни добровольно, ни по побуждению других. Ни своим решением, ни по указанию кого-либо я не верну никого их изгнанников, которые нашли убежище у персидского царя, без согласия на то совета и народа Афин и не изгоню кого-либо из оставшихся в Эритрах без согласия на то совета и народа Афин» (сткк. 21—29).

Историческую ценность представляет также раздел декрета, касающийся наказания за убийство и предательство (сткк. 29—39), текст гласит, что «...если какой-либо эритрянин убьет другого эритрянина, он должен быть приговорен к смерти; если же он будет осужден на изгнание, то он должен быть изгнан из всего союза и его имущество должно быть конфисковано в пользу государства эритрян; если же кто-либо будет изобличен в стремлении передать город Эритры тиранам, он и дети его должны быть приговорены к смерти; если же последние докажут свою лояльность к народу Эритр и Афин, то пусть им будет сохранена жизнь, из всего же имущества пусть дети возьмут половину, остальное пусть будет конфисковано в пользу государства». Последняя часть текста очень испорчена, но из сохранившегося начала фразы следует, что афиняне предписывали начальнику гарнизона охранять установленный порядок в Эритрах и следить вместе с епископами, чтобы неукоснительно соблюдались все решения.

Итак, данный декрет показывает, что в Эритрах, как и в Милете, после поражения афинян в Египте в 455/4 г. активизировались проперсидские группировки. Опираясь на персид-

скую помощь, им удалось изгнать сторонников афинян и захватить власть. Восстание в Эритрах, как и в Милете, было подавлено в результате энергичного вмешательства Афин. Отношение Афин к подчиненным городам было не одинаковым. Если в Милете они сохранили олигархическое правление, то в Эритрах была установлена демократия. Однако и в том, и в другом городе афиняне держали военные гарнизоны и выделили специальных должностных лиц, которые вместе с начальником гарнизона должны были следить за соблюдением всех требований, предписываемых декретом. Афиняне уже установили некоторые юридические нормы, общие для всего союза, например, приговоренным за убийство к изгнанию не разрешалось селиться ни в одном союзном городе: большинство судебных исков, возникших у союзников, должно было разбираться в Афинах. Необходимо отметить, что большая часть судебных тяжб милетян рассматривалась в Афинах, в то время как для Эритр сохранили относительно широкую юридическую самостоятельность (см. Hill. В. III=DGE. 701). По-видимому, это объяснялось тем, что в Милете афиняне оставили олигархическое правление, поэтому контроль за судопроизводством взяли в свои руки. Необходимо отметить, что в декрете об Эритрах еще сохранялась формула, характеризующая Афинский морской союз как объединение афинян и их союзников (сткк. 23:

Ἀθηναίων καὶ τῶν ἑταίρων, ср. сткк. 24; 31: τῶν Ἀθηναίων ἑταίρων).

Итак, в 454—450-е гг. в Афинском морском союзе возникло напряженное положение. Оно выражалось в том, что союзники, оказывая сопротивление Афинам, чаще всего отказывались платить форос, но, по-видимому, были и крайние формы неповиновения — их выход из лиги. Недовольство союзников было продолжением тех волнений, которые начались в Делосской лиге вскоре после битвы при Эвримедонте и были обусловлены ростом афинской гегемонии. Новая вспышка осложнения финансовых и политических отношений между Афинами и их союзниками возникла в обстановке внешнеполитических неудач афинян после 455 г. и поражения в Египте. Как показывают списки налогового обложения, это осложнение особенно ярко проявилось в М. Азии и на островах. Причину, вероятно, нужно видеть в том, что здесь тяжесть бремени афинского господства переплеталась с активизацией проперсидских элементов в городах. Перикл и его окружение стремились добиться разрешения трудностей, возникших в союзе, за счет его реорганизации и путем решительного пресечения возмущения союзников и подавления их восстаний. В этой связи рассмотренные выше мероприятия, касающиеся внутрисоюзных преобразований, и афинские декреты о Милете и Эритрах были важным этапом развития афинской империи.

Проанализированный нами эпиграфический материал вполне согласуется с данными Фукидида (см. I.1113—112) о том, что с 454/3 по 451/50 гг. афиняне не предпринимали никаких внешнеполитических акций и что договор о пятилетнем мире между пелопоннесцами и афинянами был заключен по прошествии трех лет (I.112.1), т. е. в 451/50 г.

О заинтересованности афинян в заключении мира со Спартой уже говорилось выше, но возникает вопрос, почему лакедемоняне согласились заключить пятилетний мир. По-видимому, главную причину следует искать в особенностях внешнеполитической ситуации. Во-первых, несмотря на внешнеполитические неудачи, афиняне продолжали сохранять сильные позиции в центральной Греции и спартанцы несомненно осознавали, сколь могущественной организацией стал Афинский морской союз. Во-вторых, лакедемоняне справедливо полагали, что заключение мира с Афинами должно изменить ситуацию в Пелопоннесе в их пользу. Дело в том, что в последнее время значительно усилилась позиция Аргоса. Аргивяне, находясь в союзных отношениях с Афинами, успешно отбили атаку лакедемонян, стремились возвратить Фиреатиду, отторгнутую у них Спартой еще в VI в., и, таким образом, являлись главным очагом, сдерживающим спартанскую внешнеполитическую активность. В-третьих, с возвращением из изгнания Кимона и укреплением его положения в Афинах спартанцы надеялись, опираясь на афинские консервативные круги, добиться равновесия сил в Греции.

Итак, по-видимому, в 451 г. между Афинами и Спартой был заключен пятилетний мир на принципах *status quo* (см. Thuc. I.112; Diod. XI.86.1; Theop. Frg. Hist. 115, frg. 88; Plut. Cim. 18.1; Per. 10.4; Aristoph. Ach. 187—190). Главными его условиями были отказ Спарты от поддержки Фив и расторжение афино-аргосского союза. После этого изолированный в Пелопоннесе Аргос вынужден был пойти на заключение тридцатилетнего мира со Спартой (см. Thuc. V. 14.4; 28.2, ср. Bengtson. STV. № 143).

3. Кризис в Афинской морской державе и заключение тридцатилетнего мира со Спартой (450—445 гг.)

Заключив пятилетний мир со Спартой, афиняне развязали себе руки для возобновления войны с Персией и дальнейшего укрепления Афинской морской державы. В 451/50 г. они предприняли морской поход против Кипра, являвшегося центром финикийского и персидского господства в восточной части Средиземного моря, под начальством стратега Кимона на 200 своих и союзнических кораблях (см. Thuc. I.112.2—4; Diod. XII.3—

43; Plut. Cim. 18.19.2; Pericl. 10.5.8; Them. 31.4; Nep. Cim. 3.4; Aristod. 13.1; Isocr. VIII.86; Aelian. VH. V.10; Paus. 1.28.13).

Данные источников позволяют заключить, что результаты этого похода оказались далеки от желаемых. Несмотря на победу, одержанную афинянами на суше и на море, они, вероятно, не смогли взять города Китий и Саламин, встретили враждебное отношение к себе местного населения, результатом чего был голод, охвативший войско, и, наконец, лишились выдающегося военачальника и политического деятеля Кимона. Контроль над Кипром по-прежнему оставался в руках персов. Это важно иметь в виду, рассматривая проблему Каллиева мира¹⁵.

Самая ранняя информация о Каллиевом мире отражена в речах ораторов IV в. до н. э. При этом Исократ (IV.117, 118, 120; VII.80; XII.59), Ликург (in Leocr. 73) и Демосфен (XV.29; XIX.273—274) говорят о Каллиевом мире как об общеизвестном событии. Трудно себе представить, чтобы ораторы, выступавшие перед широкой аудиторией, выдавали за общеизвестное событие договор о мире между эллинами и варварами, которого в действительности никогда не существовало. Важно в этой связи обратить внимание на свидетельство Демосфена, приводившего в своей речи даже такой факт, как обвинение Каллия в подкупе его персами и наказание его штрафом в 50 талантов (XIX.273).

Вместе с тем, признавая аутентичность традиции о Каллиевом мире, мы должны ответить на несколько вопросов. Во-первых, почему у историков классического времени отсутствуют прямые указания на этот мир? Во-вторых, чем объяснить имеющиеся расхождения между отдельными авторами в характеристике условий мира? В-третьих, почему эти расхождения касаются прежде всего определения сухопутных границ эллинских и персидских владений? Так, например, согласно Исократу, границей, разделяющей персидские и эллинские владения на материке, была определена река Галис (см. Isocr. VII.80; XII.59). Персы не имели права посылать войска к западу от этой реки, и греки обещали не вторгаться в персидские владения. Однако это несовместимо с другими сведениями, согласно которым граница персидских владений устанавливалась на расстоянии трехдневного перехода от моря в глубь материка пешком или однодневного перехода верхом на лошади (см. Demosth. XIX.273; Plut. Cim. 13.4; Aristid. XIII.153; 169; Aristod. 13.2; Diod. XII.4.5). Исократ — единственный, кто проводит границу, разделяющую эллинские и персидские владения, по

¹⁵ Более подробно об этом мире см.: Дандамаев М. А. Политическая история Ахменидской державы. М., 1985. С. 188 сл., а также нашу статью: Строецкий В. М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза//ВДИ. 1991. № 2.

реке Галис. Однако это явное преувеличение. По-видимому, Исократ не располагал точными сведениями об установленных Каллиевым миром сухопутных границах, отделяющих эллинские владения от персидских. Противопоставляя этот мир Анталкидовому, он стремился выдать желаемое за действительное. Река Галис с древних времен считалась границей, отделяющей Запад от Востока (ср. Hdt. 1.72; 103; 130).

Внимательное изучение традиции о Каллиевом мире позволяет предположить, что во время переговоров между афинянами и персами не были установлены конкретные сухопутные границы, разделяющие владения эллинов и варваров. Это вполне очевидно. Во-первых, рассмотренные нами выше афинские налоговые списки первого периода обложения и другие эпиграфические документы показывают, сколь велика была активность персов на малоазийском побережье и близлежащих островах. Несомненно, когда афиняне были заняты военными действиями в центральной Греции и Египте (459—454 гг.), персы укрепили свои позиции в М. Азии. Во-вторых, из сообщений наших источников о победе эллинов в Кипрской экспедиции Кимона видно, что наибольшее значение они придавали морской победе, в результате которой персидский флот, состоящий из финикийских, кипрских и киликийских кораблей, потерпел действительно сокрушительное поражение. Именно эти корабли составляли основу морского могущества персов. Поэтому неслучайно, что все источники единодушны в определении морских границ, отделяющих эллинские владения от персидских. Персидским кораблям запрещалось на юге, т. е. в Ликийском море, заходить дальше района Фаселиды и Хелидонских островов, а на севере, т. е. в Понте, плавать дальше Кианейских скал, расположенных у входа в Боспор. Персы приняли это условие и, как показывает анализ последующих исторических событий, его не нарушали.

Совсем другое значение имела победа эллинов на суше. Подробности этой победы нам неизвестны, но можно с уверенностью сказать, что она не могла сокрушить или значительно поколебать персидское господство на материке, тем более что после этой битвы Кипр по-прежнему остался под властью персов. Поэтому при заключении мира вопрос об определении сухопутных границ между эллинскими и персидскими владениями, вероятно, остался открытым.

Не менее интересным в этой связи является также и сообщение Геродота об обмере земли ионийских городов, осуществленном персидским сатрапом Артаферном (в 492 г.), и о назначении им каждому городу подати, которую они всегда неизменно уплачивали с того времени вплоть до середины V в. до н. э. в таком размере, как установил Артаферн (Hdt. V.42). Главная же мысль, вытекающая из сообщения Геродота, заключает-

ся в том, что персы не отказались от своих претензий на господство в М. Азии, по крайней мере вплоть до времени Геродота, т. е. до 425—415 гг., когда писались эти строки, и, по-видимому, продолжали взysкивать налог с некоторых ионийских городов. С этим отчасти согласуется краткое и, правда, не совсем определенное замечание Исократ (IV.120) о том, что эллины устанавливали некоторые ставки царского фороса (...καὶ τῶν φόρων ἐνίοις τίστοντες). По-видимому, предметом обсуждения между эллинами и персами при выработке условий мира был также вопрос о нормах взимания налога в царскую казну с городов М. Азии, подвластных персам.

Поэтому заключенный афинянами договор с персами был, вероятно, далеко не таким успешным для эллинов, особенно в плане определения сухопутных границ их владений в М. Азии и освобождения городов от персидского господства, чем это представляла традиция IV в. Каллиев мир был скорее всего соглашением между Афинами и Персией о разделе сфер влияния в М. Азии и Эгеиде. В его заключении были заинтересованы как афиняне, так и персы, ибо события показали, что ни та, ни другая сторона не способна была достигнуть абсолютного господства в этом регионе. Вместе с тем в процессе переговоров, возможно, персам удалось добиться для себя от афинского посольства каких-то преимуществ, за что Каллий, руководитель посольства, получив от персидского царя взятку, был наказан в Афинах штрафом в 50 талантов (Demosth. XIX.273). Этим можно объяснить молчание Геродота и Фукидида о Каллиевом мире, а также то, что традиция IV в., хотя характеризует этот договор с панэллинских позиций, тем не менее не единодушна в точном определении сухопутных границ эллинских владений в М. Азии.

Что же касается признания персами автономии городов М. Азии, о чем сообщает Диодор, то, возможно, эта идея принадлежит традиции IV в. и обусловлена влиянием панэллинизма.

Заключение мира с персами прибавило еще больше забот афинянам. Прежде всего перед ними стояла проблема сохранить и укрепить Афинский морской союз в условиях мирных отношений с персами. Существовали сложные отношения между Спартой и Афинами. Афинское влияние на материке распространялось от Мегариды до границ Фессалии. Завершался срок действия пятилетнего мира. Афины, заключив мир с персами, вновь нацеливались острием своей внешней политики на центральную Грецию. Спарта, осознавая это, стремилась сохранить баланс сил в Балканской Греции и не допустить установления абсолютного господства Афин.

Ситуация для афинян осложнилась тем, что в самом союзе

отношения между ними и союзниками складывались далеко не благополучно. Для реконструкции событий 450/49 — 446/5 г. необходимо исследовать в комплексе данные литературных и эпиграфических источников. Весной 449 г., как сообщает Плутарх (Per. 17), Перикл провел через народное собрание постановление, призывающее всех греков, в каком бы месте Европы или Азии они не жили, будь-то большое государство или малое, послать депутатов на конгресс в Афины. На этом конгрессе предполагалось решить следующие вопросы: во-первых, договориться о восстановлении греческих святынь, сожженных варварами, и о жертвах, которые греки должны принести богам в силу обетов, данных во время борьбы с варварами; во-вторых, принять соглашение о свободе мореплавания; в-третьих, обеспечить мир и сотрудничество в Элладе. Для этого в различные районы материковой и островной Греции были отправлены 20 послов: по пять человек в Азию и Эгейские острова, во Фракию и Геллеспонт, в Беотию, Фокиду, Пелопоннес, Акарнанию и Амбракию, наконец, на Эвбею и Фессалию. Эти посольства должны были убедить эллинов, живущих в этих и соседних с ними землях, принять участие в конгрессе.

Интерпретируя этот декрет Перикла, важно отметить, что послы были отправлены и в те области Эллады, которые уже были в сфере влияния Афин, и в те, где афиняне еще собирались укрепиться. Сам Плутарх вполне осознавал, что план Перикла подразумевал осуществление имперских целей (Plut. Per. 17.1). По-видимому, к этому же времени относится и дебатировавшееся утверждение, выдвинутое Периклом, в истинность которого верил Геродот, о том, что эллины одержали победу над варварами благодаря доблести афинян и афинскому флоту (Hdt. VII. 139).

Завершение войны с персами бесспорно требовало осуществления ряда общегреческих мероприятий, однако они были уже невыполнимы, потому что, во-первых, между ведущими греческими полисами, инициаторами создания Эллинского союза против персов в 481 г., возникли противоречия социального и политического характера, пустившие глубокие корни. Во-вторых, многие эллинские полисы, в частности пелопоннесцы во главе со Спартой, понимали, что Перикл заботился не столько об общеэллинских интересах, сколько о достижении мирным путем афинского господства в Греции, поэтому воспротивились осуществлению этих планов (ср. Plut. Per. 17).

С рассмотренным выше декретом Перикла тесно связаны также действия Афин и Спарты в так называемой священной войне (см. Thuc. I.112.5. Plut. Per. 21.2—3; Aristod. 14.1; Schol. Aristod. Acharn. 556). Со времени битвы при Энофитах афиняне имели союзные отношения с фокидянами, которым помогали удерживать контроль над Дельфами. Осуществляя контроль

в Дельфах, афиняне могли сохранять господство и в центральной Греции. Лакедемоняне, понимая это, предприняли в 449/8 г. поход в Фокиду. Нанеся поражение фокидянам и овладев Дельфийским святилищем, они передали его дельфийцам, за что получили от жрецов право обращаться к оракулу вне очереди. Однако, как только лакедемоняне удалились, афиняне также выступили в поход, одержали победу и передали контроль над святилищем снова фокидянам. Такой характер событий излагают Фукидид, Плутарх и Аристотель и, по-видимому, эту традицию нужно считать основополагающей.

Согласно другой версии, высказанной Феопомпом и Филохором (Theop. FGrHist. 115 F. 156; Philoch. FGrHist. 328 F. 34), афиняне выступили против беотийцев, которые хотели отобрать контроль над Дельфами у фокидян. Обычно эту версию совершенно отвергают на том основании, что беотийцы были в союзе с афинянами вплоть до 446 г. Однако, учитывая ситуацию, сложившуюся в Беотии в 446 г., можно подумать, что выступление афинян в Дельфы в ответ на разгром лакедемонянами фокидян, имевшее место незадолго перед этим годом, могло быть направлено отчасти и против тех беотийцев, которые стремились свергнуть установленную с помощью Афин демократию. Борьба между афинянами и лакедемонянами за контроль в Дельфах свидетельствовала о том, что ни та, ни другая сторона не желала уступить (см. Plut. Per. 21). Такую политику можно было бы охарактеризовать как балансирование на грани войны.

Восстановление афинского влияния в Дельфах лишь частично восполнило неудачу, постигшую Перикла, планировавшего утвердить афинское господство в Греции мирным путем. Поэтому дальнейшая его деятельность была направлена на преодоление трудностей в Афинском морском союзе и обеспечение регулярного сбора фороса, без чего было бы немисливо надеяться на успех в борьбе со Спартой за гегемонию в Элладе. Важным источником для исследования этой проблемы служат эпиграфические данные и, прежде всего, афинские списки второго периода налогового обложения 450/49 — 447/6 гг. (см. Tod. 38=ML. 50=Hill. Table. 3). Они вместе с другими эпиграфическими документами и данными литературной традиции

позволяют говорить о кризисе в афинской *αρχή* в 449—447 гг. Для этого времени было характерным распространившееся неповиновение союзников Афинам. Это подтверждается отсутствием в налоговых списках рассматриваемого периода целого ряда городов, членов союза, плативших форос в предшествующие годы; сообщением о так называемой юго-восточной группе городов (Милет, Патмос, Миунт, Эфес, Иасос, Киндия, Приена, Маднаса, Пелея, Миласы, Карианда), платив-

ших налог с опозданием на год (см. ATL. Vol. III. P. 30—6); указанием на то, что некоторые города вносили только частичную сумму налога (Эритры, Кос, Лампсак, Тенедос, Византий, Фасос). Около 11 городов, встречающихся в 5 списке (450/49 г.), отсутствуют в 6 и 7 списках (449/8 и 448/7 гг.) (Алопеконнес, Проконнес, Перинт, Астак, Даскилей, Неандрия, Эгина, Эрип, Пассанда). Олинф, Аканф, Потидея, Аргил отсутствуют во всех фрагментах списков этого периода обложения.

Причины неповиновения союзников в рассматриваемое время оставались те же, что и в предшествующий период, и были обусловлены двумя взаимосвязанными тенденциями, а именно: развитием афинской морской державы и превращением союз-

ников из *αυτονομοί ξυμμαχοί* в *υπηκοοί*. Это был процесс длительного развития Афинского морского союза, начавшийся, как мы уже отмечали, в 60—50 гг. Важной вехой в процессе внутреннего преобразования Афинского морского союза был уже упоминавшийся Каллиев мир. Он послужил поводом для афинян подумать о новых формах сохранения и укрепления своего господства в союзе и обеспечения регулярного сбора налогов с союзников, а для союзных городов считать, что с заключением Каллиева мира они смогут освободиться от ставшего тяжелым и ненавистным бременем афинского господства.

Рассмотрим теперь некоторые документы и данные литературной традиции, свидетельствующие о недовольстве союзников и мерах афинян, направленных на подчинение их, укрепление своей гегемонии и дальнейшее изменение структуры союза. Одним из интересных, хотя и не бесспорных материалов этого рода, является папирус, хранящийся в Страсбурге. Он содержит комментарий или его эпитому к XXII речи Демосфена, в которой говорилось о строительстве Парфенона и Пропилей¹⁶. Декретом предусматривалось использовать деньги, собранные с союзников в сумме 5 тыс. талантов, на осуществление строительной программы, кроме того, еще 3 тыс. талантов доставить на Акрополь в процессе строительства. Для обеспечения афинского господства на море совету вменялось в обязанность следить за сохранностью старых кораблей и ежегодно строить 10 новых кораблей (ср. предложение Фемистокла, Diod. XI.43.3) дополнительно к имеющимся. Учитывая, что строительство Пар-

¹⁶ Demosth. XXII, 13; Schol. XXII.13—14 (Anonymus Argentinensis) Ed. Meritt B. D.; Wade-Gery H. T.; McGregor M. E. ATL. Vol. 1, D 9; Vol. 11, D. 13; Толстой И. И. Anonymus Argentinensis. Записки классического отделения императорского русского археологического общества. СПб., 1908. Т. V. С. 252—268. Восстановленный текст декрета см. в статье Г. Уэйд-Жери и Б. Меррит: Wade-Gery H. T., Meritt B. D. Athenian Resources in 449 and 431// Hesperia. 1951. Vol. 26. P. 163—197. (Текст декрета см. на с. 164 указанной статьи).

фенона началось в 447/6 г., декрет Перикла должен быть датирован не позже этого года. Большинство ученых предлагает в качестве даты 449 г., что не противоречит и античной традиции (ср. Plut. Per. 12).

Строительная программа Перикла имела социально-политическое и идеологическое обоснование. По плану Перикла Афины должны были стать религиозным и культурным центром не только афинской морской державы, но и всей Эллады (Thuc. II.41.1). Для поддержания безопасности своих союзников Афины требовали от них регулярной уплаты в казну богини Афины фороса. При этом они считали, что, защищая их, не обязаны давать союзным полисам отчет о расходовании денег. Тратить же их государство должно на военные нужды, на строительство, которое «в будущем принесет славу и величие городу, а пока осуществляется, дает средства к существованию гражданам» (Plut. Per. 12). В этих мыслях и отражена вся сущность афинского империализма.

Немаловажное значение для исследования взаимоотношений между Афинами и их союзниками в рассматриваемое время имеют также следующие эпиграфические документы. В 449 г. афинянин Клеарх выдвинул декрет, запрещающий чеканку монет в союзнических государствах и навязывающий им афинские меры весов, длины и монетную систему (IG. I² 295 = Tod. 67 = ATL.I.69; II D14 = SEG X. 25 = ML. 45).

Декрет предписывал прекратить чеканку местной монеты и закрыть монетные дворы. Все местные монеты должны были быть доставлены в Афины и перечеканены в аттическую монету (5). Предусматривалось отправить в города вестников, которые должны были объяснить содержание принятого решения. Один из вестников должен был посетить Острова, другой — Ионию, третий — Геллеспонт, четвертый — Фракию. Каждый из вестников отправлялся в сопровождении стратега (9). Копия декрета должна быть написана на стеле и выставлена на агоре каждого города и перед монетным двором, причем, если сами города это не желали делать, то это обязаны сделать афиняне (10). Контроль за соблюдением этого декрета должны осуществлять находящиеся в городах афинские архонты, там, где их нет, это должны делать архонты в этих городах (1; 4). Сколь большое значение афиняне придавали этому декрету, свидетельствуют жестокие меры наказания против тех, кто его нарушал (8). Кроме того, каждый член совета должен был давать клятву в том, что он будет наказывать всякого, кто станет чеканить серебряную монету и не пожелает пользоваться афинской монетой и системой мер и весов (12).

Содержание этого декрета подчеркивает его властный имперский тон. В условиях кризиса, охватившего Афинскую морскую державу, когда значительное число полисов не только

отказывалось платить налог, но и поднимало восстания, едва ли было возможно либеральное отношение афинян к союзникам. Афинский флот должен был постоянно крейсировать в тех районах, где было особенно беспокойно, и либо собирать недомку, либо возвращать в союз отпавших (ср. Thuc. I.98.4—99). Списки налогового обложения этого периода показывают, что районами действия афинского флота в это время были Фракия, Геллеспонт, Кария (см. Tod. 44=ML. 49 ср. ATL. V.III. P. 36 ff.).

Поэтому ситуация в союзе требовала от Перикла решительных и действенных мер, способствовавших укреплению финансового контроля над союзниками и регулярному поступлению флороса в казну, особенно в тот период, когда Перикл начал осуществлять свою строительную программу. Достижение этих целей и предусматривал денежный декрет Клеарха. Две статьи его нуждаются в специальном комментарии. Одна из них предусматривала отправку вестников в Ионию, Геллеспонт, Фракию и острова с целью разъяснения содержания декрета. Вестники отправлялись в районы наиболее беспокойные в это время и жизненно необходимые для Афин.

Сторонники поздней датировки декрета обратили внимание на отсутствие в этом перечне Карийского района и, отмечая, что Карийский податной округ исчезает после 438/7 г., считают, что декрет мог появиться только после этого времени. Однако в тексте речь идет не о податных округах, а о наиболее важных для афинян географических областях расположения союзников. Кария была удалена от зоны непосредственных жизненных интересов афинян и, кроме того, обстоятельства недавнего заключения мира убеждали Перикла не оказывать слишком большого давления на карийские города. С этим, вероятно, связано и то, что далеко не все полисы перешли на афинскую монету. По крайней мере, 30 союзных городов продолжали чеканить собственное серебро. Афинская морская держава не была единым централизованным государством, и города, входившие в нее, оставались полисами. Поэтому, несмотря на то, что большинство их оказывалось в политическом, экономическом и юридическом подчинении у Афин, афиняне не могли преодолеть принципы автаркии и партикуляризма. Вследствие этого монетный декрет невозможно было распространить на все города союза, а там, где они были заинтересованы это сделать, им пришлось применять жестокие меры насилия.

Важное значение для характеристики превращения Афинского морского союза в Афинскую империю имеет также указание на отправку афинских архонтов в союзные города, для того чтобы они следили за выполнением всех требований постановления и осуществляли от имени Афин контроль за союзными полисами. О том, что практика отправления афинских

должностных лиц в города державы уже была вполне сложившейся в середине V в., свидетельствуют не только надписи, в которых говорится об афинских *ἀρχοντες* и *ἐπισκόποι* в союзных городах, но и вполне определенное указание Фукидида на то, что во время восстания на Самосе в 440 г. аристократы выдали Писсутну, персидскому сатрапу в Сардах, афинский гарнизон и находившихся у них должностных лиц (I.115).

Не менее важным для достижения отмеченных выше целей был также датируемый 447/6 г. декрет Клиния, касавшийся улучшения сбора налога (IG. I² 66=SEG X. 31=ATL II D7=ML 46).

Он предусматривал меры, способствовавшие регулярному поступлению фороса в Афины без каких-либо нарушений. Было немало случаев хищения денег при транспортировке их в Афины (сткк. 12—14). Поэтому требовалось, чтобы каждый союзный город посылал в афинский совет таблички, скрепленные печатью, с указанием суммы собранного налога (сткк. 14—18). Совет, архонты в городах и епископы должны были заботиться о регулярном поступлении ежегодного фороса в Афины (сткк. 5—11). Декрет предписывал принимать меры наказания к тем, кто нарушал правила сбора и доставки налога в Афины. «Если кто-либо из афинян или союзников совершит преступление, касающееся налога, который города должны посылать в Афины, записав его сумму на табличке для курьеров, пусть всякий желающий из числа афинян или союзников подаст на него жалобу пританам. Пусть пританы внесут на рассмотрение совета жалобу, поданную кем-либо, в противном случае каждый из них должен заплатить штраф в 10 тыс. драхм. Если же совет признает справедливое обвинение, он не должен выносить меру наказания, но обязан немедленно передать дело в гелиэю. Когда же суд решит, что преступление совершено, пританы пусть скажут, что следует осужденному претерпеть или какой уплатить штраф» (сткк. 31—41). Здесь же (сткк. 41—44) говорится о том, что «против лиц, совершивших преступление в отношении отправления коровы и паноплии, должны приниматься точно такие же меры». Этот декрет стоит в одном ряду с рассмотренными нами выше и так же, как и декрет Клеарха, является важным документом, свидетельствующим о процессе трансформации Афинского морского союза в афинскую империю.

Как уже отмечалось, кризис Афинской морской державы характеризовался как нежеланием союзников платить налог, так и восстаниями и выходом из союза. Примерами подобного рода в это время были Колофон и, возможно, Милет. Налоговые списки первого периода обложения свидетельствуют, что Колофон с 453 г. по 450 г. регулярно и исправно платил 3 та-

ланта. Однако ни в одном из трех сохранившихся списков второго периода обложения (449—446 гг.) он не встречается. С 445 г. он вновь появляется в налоговых списках, но налог его уменьшен в 1,5 раза и с этого времени он платил его регулярно (см. ATL. Vol. III, p. 282).

Отсутствие Колофона в налоговых списках, по-видимому, объясняется его восстанием. Афиняне подавили это восстание и, вероятно, в 447/6 г. был принят афинский декрет о Колофоне (IG. I² 14/15=SEG. V. 17=ATL. II D 15=ML 47). От этого декрета остались всего 4 фрагмента. Из них первые два имеют плохую сохранность. Полностью сохранился текст, касающийся постановления о клятвах. Декрет предусматривал, чтобы «содержание постановления и клятвы были написаны на каменной стеле и выставлены в городе колофонян. Ойкисты же в Колофоне пусть это постановление и клятву напишут на каменной стеле и выставят на агоре и пусть колофоняне поклянутся следующим образом: я буду поступать, говорить и советовать все, что могу наилучше в отношении афинского народа и его союзников. И я не изменю афинскому народу ни словом, ни делом, ни сам, ни будучи убежден другими, и я буду блажелателен к афинскому народу и не дезертирую. И я не разрушу демократию в Колофоне ни сам, ни побуждаемый другими, ни склонив к измене другой город, ни устраивая волнения здесь; в соответствии с истинной клятвой я буду твердо соблюдать это без обмана и вреда, клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой, и если я нарушу эту клятву, пусть погибну навсегда и сам, и мои родственники, если же я буду твердо соблюдать клятву, пусть меня ожидают многие и прекрасные блага» (сткк. 37—55). Упоминание ойкистов, как и то, что после подавления восстания был уменьшен Колофону налог, свидетельствуют в пользу выведения на территорию Колофона колонистов либо из числа афинян, либо союзников. Это вполне согласуется с политикой выведения колоний и клерухий на территорию союзных городов, которую начали широко практиковать афиняне в 50—40 гг. V в. до н. э.

Неизвестно, какая форма правления была в Колофоне до начала восстания, но после его подавления афиняне установили демократию. Возможно, фраза *Οι δ' αρεθεντες λευτε...* в плохо сохранившейся части декрета предполагает избрание 5 афинских должностных лиц с целью отправления их в Колофон, как это делалось и в других случаях. Эта клятва во многом сходна с клятвой, даваемой гражданами Эритр.

В 40-е годы V в. случилось также новое восстание и в Милете, где «лучшие» устроили избиение демоса (Ps. Xen. Ath. Pol. 3.11). Состояние наших источников таково, что мы едва ли можем с абсолютной точностью датировать это второе восста-

ние. Важно, что в соответствии с анализом афинских налоговых списков второго периода обложения можно с уверенностью говорить о времени восстания в промежутке между 450 и 446 гг. После подавления восстания в Милете была установлена демократия (ср. Thuc. I.115.3), возможно, как в Эритрах, по афинскому образцу.

Рассматриваемый период характеризуется также резким усилением афинской колонизационной деятельности. Основными причинами ее были социальные и политические. Нежелание некоторыми исследователями учитывать социальный фактор при объяснении афинской колонизации в середине V в., а именно рост в Афинах городских низов, не имевших средств к существованию, обусловлено, главным образом, их гиперкритическим отношением к данным Аристотеля и Плутарха, содержащим соответствующий материал. Колонизация, как и строительная деятельность Перикла, имела социальное и политическое обоснование. В 445/4 г. была проведена проверка гражданских списков (Plut. Per. 37.3—4), в результате чего значительное число жителей было лишено гражданских прав. Возникшая в связи с этим социальная напряженность была ослаблена расширением строительных работ и усилением колонизационной деятельности.

Источником по истории афинской колонизации этого периода является прежде всего литературная традиция (Thuc. I.98.2; III.50.2; Diod. XI.88.3; Plut. Pericl. 11.5; Thuc. I.11.5; ср. 19.1; Paus. I.27.5). Поэтому важно правильно интерпретировать терминологию, используемую античными авторами для характеристики статуса афинских колонистов¹⁷. Рассмотрение материала источников показывает, что в широком смысле, как правило,

античные авторы использовали термин *αλοιοι*. Под этим общим понятием могли скрываться как колонисты, так и клерухи. Если же они используют специфические термины *κλῆρουχοι*

или *ελοιοι*, нередко восходящие к более ранней устойчивой аттидографической традиции, то к ним следует относиться с большим доверием, чем это делают современные исследователи.

В середине V в. до н. э. практика выведения афинянами клерухий имела гораздо больше оснований, чем в предыдущий период. В условиях кризиса, охватившего афинскую державу, Афинам приходилось часто либо предотвращать, либо подавлять восстания в союзных полисах. В покоренных городах

¹⁷ К дискуссии об этом см.: *Gschütz F. Abhängige Orte im Griechischen Altertum. München, 1958. S. 99 ff.*; *Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. 2 ed. 1971. P. 166 f.*; *Парщиков А. Е. О статусе Афинских колоний в V в. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 3 и сл.*; *Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 144 и сл.*

они обычно устанавливали военные гарнизоны. Но поскольку таких городов становилось много, содержание в них афинских гарнизонов стоило очень дорого. Поэтому выведение клерухий, используемых для тех же целей, было более выгодным для афинян, ибо, кроме всего прочего, оно отчасти разряжало напряженную социальную обстановку в самих Афинах. На это указывает Плутарх, подчеркивая, что Перикл, освобождая Афины от беспокойной части населения, склонной к волнениям и беспорядкам, и поселяя ее на территории союзных полисов в качестве гарнизона, умирал их, предотвращал опасность восстания. Мысль Плутарха о социальном и политическом значении клерухий, как важном средстве имперской политики Афин, вполне верно отражает характер взаимоотношения афинян с союзниками в период правления Перикла и может служить хорошим дополнением к краткому сообщению Фукидида о становлении афинской империи.

По-видимому, около 450 г. клерухии были посланы на Наксос, Андрос и Лемнос. Районы Геллеспонта и Фракии особенно беспокоили афинян и туда, вероятно, около 448/7 г. Перикл совершил экспедицию, результатом которой было выведение клерухий на Херсонес. Около этого же времени афинская клерухия была выведена на Имброс и Эвбею.

Итак, рассмотренные нами материалы позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что после перенесения союзной казны в Афины и заключения Каллиева мира союз автономных эллинских полисов под гегемонией Афин трансформировался в афинскую империю. Как мы пытались показать, широко практикуемые афинянами меры политического, финансово-экономического, правового и религиозно-идеологического воздействия на союзников имели целью преодолеть сепаратизм и добиться укрепления централизации в Афинской архэ. Важно отметить, что списки налогового обложения 447/6 и последующих лет свидетельствуют об эффективности принятых афинянами мер. По крайней мере, афиняне сумели обеспечить на будущее регулярное поступление фороса в казну. Однако создать стабильную политическую ситуацию в афинской империи было невозможно. Она не могла стать централизованным государством, этому препятствовали принципы полисной автаркии и партикуляризма, являвшиеся едва ли не главной причиной частых восстаний союзников против афинского господства, а также враждебная политика Спарты и ее союзников.

Крупным восстанием, которое случилось летом 446 г., было восстание Эвбеи. Оно особенно потрясло Афины. Этот остров занимал важное положение в афинской державе. Форос эвбейских городов в совокупности составлял 13 талантов. Эвбея была крупнейшим островом в Эгеиде и ее примеру могли последовать и другие союзники. Восставшая и враждебная Афинам

Эвбея становилась главным препятствием на важнейшем пути к Геллеспонту. Наконец, восстание особенно вызвало опасения в Афинах еще и потому, что оно случилось в разгар внешнеполитических неудач в центральной Греции и возникла опасность создания широкой антиафинской коалиции, включавшей беотийцев, локрийцев, пелопоннесцев и восставших жителей Эвбеи.

Учитывая важность всего сказанного, необходимо более детально рассмотреть события, ввергнувшие Афины в новую полосу неудач и трудностей. После битвы при Энофитах в 457 г. до н. э. афиняне изгнали из Беотии олигархов и установили демократическое правление. В 447 или начале 446 г. изгнанники, как сообщает Фукидид (I.113.1), вернувшись, заняли Орхомен, Херонею и некоторые другие центры Беотии. Афиняне, боясь потерять свое влияние в Беотии, начали готовиться к походу. Было собрано войско, состоящее из 1000 афинских гоплитов и отдельных отрядов союзников. Стратегом был Толмид. Этот же сюжет передает и Плутарх (Plut. 18.1), хотя в его рассказе есть некоторые черты, отличающие его от сообщения Фукидида. Согласно Плутарху, 1000 гоплитов, отправившихся вместе с Толмидом, были добровольцами. Против этого похода возражал Перикл, считая, что Толмид готовился вторгнуться в Беотию в самое неподходящее время. Эпиграфический материал подтверждает правильность сообщения Плутарха, поэтому детали его рассказа фактически дополняют краткое известие Фукидида.

Плутарх не раскрывает, в чем заключался неблагоприятный момент, на который ссылался Перикл, возражая против этого похода Толмида. Однако объяснить это замечание можно, руководствуясь знанием общеисторических условий и некоторых деталей, сообщаемых источниками. Во-первых, Афинская морская держава еще не вышла из состояния кризиса и сохранялась возможность восстаний, во-вторых, осложнялись отношения со Спартой в связи с истечением срока пятилетнего перемирия. В-третьих, собранного войска было явно недостаточно.

Согласно Фукидиду, афиняне вместе с союзниками сумели захватить только Херонею, обратив жителей ее в рабство и поставив там гарнизон (Thuc. I.113.1, ср. Diod. XII.6.1). Орхомен и другие центры Беотии оставались в руках олигархии. Перикл, по-видимому, понимал, что в условиях всеобщей враждебности трудно удержать Беотию в своих руках. Орхомен сумел объединить всех недовольных афинянами беотийцев, а также локров и эвбейских изгнанников (Thuc. I.113.2; Diod. XII.6.2).

Возникшая таким образом антиафинская коалиция нанесла сокрушительный разгром афинянам возле Коронеи. Войско афинян и союзников во главе с Толмидом попало в засаду и было разбито беотийцами и их единомышленниками. Многие погиб-

ли вместе со стратегом, других захватили в плен (Thuc. I.113.2; Diod. XII.6.2; Per. 18.2—3; Ages. 19.2; Alc. 1.1; Aristod. 14.2; Paus. I.27.5, 29.14; Plat. Aloiv. Mai. 112 с.; Isocr. XVI.28; Xen. Mem. III.5.4; Theop. frg. 407). Афиняне вынуждены были заключить договор с беотийцами, по которому они в обмен на своих пленников и тела павших воинов отказывались от притязаний на господство в Беотии (Thuc. I.113.2—3; Diod. XII.6.2. Ср. Bengtson. STV. II. № 153).

Итак, результаты поражения афинян в битве у Короней были следующие. Во-первых, был восстановлен Беотийский союз с олигархическим правлением. Во-вторых, афиняне лишились своего превосходства в Центральной Греции; Афины вынуждены были отказаться от своих претензий на господство не только в Беотии, но также в Локриде и Фокиде. В-третьих, Спарта и пелопоннесцы, воспользовавшись поражением афинян, сумели вскоре склонить беотийцев, фокидян и локрийцев на свою сторону и заключить с ними союзные соглашения (Thuc. II.9.3).

В такой ситуации летом 446 г. восстала Эвбея (Thuc. I.114.1; Plut. Pericl. 22.1; Diod. XII.7; Aristod. 15.2). Учитывая все сказанное выше, можно с уверенностью отметить, что это восстание было тесно связано с предшествующими событиями и, возможно, подготовлено теми самыми эвбейскими изгнанниками-олигархами, которые вместе с локрийцами и помогли беотийцам избавиться от афинского господства. В результате восстания Эвбеи Аттика оказалась блокированной с севера и востока. Поэтому Перикл немедленно переправился с афинским войском на остров, стремясь подавить начавшееся восстание.

Однако восстание на Эвбее было сигналом к организации широкой антиафинской кампании, в которой приняли участие как пелопоннесцы и их союзники, так и некоторые отпавшие от афинян бывшие их союзники. Поэтому не было случайностью, что вслед за восстанием Эвбеи и отправлением афинского войска во главе с Периклом на остров восстали Мегары и произошло избиение мегарянами, призвавшими к себе на помощь коринфян, сикионян и эпидаврян, воинов афинского гарнизона, за исключением тех, кто укрылся за стенами в Нисее, и началась подготовка вторжения пелопоннесцев в Атику (Thuc. I.114.1—2; Plut. Pericl. 22.1; Diod. XII.5.2; 6.1).

Несомненно, имел место факт расторжения пятилетнего мира между афинянами и пелопоннесцами. Неправы те исследователи, которые считают главным виновником разрыва мирных отношений Спарту и ее союзников. Рассматриваемый нами материал свидетельствует о том, что своими действиями способствовала этому в равной степени как та, так и другая сторона.

Перикл, узнав о случившемся, поспешно возвратился с войском из Эвбеи (Thuc. I.114.2). По-видимому, сразу же после возвращения афинского войска была предпринята экспедиция

в Мегариду. Об этом сообщают Диодор (XII.5.2) и стихотворная надгробная надпись на могиле некоего Пифиона, участвовавшего в экспедиции в Мегариду (IG. I². 1085=Tod. 41=SEG. X.411).

Пелопоннесцы, как сообщают Фукидид (I.114.2) и Диодор (XII.6.1), вторгнувшись на территорию Аттики, дошли до Элевсина и Фриасийской долины, опустошили поля, но дальше не пошли и возвратились домой. Плутарх же (Per. 22) говорит, что Периклу удалось подкупить советника царя Плистоанакта Клеандрида деньгами и убедить его увести войско домой. Отношение к этому сообщению, в основном, критическое. Тем не менее необходимо отметить, что история о подкупе спартанских предводителей была уже известна Фукидиду (V.16.3), на нее намекает Аристофан (Aristoph. Nubes. 859) и через историографию IV в. (Ephor. frg. 193, ср. Diod. XIII.106.10) дошла до Плутарха. Устойчивость традиции, несомненно, можно рассматривать как важный аргумент в пользу ее аутентичности. Через все литературные источники, начиная с классического времени, проходит также сообщение об изгнании Плистоанакта и бегстве Клеандрида. Так что, учитывая все сказанное, мы склонны признать вполне аутентичной историю о подкупе спартанских предводителей во время пелопоннесской экспедиции в Аттику в 446 г.

После ухода спартанских войск из Аттики Перикл получил свободу действий. Он вернулся с 50 триерами и 5 тыс. гоплитов и покорил эвбейские города (Thuc. I.114.3; Diod. XII.7; 22.2; Plut. Per. 23.3—4; Aristoph. Nubes. 211—213 со схол. (=Philoch. Arg. 118); Aristod. 15.2). Согласно Фукидиду, и организацию управления на всей Эвбее, за исключением Гестиэи, афиняне установили на основании договоров.

Рассмотрим более детально судьбу некоторых Эвбейских городов. Согласно Фукидиду, из всех городов Эвбеи более всего пострадала Гестиэя, жителей которой афиняне выселили и сами заняли ее территорию. Это сообщение единодушно принято всей литературной традицией (Theop. frg. 387=Strab. X.1.3, p. 445; Thuc. VII.57.3; Diod. XII.22.2). Дошедшие до нашего времени три декрета о Гестиэе (IG. I². 40—42), хотя имеют плохую сохранность, дают возможность судить прежде всего об экономических (IG. I² 40; 42) и юридических (IG. I². 41) отношениях жителей города с Афинами и свидетельствуют о том, что афиняне в целях закрепления своего контроля над населением широко использовали в качестве средств воздействия на коллектив колонистов вмешательство в вопросы земельной собственности, налогообложение и меры юридического характера.

О судьбе города Халкиды на Эвбее литературная традиция не единодушна. Согласно Фукидиду, Халкида, как и другие города Эвбеи, кроме Гестиэи, имела договорные соглашения с

Афинами. Поздняя историография дает нам более детальную характеристику взаимоотношений между Афинами и Халкидой, которая позволяет считать, что Халкида, так же как и Гестиэя, серьезно пострадала в результате подавления восстания. Схолиаст к «Облакам» Аристофана подчеркивает трудности Халкиды и Эретрии (Schol. Aristoph. Nubes. 213).

Согласно Плутарху, Перикл изгнал из Халкиды гиппоботов, известных своим богатством и пользовавшихся большим влиянием (Plut. Per. 23.4). Это же подчеркивает и Элиан (Aelian. VH. VI.1), сообщая еще и дополнительные сведения. Он говорит, что «после победы над халкидскими афиняне разделили принадлежавшую им землю, так называемый Гиппобот, на 2 тыс. наделов; землю, носящую название Лилант, отвели для святилища Афины; остальную, руководствуясь стелами царской стои, на которых были записаны соответствующие договоры, сдали в аренду, а пленных сковали оковами. Однако все это не могло ослабить их гнев против халкидян».

В этом рассказе Элиана есть, несомненно, мотивы, заимствованные из более древней традиции (ср. Hdt. V.77). Тем не менее сообщение поздних авторов о жестокой участи халкидян нужно принять во внимание, поскольку оно находит свое подтверждение и в эпиграфических документах, в частности, мы имели в виду договор 446/5 г. между афинянами и халкидянами (IG I². 39=Tod. 42=SEG X. 37=ATL. II D 17=ML. 52). Его содержание свидетельствует о том, что он не был тяжелым и унижительным для халкидян. Но приведенные в декрете клятвы, которыми обменивались между собой афиняне и халкидяне (сткк. 3—32), показывают, что последние были фактически лишены автономии.

Договор ограничивал компетенцию халкидских магистратов, большинство наиболее важных юридических дел решалось в афинских судах (сткк. 72—76). Халкидяне клялись не отделяться от Афин, во всем слушаться афинский демос и доносить афинянам на тех, кто будет подстрекать к восстанию. Они обещали платить форос в размере, установленном афинянами, и посылать вспомогательные отряды в афинское войско в случае войны. Вторая часть декрета (сткк. 40—69) свидетельствует о том, что афиняне оставили в Халкиде свой гарнизон, воины которого, возможно, были клерухами, и в обеспечение договора халкидяне дали афинянам заложников. Афинскому стратегу и 5 афинским должностным лицам вменялось в обязанность следить за выполнением халкидянами принятого постановления.

В договоре с халкидянами упоминается постановление об Эретрии (сткк. 42—43). Сохранились две надписи, касающиеся Эретрии, которые являются фрагментами одного и того же декрета. В первой надписи содержится фрагмент клятвы, даваемой афинянами и эретрийцами при заключении договора

(IG. I². 17=SEG. X.35=ATL. II D 16=Bengtson, STV II. N 154=Hill B. 52).

Другая надпись касается юридических отношений с Эретрией (IG. I². 49=SEG X.49). Содержание обеих надписей во многом сходно с декретом о халкидянах, так же, впрочем, как и с более ранними декретами о фаселитах, эритрянах и милетянах. Жители Эретрии клялись быть верными афинскому народу и не восставать против него. Все судебные тяжбы эретрийцы должны были разбирать в Афинах. Учитывая настоящую нужду афинян в хлебе и земле, афинское господство на Эвбее было закреплено созданием государственных земельных фондов, используемых в виде аренды, продажи или дарения земельных участков. Результатом этой политики Афин было приобретение афинскими гражданами, не только клерухами и колонистами, земли и других владений на территориях, входивших в состав афинской империи. В этой связи особую ценность представляют так называемые Аттические Стелы, включавшие группу надписей, сообщавших о продаже с аукциона собственности Алкивиада и других осужденных в 415/4 г. людей, обвиненных в осквернении Герма и профанировании элевсинских мистерий¹⁸. Данные этих надписей показывают, что отдельные афинские граждане имели земельные владения на территориях, подчиненных Афинам: в Оропе (на беотийской границе), на Эвбее и Фасосе, в Абидосе (на Геллеспонте) и Офринее (в Троаде). Одна группа владений, разбросанных в трех районах Эвбеи, принадлежала афинянину Эонию и оценивалась в 81 талант 2000 драм (II.311—4, ср. II.177—179).

Таким образом, выведение колоний и клерухий на территории своих союзных полисов, конфискация земли, приобретение земельных владений богатыми афинянами, составлявшие вместе с налоговым обложением, политическим, юридическим и экономическим вмешательством во внутреннюю жизнь этих полисов главные черты имперской политики афинян, вызвали у граждан союзных государств острое чувство недовольства Афинами. Не случайно позже, в декрете, учредившем в 378/7 г. II Афинский морской союз (IG. II². 43. сткк. 35—41) союзники специально оговаривали, что ни афинское государство, ни кто-либо из граждан не должен приобретать ни дом, ни землю на территории союзников никакими способами.

Итак, договоры с Халкидой и Эретрией фактически завершили процесс перерождения Делосской симмахии, представляв-

¹⁸ Pritchett K. The Attic Stelai. Part I//Hesperia. 1953. Vol. 22. P. 225—299; 271 f.; VI, 56, 67; P. 282; VII, 78, P. 286; VIII, 4, 6; P. 288; X, 11; idem. The Attic Stelai. Part II//Hesperia. 1956. Vol. 25. P. 178—311; 261 ff. На русский язык этот эпиграфический памятник переведен и прокомментирован Э. Д. Фроловым (см.: Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. Л., 1964. С. 92—118; 133—135).

шей собой союз автономных греческих полисов под руководством Афин, в Афинскую империю, в которой бывшие независимые союзники *αὐτονομοὶ ξυμμαχοὶ* фактически превратились в подданных Афин (*υπηκοοὶ*), лишившись экономического, юридического, военного и, в значительной степени, политического суверенитета, сохранив только институты гражданства. Несомненно, с помощью целого ряда мероприятий, а также применения методов насилия афинянам удалось преодолеть кризис в Афинском морском союзе, обеспечить регулярный сбор флороса и укрепить внутреннюю структуру союза настолько, что они стали в нем полновластными хозяевами, способными принимать любые нужные им решения и осуществлять угодную для них политику. Все эти изменения получили краткое и точное выражение в появившейся в 40-е гг. V в. до н. э. формуле *Πόλις ὀλοσόν Ἀθηναῖοι κράτος*, сменившей прежние названия *Οἱ Ἀθηναῖοι καὶ οἱ ξυμμαχοὶ* (см. IG. I², 27—28 a=SRG X.19; 23=Hill B. 33—34).

Оформившаяся в 40-е гг. афинская империя и появившееся упомянутое выше ее официальное название коренным образом отличались от Пелопоннесского союза, в котором, как мы видели, не было столь стройной структуры, и Спарта, как гегемон, не располагала такими возможностями, какие были у Афин. На это специально и обращает внимание читателя Фукидид в одной из приведенных им речей Перикла (1.140—144). Дуалистическую основу Пелопоннесского союза отражала и сохранявшая свое значение формула *οἱ Λακεδαιμόνιοι καὶ συμμαχοὶ*. Тем не менее необходимо все же отметить, что положение в афинской *αρχή* было менее стабильным, чем в Пелопоннесской лиге, так как афинские союзники не мирились со своим положением и время от времени восставали.

Этим, по-видимому, как, впрочем, и недавними внешнеполитическими неудачами, была обусловлена необходимость для Афин сохранять мир со Спартой (ср. Thuc. IV.21.3; Andoc. III.6). Поэтому в конце лета и в начале осени 446 г. (Thuc. I.114.2; 115.1; II.2.1; Diod. XII.7; Paus. V.23.4) Спарта и Афины заключили тридцатилетний мир (см. Thuc. I.87.6, 115.1; II.2.1; IV.21.3; Diod. XII.7; 26.2; 28.4; Plut. Per. 24.1; Aristid. 15.3—4; Justin. III.7.1; Paus. V.23.4; Andoc. III.6; Aeschin. II.174; Aristoph. Acharn., 194—195).

Согласно Андокиду (III.6), десять послов были отправлены в Спарту для переговоров. Среди них были Андокид-старший (дядя оратора), а также Каллий и Харит (ср. Diod. XII.7). Договор был заключен на следующих условиях. Афины вынужде-

ны были отказаться от владения Нисеей, Пегами, Трезеном и Ахайей. Таким образом, из всех приобретений в центральной Греции, которые они осуществили во время первой Пелопоннесской войны, они сохранили за собой лишь Навпакт — важный стратегический район у выхода из Коринфского залива, служивший Афинам плацдармом в их устремлениях на Запад.

Афиняне соглашались признать автономию Эгины, однако это условие они так и не выполнили (ср. Thuc. I.67.2; 139.1; 140; 3; 144.2). Города, не входившие ни в один из союзов, получали право стать членом любого из них (Thuc. I.35.2; 40.4, ср. 44.11). Стороны оговаривали, что ни одно государство не может выйти из того союза, в котором оно уже находится. Во внесении этого положения в текст договора были заинтересованы афиняне, добивавшиеся дипломатического и юридического признания созданной ими морской державы, а также стремившиеся использовать это признание для пресечения восстаний союзников. Спарта, согласившись на включение этого пункта в текст договора, связывала себя признанием афинской архэ (ср. Thuc. I.41.2).

Стороны договаривались о том, чтобы все споры разрешались с помощью третейского суда (Thuc. I.78.4; 140.2; 144.2; 145; VII.18.2). Договор предусматривал свободу мореплавания и торговых отношений (Thuc. 71.67.4; 144.2). В договоре отмечалось, что мирные условия между афинянами и лакедемонянами не касаются аргосцев, но указывалось, что если они хотят, то афиняне и аргосцы могут частным образом установить миролюбивые отношения между собой (см. Pausan. V.23.4). По-видимому, это была вынужденная уступка лакедемонян. Наконец, в соответствии с соглашением лакедемоняне и афиняне договорились установить медные доски с текстом договора в Олимпии, Афинах, Амиклах, а также, возможно, в Дельфах и на Истме (ср. Thuc. V.18).

Итак, завершая исследование афино-спартанских отношений в эпоху первой Пелопоннесской войны (460—445 гг.) и связанных с этой темой проблем, необходимо сформулировать основополагающие выводы, вытекающие из всего рассмотренного материала. Сложившиеся к концу 60-х гг. V в. под руководством Спарты и Афин два противостоящих друг другу военно-политических блока имели глубокие социально-экономические, политические и этнические различия. Противоречия между Пелопоннесским и Афинским морским союзами, в частности между олигархической Спартой и демократическими Афинами, сделали рассматриваемую войну неизбежной.

Первая Пелопоннесская война, длившаяся с перерывами с 460/59 по 446/5 гг., с обеих сторон была агрессивной. И Спарта, и Афины в этой войне вынашивали имперские замыслы. Лакедемоняне, добиваясь восстановления баланса политических сил

в Элладе, стремились сохранить и упрочить свое господство в центральной Греции. Спарта сумела осуществить поставленные цели и к концу войны установила союзные соглашения с беотийцами, мегарянами, локрами, фокидянами, левкадянами и анакторийцами (Thuc. II.9).

Афины в своих попытках установить полное господство в Элладе и изолировать Спарту и ее союзников потерпели неудачу. Вместе с тем им удалось преодолеть кризис в Афинском морском союзе, который дважды ставил под угрозу афинскую гегемонию (первый раз в 454—450 гг., второй — в 449—446 гг.). В результате ряда мер и насильственных действий афиняне в рассматриваемый период завершили превращение Делосской симмахии в афинскую империю, в которой они стали полновластными хозяевами. При этом важно отметить, что процесс образования афинской империи был тесно связан с наметившейся тенденцией к централизации управления в Афинах и афинской державе и развитию автократического начала в деятельности Перикла, хотя и опиравшегося на демократические институты Афин и афинский демос.

Рассмотренные факты и события вполне укладываются в понятие «афинский империализм», который можно рассматривать как конкретно-историческую фазу развития рабовладельческого государства, предусматривающую комплекс мер экономического, политического и юридического характера, имеющих целью достижения господства над другими народами и государствами и образование империи с помощью ведения агрессивных и захватнических войн¹⁹.

Особенности внутривосточного положения в Афинах, образование афинской империи и победа над персами обусловили дальнейшую активизацию державной политики. По крайней мере, с точки зрения Афин, заключенный мирный договор не мог рассматриваться как долговечный. Афиняне стремились со временем взять реванш. Спарта, понимая это и опасаясь афинского морского могущества, испытывала чувство страха перед афинянами. Да и сложившаяся после заключения мира ситуация в Греции была далеко не стабильной. Поэтому едва ли можно согласиться с некоторыми исследователями, что тридцатилетний мир был рассчитан всерьез и надолго. Данные источников свидетельствуют о другом. От Фукидида до Плутарха античная традиция единодушно считает договор 446/45 г. перемирием, которое перестало иметь силу вскоре после Самосской войны в 440 г. до н. э.

¹⁹ В. И. Ленин различал империализм «старый» и «новый», понимая под «старым» империализмом создание империй в древности и в средние века (*Ленин В. И. Первое мая и война*// Полн. собр. соч. Т. 26. С. 372—375).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СПАРТЫ И АФИН В ГОДЫ МИРА
(445—431 гг. до н. э.)

1. Афино-самосская война и расширение границ афинской империи

Тридцатилетний мир дал афинянам необходимую передышку, и поэтому важно выяснить характер и основные тенденции афинской внешней политики в условиях мира. К сожалению, данные наших источников об этом периоде фрагментарны и противоречивы.

С одной стороны, мы располагаем ценными замечаниями Фукидида (I.118.2) и Плутарха (Per. 20—21), которые позволяют думать, что главной политической целью афинян было защитить и упрочить уже созданную морскую державу. С другой — есть некоторые свидетельства, указывающие на попытки афинян в это время расширить свое влияние в различных регионах.

К концу 40-х гг. V в. до н. э. в Афинской империи оставалось немного городов, пользовавшихся широкой автономией. Среди них наиболее крупными были Лесбос, Хиос и Самос. Источники сообщают, что они сохраняли олигархическое правление, не платили форос, но, владея флотом, поставляли Афинам военные корабли, они чеканили свою собственную монету. Аристотель, характеризуя их автономию, отметил, что афиняне предоставили им политическую самостоятельность и власть над теми, которыми они тогда управляли (Arist. Ath. Pol. 24.2, ср. Thuc. I.19; II.9.4; VI.85.2; VII.57.4—5).

Однако следует отметить, что афиняне считались с автономией этих союзников лишь до тех пор, пока она была им выгодна (см. Thuc. III.11.3). Когда Афины достигли абсолютного господства в союзе и сложилась афинская империя, они стали все с большим подозрением относиться к ним, и, как только представился случай, вопреки заключенным договорам, подчинили и эти ранее автономные полисы (ср. Arist. Pol. III.8.4, p. 1284 a). Первой жертвой стал Самос.

Самос наряду с Хиосом и Лесбосом являлся членом Делосской симмахии и вместе с этими полисами был одним из ее учредителей в 478 г. Став членом Афинского морского союза, Са-

мос не прекращал традиционной вражды с Милетом, уходившей своими корнями в глубокую древность. Как следует из источников (Thuc. I.115.2; Diod. XII.27.1; Plut. Per. 24.1), в 441 г. разразилась война между Самосом и Милетом из-за Приены. Ослабленные восстаниями милетяне в столкновениях с Самосом терпели поражения и поэтому обратились в Афины с жалобой на самосцев. К милетянам присоединились и некоторые частные лица на Самосе, желавшие свержения олигархии (см. Thuc. I.115.2).

Что же касается афинян, то они, как сообщает Плутарх (Pericl. 25.1), быстро отреагировали на просьбу милетян и, поддержав их, потребовали от Самоса прекращения войны против Милета и подчинения решению арбитража. По-видимому, войну между самосцами и милетянами афиняне рассматривали как удобный момент, чтобы покончить с независимостью Самоса. Однако, чтобы их действия не казались произвольными, они спровоцировали из числа проафински настроенных самосских граждан обращение в Афины за помощью. Опора на пятую колонну была обычным явлением в политике Афин. В ответ на это обращение Афины предъявили Самосу явно невыполнимые требования. Поэтому, когда самосцы отказались их удовлетворить, Перикл тотчас явился на остров с 40 кораблями, установил там демократическое правление, отправил специальных должностных лиц, которых афиняне обычно посылали в подчиненные города, взял 50 мальчиков и столько же мужчин в качестве заложников и поместил их на Лемносе, который входил в состав Афинской империи, платил форос и был издавна заселен афинскими клерухами. На Самосе афиняне оставили свой гарнизон и, заставив самосцев уплатить 80 талантов контрибуции, вернулись обратно (Thuc. I.115.2; Diod. XII.27.2; Plut. Pericl. 24.1; 25.1).

Действия афинян вызвали негодование среди самосцев, и они, опираясь на помощь виднейших самосских аристократов, живших на материке, сатрапа Лидии Писсутна (Thuc. I.115.4; Plut. Pericl. 28.6), ночью вторглись на остров и свергли там демократию (Thuc. I.118.5; Diod. XII.27.3; Plut. Pericl. 25). Как следует из источников, установленная афинянами демократия на острове не пользовалась популярностью. Граждане в большинстве своем оказали поддержку аристократам. Именно поэтому самосцы без труда захватили большую часть демократов, афинских должностных лиц и афинский гарнизон. После этого с помощью Писсутна они также выкрали своих заложников на Лемносе (Plut. Per. 25).

Захватив власть на Самосе, аристократы выдали гарнизон и афинских должностных лиц персам, что свидетельствовало об их открытой вражде к Афинам, и стали готовиться к походу против Милета. Для борьбы с Афинами самосцы заключили

договор с Византием (Thuc. I.115.5, ср. SEG X.221). Возможно, самосцы вели переговоры также с митиленянами на Лесбосе (см. Thuc. III.2.1; 13.1). Что касается переговоров Самоса со Спартой и пелопоннесцами, то на этот счет мы располагаем твердым сообщением Фукидида (I.40.5—6; 41.1—3), из которого следует, что самосцы обращались к ним за помощью.

Таким образом, восстание Самоса чревато было большими опасностями для Афин. Оно могло разжечь пламя войны во всей афинской державе, тем более что в это время возникли также волнения в Карию, Фракии и Халкидике. Кроме того, появилась угроза создания антиафинской коалиции, в которой наряду с восставшими городами могли объединиться пелопоннесцы и персы.

В ответ на просьбу самосцев лакедемоняне созвали конгресс пелопоннесской лиги. Коринфяне выступили против оказания помощи восставшим (Thuc. I.40.5—6; 41.1—3). Поэтому под влиянием Коринфа большинство союзников проголосовало против поддержки восставших. Позиция Коринфа и пелопоннесцев решила судьбу Самоса. Персы без поддержки Спарты не рисковали открыто выступить против Афин. Однако, хотя широкая антиафинская коалиция не была создана, тем не менее опасное положение сохранялось, так как победа Самоса над Милетом могла послужить сигналом для восстания в других городах афинской державы. Подавление самосского восстания становилось для афинян жизненно необходимым. Именно этим объясняется то, что все избранные в 440 г. стратеги во главе с Периклом возглавили морскую экспедицию против Самоса (Thuc. I.116.1; Diod. XII.27.4; Plut. Per. 25). Среди избранных в число стратегов в 440 г. был также известный трагик Софокл, друг Перикла (Plut. Pericl. 8; Strab. XIV.1.18. P. 638).

Всего афиняне выставили 60 кораблей. Однако в сражении с самосцами участвовали только 44 корабля. Остальные Перикл отправил частью к Карию, где, как уже отмечалось, было беспокойно и возникла необходимость в наблюдении за финикийским флотом, частью к Хиосу и Лесбосу с требованием помощи. Хиос и Лесбос, как уже говорилось, являясь членами Афинской державы, сохраняли автономию. Здесь, так же как и на Самосе, у власти находились аристократы, правда, относившиеся к Афинам лояльно. Но проафинские позиции здесь были не очень сильны, и Афины опасались, как бы эти два острова не выступили на стороне самосцев.

Вместе со второй частью кораблей сюда был послан Софокл (Athen. XIII.603d=Ion. frg. 6). Его богатство, знатность и слава открыли ему дорогу в дома хиосской и лесбосской знати и способствовали успешному выполнению возложенных на него обязанностей. Ему удалось предотвратить выступление Хиоса и Лесбоса в поддержку самосских аристократов, и эти острова

послали 25 кораблей на помощь афинянам (Thuc. I.116.1; Diod. XII.25.4; Athen. XIII.603f — 604b).

Самосцы, как сообщают источники, выставили против афинян 70 кораблей (Thuc. I.116.1; Diod. XII.27.4; Plut. Pericl. 25). В морском сражении победу одержали афиняне. Однако война с Самосом была далеко не закончена. По-прежнему оставалась угроза вступления в войну Персии и начала восстаний в других городах Афинской империи. Поэтому афиняне нуждались в помощи. В это время из Афин явилось к ним 40 кораблей и, как уже говорилось, 25 прислали Хиос и Лесбос.

Захватив гавань и имея перевес в сухопутных войсках, афиняне с трех сторон города возвели стены и стали осаждать его с суши и с моря. Тем не менее самосцы предпринимали вылазки и вступали в сражения перед стенами (Plut. Pericl. 25, ср. Thuc. I.116.2). В разгар осады Самоса, как сообщает Фукидид (I.116.3, ср. Diod. XII.27.5; Plut. Per. 25), было получено известие о движении против афинян финикийских кораблей. В этой ситуации Перикл, отобрав 60 кораблей, поспешно направился к Кавну и Карию, навстречу финикийскому флоту. Сестимброт считал целью этой экспедиции Перикла нападение на остров Кипр. Плутарх, который приводит это свидетельство, сомневается в его правильности, с чем, вероятно, нужно согласиться. Тем не менее утверждение Плутарха о том, что Перикл, отправившись в Карию, совершил ошибку, едва ли можно принять. До самого последнего момента Перикл не знал, решится ли персидский царь оказать помощь самосцам. Дать же сражение финикийцам, если бы они прибыли, в водах Эгейского моря было рискованно, так как их появление в Эгеиде было бы сигналом к отпадению от Афин других союзников. Этим и обусловлено было желание Перикла встретить финикийский флот как можно дальше от Самоса.

После того как значительная часть афинского флота во главе с Периклом поплыла в Карию, самосский философ Мелисс, избранный флотоводцем (Plut. Per. 26, Diog. Laert. IX.24), убедил своих сограждан напасть на афинян. Они атаковали незащищенную неприятельскую стоянку, потопили сторожевые корабли и в морском сражении одержали победу (Thuc. I.117.1; Diod. XII.28.1). Благодаря этому в течение 14 дней самосцы имели превосходство на море и обеспечили себя всем необходимым на случай длительной осады.

Перикл, не обнаружив со стороны финикийцев никакого желания вступать в сражение с афинянами и узнав о поражении своих, через 14 дней вернулся к Самосу. По возвращении он собрал флот, численностью превосходящий самосский (Thuc. I.117.2; Diod. XII.27.2; Plut. Per. 27.1) и, нанеся в морском сражении новое поражение самосцам, начал осаду города. Осада была дорогостоящей и длилась 9 месяцев.

Захватив город, Перикл прежде всего наказал виновных (Thuc. I.117.2; Diod. XII.27.3; Plut. Pericl. 26.28). Афиняне также потребовали от самосцев скрыть стены и выдать флот. Вместе с тем, учитывая важность стратегического положения Самоса, его влияние в Эгейде, слабость проафинских позиций на острове, афиняне проявили гибкость в отношении покоренных самосцев. Источники единодушно сообщают о том, что после подавления восстания афиняне не оставили на острове свой гарнизон. Даже остров Аморгос, которым раньше управляли самосцы, оставался под их влиянием. Что касается земельных владений самосских олигархов, то по крайней мере часть их земли была конфискована в пользу афинских эпонимов и богини Афины. Неупоминание Самоса после подавления восстания в афинских налоговых списках объясняется тем, что по требованию Афин самосцы в установленное время должны были выплатить большую контрибуцию.

Согласно литературной традиции, ее сумма была равна 1200 талантам (Isocr. XV.111; Nep. Timoth. XIII.1, ср. Diod. 28.3). Основным эпиграфическим доказательством, свидетельствующим о финансовых расходах афинян в Самосской войне, является надпись, сообщающая о денежных суммах, взятых из священной казны Афины в 441/40 и 440/39 гг. для войны против Самоса (см. IG. I². 293=Tod. 50=ML. 55=Hill B. 61). Хотя текст надписи очень фрагментарен, сохранились точные данные о денежных суммах, израсходованных афинянами в указанное время: 128, 368 и 908 талантов. Общая сумма их, 1404 таланта, соответствует итоговой сумме, сохранившейся в конце надписи. Интерпретируя этот документ, эпиграфисты отмечают, что указанные в нем суммы отражают расходы афинян на подчинение Византия (128 тал.) и ведение войны против Самоса (368+908=1276 тал.), а издатели ATL пришли к выводу, что установленную афинянами контрибуцию самосцы выплачивали ежегодно по 50 тал. в течение 26 лет и окончательно выплатили ее в 443 г. (ATL. V.III. P. 334—335).

После подавления восстания афиняне установили на Самосе демократический режим (Diod. XII.28.4), отчасти это подтверждает и один из фрагментов декрета, регулировавшего отношения между Афинами и Самосом (IG. I². 50=SEG X.39=ATL D 18=Bengtson STV II.159=ML. 55), в котором речь идет о взаимных клятвах афинян и самосцев. Общее содержание этих клятв известно и по другим декретам, касавшимся отношений Афин с Милетом, Эритрами, Колофоном, Халкидой. Особенность же клятвы, которую давали афиняне самосцам, отражала умеренность их политики в отношении к Самосу. Это наиболее отчетливо проявляется при сравнении с афинской клятвой, данной халкидянам. Давая клятву халкидянам, афиняне обещали не применять насилия, если те будут сохранять вер-

ность Афинам. В данном же декрете афиняне клялись заботиться об интересах самосского демоса (сткк. 20—23). Часть низложенных и бежавших олигархов укрепилась в Анее, расположенной на материке, напротив Самоса, и вела себя враждебно по отношению к самосцам и афинянам (см. Thuc. III.19.2; 32.2; 14.75.1).

Вскоре после урегулирования отношений Афин с Самосом в империю был возвращен и Византий (Thuc. 1.117.3). По-видимому, поражение Самоса сделало бессмысленным сопротивление Византия и он вновь стал подданным афинян на прежних условиях. К сожалению, о том, каковы были эти условия, нам ничего неизвестно. Мы располагаем лишь данными, что Византий, как и большинство союзников Афин, платил форос, причем размеры его росли. Так, в 449 г. он платил 15 тал., в 442—440 гг. — 15 тал. 4300 драхм, а уже в 432 г. его налог составил 18 тал. 1800 драхм (Hill. Table., 3.11, № 44). Подобно Самосу Византий владел двумя городами на азиатском побережье Пропонтиды — Бисбиком и Каллиполем. Как и Аморгос, они впервые появляются в афинских налоговых списках только в 434/3 г. По-видимому, оба эти города оставались в сфере влияния Византия до этого времени. Умеренное отношение к Византию, вероятно, также объяснялось стратегической важностью этого города и опасностью со стороны персов.

Итак, завершая анализ данных источников о самосском восстании, можно прийти к следующему выводу. Восстание самосцев было важной вехой в истории взаимоотношений афинян со своими союзниками. Если в предшествующее время в восстаниях участвовали, как правило, те члены морского союза, которые были уже покорены афинянами и не желали больше терпеть бремя афинского господства, то теперь в борьбу с Афинами начали вступать полисы, еще сохранявшие свою автономию.

После победы в самосской войне и возвращения в империю Византия афиняне не ослабили свой контроль над союзниками и не отказались от великодержавной политики. Они лишь старались сделать ее более гибкой. Так, с одной стороны, они не применили чрезмерного насилия к восставшим, хотя лишили их автономии и заставили выплачивать высокую контрибуцию. В Карии, где во время самосского восстания возникли антиафинские выступления, Перикл, опасаясь конфликта с персами, проявил умеренность и значительную часть карийских городов освободил от уплаты фороса. С другой стороны, Афины не отказались от расширения своей гегемонии в стратегически важных районах, в частности во Фракии, Македонии и Понте.

Со времени Писистрата интерес афинян был прикован к Гелеспонту. Через проливы в Афины регулярно поступали зерно, рыба, рабы и другие товары из Причерноморья. После потери Египта Причерноморье, особенно Северное, оставалось для Афин

главным источником хлеба и других продуктов¹, поскольку доставка зерна из Сицилии и южной Италии была затруднена, так как дороги, ведущие в Западное Средиземноморье, не контролировались афинянами, кроме того, их стремление укрепить свое влияние в Сицилии и южной Италии встречало сопротивление со стороны сиракузян, коринфян и пелопоннесцев. Поэтому обеспечение безопасности торговых путей, ведущих через проливы в Черное море, и укрепление в этом районе афинского господства, оказавшегося под угрозой в результате Самосского восстания, участия в нем Византия и соседних городов, а также помощи, оказанной восставшим персами, Перикл считал первоочередной задачей афинской внешней политики в рассматриваемое время.

Наши источники, как литературные, так и эпиграфические, хотя не дают полной и всесторонней информации, тем не менее позволяют обрисовать в общих чертах план мероприятий Перикла, предусматривающих укрепление афинского контроля в проливах и в прилегающих к ним районах. Именно с этой целью была предпринята Понтийская экспедиция Перикла (Plut. Pericl. 20.1—2). Хронология ее является спорной, но, по-видимому, правы те исследователи, которые рассматривают Понтийский поход Перикла как закрепление и развитие успехов, достигнутых в Самосской войне, и датируют его временем между 439/8 и 436/5 гг.

Результатом похода Перикла было укрепление афинского влияния в Синопе, куда после изгнания тирана Тимесилая и его сторонников афиняне переселили 600 своих граждан (Plut. Pericl. 20.2). Возможно, в это же время на азиатском побережье Мраморного моря афиняне основали Астак (Strab. XII.4.2, p. 563; Memnon. =FgrHist. 434 F 12.2; Diod. XII.34.5), а на северном побережье М. Азии к востоку от Синопы — колонию в Амисе (Strab. 3.14=Theopomp.=FGrHist., 115 F 389; Plut. Lucul. 19.7; Appian. Belli Mittr. 83). Вместе с тем успехи Понтийской экспедиции Перикла способствовали усилению афинского господства над союзниками. Теперь, когда Геллеспонт и Боспор стали в известном смысле афинскими проливами, Эгейда превратилась во внутреннее море афинской империи. Как правило, афиняне свои успехи старались закрепить юридически. Возможно, именно в это время появилась афинская коллегия

¹ Более подробно о роли Причерноморья, в том числе и Северного, для Афин и Афинской державы см.: *Карышковский П. О.* Ольвия и Афинский союз//МАСП. 1960. III. С. 73 и сл.; *Брашинский И. Б.* Понтийская экспедиция Перикла//ВДИ. 1958. № 3. С. 110 и сл.; *Его же:* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 11 и сл.; 56 и сл.; *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства//ВДИ. 1981. № 2. С. 65 и сл.; *Его же:* Политическая история Ольвийского полиса VI—I вв. до н. э. М., 1989. С. 120 и сл.

геллеспонтофюлаков, предназначенная контролировать ввоз из Черного моря зерна и других предметов импорта².

Некоторые исследователи, широко трактуя Понтийский поход Перикла, считают, что он с флотом прибыл также на северное побережье Черного моря, подчиняя здесь греческие города, и включил их в Афинскую державу³. И в связи с этим ученые полагают, что политика Перикла по отношению к Северному Причерноморью существенно не отличалась от политики по отношению к другим основным источникам хлебного снабжения — Сицилии и Египта. Однако, возражая этим ученым, необходимо подчеркнуть, что в отличие от Западного Средиземноморья связи афинян с Северным Причерноморьем не требовали их постоянного здесь присутствия и подчинения здешних греческих городов афинскому господству. Проблема решалась в проливах. Тот, кто их контролировал, бесспорно получал все преимущества от контактов с Северным Причерноморьем.

События же Самосской войны показали, что в то время как Геллеспонт уже прочно находился во власти Афин, их влияние в Боспоре оказалось под угрозой. Понтийская экспедиция Перикла и предусматривала закрепление афинского господства в Боспорском проливе. Установив свой контроль над проливами, афиняне в своих контактах с Северным Причерноморьем считали достаточным ограничиться только дипломатическими каналами, то есть установлением дружественных отношений и союзов с местными царями, династами и греческими городами.

Что же касается Западного Средиземноморья, то афиняне, не имея контроля над морскими путями и встречая сопротивление со стороны Сиракуз, Коринфа и всех пелопоннесцев, в конечном итоге признали необходимым с помощью насильственных военных мер установить здесь свое господство и вытеснить коринфян.

Не менее важным для Афин на дороге в Понт был также район Фракии и Македонии, богатый корабельным лесом и металлами, в том числе и драгоценными (см. Strab. VII. Arg. 34). Вдоль всего побережья, от Халкидики до Византия, были расположены города, подвластные Афинам. Во время Самосской войны здесь было неспокойно, некоторые города отказались платить налог (Hill. Table. 3.III. p. 411). Положение особенно становилось опасным для афинян, поскольку недовольные афинским господством полисы могли получить поддержку в это время от македонян и фракийцев, тем более что отношения афи-

² Надписи с упоминанием этой коллегии (IG. I². 57; 58; Tod. 61; SEG. X. 66; 74; Hill B. 82; 84) относятся к последней четверти V в. Однако это не исключает появления самой коллегии в более раннее время.

³ К дискуссии об этом см.: Брашинский И. Б. Ук. соч. С. 61—62; Виноградов Ю. Г. Ук. соч. С. 126 и сл.

нян как с теми, так и с другими были в первое время после Самосской войны далеко не дружественными (Thuc. II,29; 96—97, 99; Plit.Cim. 14; Strab. X.1.3, p. 445). Поэтому в целях укрепления своего господства на Фракийском побережье афиняне основали две колонии — Брею и Амфиполь. Основание Бреи, имевшее место, по мнению ряда исследователей, вскоре после Самосской войны, возможно, около 438—437 г. нашло отражение в специальном декрете (IG. 1². 45=Tod. 44=SEG. X 34 M 49=Hill, В 55), а также в словарях лексикографов (Hesych S. V. Βρεα (=Kratin. Frg. 395); Steph. Bys. s.v. Βρεα (=Theopomp. Frg. 145)).

Текст декрета позволяет отметить, что этой колонии афиняне придавали огромное значение. По-видимому, она в планах афинян должна была стать бастионом афинского господства в стратегически важном районе фракийского побережья и держать под контролем города Халкидики, которые в период Самосской войны занимали враждебную позицию в отношении Афин. Специально подчеркивалось, что соседние города в кратчайший срок обязаны в соответствии с имеющимися соглашениями прийти на помощь колонистам, если они подвергнутся нападению (сткк. 13—17). В то время как в большинстве других случаев, организация колонии осуществлялась главным образом за счет средств самих колонистов, при основании Бреи государство брало на себя почти все расходы, несмотря на то, что каждый колонист вносил определенный взнос для участия в колонизации (сткк. 1—3). Эту колонию можно считать в полном смысле государственной, ибо контроль Афин проявлялся буквально во всем: от организации колонии, назначения ойкиста, бывшего стратега Демоклида (сткк. 8,34—35), участника Самосской войны (на это указывает афинский декрет о Самосе — сткк.—42), распределения земли до определения тех социальных слоев афинского общества, представители которых могли участвовать в колонизации (феты и зевгиты). Дальнейшая судьба колонии неизвестна, возможно, она, выполнив функцию, прекратила существование после того, как центром афинского господства в этом районе стала Потидея.

Амфиполь возник в 437/6 г. к северо-востоку от Халкидики, на берегу реки Стримон (см. Thuc. IV.102.3, ср. 103.3—3; 106.1; 108.1; Diod. XII.22.3; 68.2; Schol. Aeschin. II.31 (34); Polyaeen. VI.53; Harpocr. s.v. Αμφιπόλις (=Androt. Frg. 33)). Этот район был не менее важен для Афин в стратегическом отношении, чем побережье Фермейского залива, где была основана колония Брея. Афиняне, как уже отмечалось выше, стремились закрепиться здесь еще при Кимоне в 465 г. Однако колонисты были разгромлены фракийцами у Драбеска (Paus. II.29.4—5). Владение этим районом давало большие преимущества, поскольку место было богато лесом, серебром и золотом. Фукидид

(IV.108.1) сообщает, что из Амфиополя афиняне получали значительные денежные доходы, которые, по-видимому, проистекали от контроля за переправой через Стримон. Амфиополь был необходим Афинам и для решения важных стратегических задач. Река Стримон являлась естественной границей между Фракией и Македонией. Именно здесь было больше всего пограничных споров (ср. Thuc. II.95—102). Контролируя переправы через Стримон, афиняне стремились не допустить объединения македонян и фракийцев. Кроме того, Амфиополь на северо-востоке, так же как Брея на северо-западе, служил важным опорным пунктом, позволявшим афинянам удерживать контроль над городами Халкидики.

Население Амфиополя было смешанным. Оно состояло из афинян и граждан соседних городов, членов Афинской лиги (см. Thuc. IV.103.3—4; 106). Этот факт, так же как и выселение в Брею части фетов и зевгитов, свидетельствует о том, что Периклу удалось к середине 30-х гг. с помощью выведения колоний и клерухий сгладить социальную напряженность. По-видимому, в рассматриваемое время в Афинах уже не было избыточного населения, нуждавшегося в земле. Однако, несмотря на смешанный характер населения, колония была афинской и ее основателем был бывший стратег Гагнон, также являвшийся участником Самосской войны (см. Thuc. IV. 102.3, ср. I.117.2).

Не случайно, что основателями колоний Бреи и Амфиополя были бывшие стратеги, участники Самосской войны. Вероятно, выведение этих колоний осуществлялось по заранее разработанному плану и предусматривало осуществление тех стратегических задач, о которых говорилось выше.

Укрепление афинского господства характеризовалось не только расширением границ афинской империи, но и увеличением суммы налога, взимаемого афинянами с подвластных им городов. Так, например, была введена дополнительная приплата к фороосу, так называемая «эпифора», впервые зафиксированная эпиграфическими источниками уже в 440 г. (см. ATL. V. 1. P. 450—453). Некоторые ранее зависимые от других полисов общины были переведены в разряд «автономных» с тем, чтобы взимать с них особый налог $\alpha\lambda\omicron\tau\alpha\epsilon\iota\varsigma$ (Harpocr. s.v. $\alpha\lambda\omicron\tau\alpha\epsilon\iota\varsigma$, ср. ATL. V. 1. P. 455).

2. Культурная экспансия Афин

Характеризуя афинскую культуру периода расцвета в середине V в., обычно подчеркивают ее эстетическое назначение, указывают также на важность демократических преобразований в Афинах, превративших их в центр культурной жизни Эллады.

Между тем расцвет афинской культуры, пропаганда ее до-

стижений во всей Элладе были тесно связаны с процессом становления и развития афинской империи. Так же как возникновение империи было результатом развития афинского полиса и его внешнеполитических устремлений, так и выдающиеся достижения афинской культуры, признание Афин в эллинском мире «школой Эллады» были следствием целенаправленного использования финансовых средств, получаемых афинянами от эксплуатации своих союзников и подвластных городов империи, и преимуществ, которые доставляло Афинам их политическое и военное превосходство.

Афинские политики во главе с Периклом осознавали, что признанной всеми эллинами афинской гегемонии в Элладе нельзя достигнуть только военными средствами или мерами политико-экономического и юридического характера. Этими средствами можно лишь подкрепить и сохранить на определенное время гегемонию. Надежно же она может быть защищена только при условии признания авторитета Афин большинством эллинских полисов. И в этом случае достижения афинской культуры и их пропаганда могли стать более действенным оружием, чем афинский военно-морской флот.

Именно этими идеями, вероятно, и руководствовался Перикл, предпринимая в 449 г. попытку созыва в Афинах общеэллинского конгресса, одной из задач которого был сбор средств на восстановление греческих храмов, сожженных и разрушенных персами (Plut. Per. 17). Осуществление этих целей значительно укрепило бы авторитет Афин в эллинском мире и облегчило бы Афинам путь к утверждению гегемонии в Элладе. Но, как уже отмечалось выше, Периклу не удалось скрыть от пелопоннесских государств истинные цели афинской панэллинской политики.

После этого лидеры Афин во главе с Периклом принимают решение об использовании денег, собранных с союзников для развертывания широкой строительной программы в Афинах⁴. Хотя в нашем распоряжении недостаточный круг источников, тем не менее они относительно разнообразны. Прежде всего это папирусный документ, хранящийся в Страсбурге и содержащий комментарии или его эпитоламу к XXII речи Демосфена, в котором говорится о строительстве Парфенона и Пропилей. Сохранились также декреты о стоимости строительства этих сооружений (Meiggs/Lewis, 59.60). И, наконец, подробное описание строительной программы Перикла дано в его биографии, написанной Плутархом.

О папирусном документе и его содержании речь уже шла выше. Из этого документа следовало, что в 449 г. Перикл вы-

⁴ Более подробно об этой строительной программе см.: Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. М., 1961. С. 110 и сл.; Boersma J. S. Athenian Building Policy. Groningen, 1970. chap. 1, 6, 8; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1971. chap. 14.

двинул декрет, согласно которому деньги, собранные с союзников и хранящиеся после 454 г. в казне богини Афины, предполагалось использовать для финансирования широкой строительной программы.

Плутарх, подробно описывая гражданское строительство, предпринятое Периклом, подчеркивал его непосредственную связь с имперской политикой Афин. Оно должно было не только вызвать восхищение у жителей других государств, но и показать, что разговоры о могуществе Афин и об их древнем богатстве не пустая ложь. Ради этого Перикл не скупился в средствах и стремился осуществить программу в кратчайшие сроки. Он спешил, осознавая неизбежность новой Пелопоннесской войны и ее ускоряющееся развязывание.

Наиболее грандиозными сооружениями были Парфенон и Пропилеи. Парфенон, храм богини Афины, строился в течение 9 лет, с 447 по 438 г., но отделочные работы продолжались вплоть до 432 г. Строительство Пропилей продолжалось 5 лет (437—432 гг.). Трудно сказать, в какую сумму обошлось сооружение Парфенона, так как сохранившаяся надпись не позволяет назвать вполне определенную цифру⁵, постройка же Пропилей стоила к началу Пелопоннесской войны 2000 талантов.

Однако только одного грандиозного строительства, которое бы украсило город и вызвало у жителей других государств наибольшее восхищение, было недостаточно. Широко использовалась пропаганда афинской культуры, т. е. то, что и можно назвать культурной экспансией Афин.

Празднования в честь Афины (Великие Панафинеи) и Диониса (Великие Дионисии), Элевсинские мистерии приобретают общегреческий характер, а для жителей городов, входивших в состав Афинской империи, участие в этих праздниках становилось обязательным.

Стали широко пропагандироваться афинские победы в Греко-персидских войнах. Собственно сам проект реконструкции Акрополя предусматривал превращение его в выдающийся архитектурный памятник, прославляющий великолепие Афин — победителя персов.

Следы энкомия в честь Афин мы встречаем уже в истории Геродота. Он прославляет род Алкмеонидов, к которому принадлежал Перикл (VI.121), подчеркивает величие (VIII.77) и благоразумие (I.60.VIII,3; IX,27) афинян.

Именно в это время Афины начали претендовать на роль борца за свободу и спасителя Эллады и других народов (VIII.3; 142—144; IX.90). Далеко не все поддерживали эти претензии, и Геродот это отмечает, хотя и выступает как апологет и панегирист Афин (VII,139).

⁵ Мейгс и Льюис, комментируя надпись № 59 о стоимости строительства Парфенона, приводят мнение ученых о том, что это строительство могло обойтись в 700—800 талантов,

Еще более ярко идеи культурной экспансии Афин отразил в своем сочинении Фукидид. Он был свидетелем развернувшейся борьбы за гегемонию между Афинами и Спартой в середине V в., поэтому и противопоставлял достижения и важнейшие черты афинской культуры Спарте и пелопоннесцам.

Итак, первое, на что указывает Фукидид, это афинский рационализм, благодаря которому афиняне заранее и целенаправленно готовились к любой акции, в том числе и военной (1.68.3; 69.3).

Далее, характеризуя Афины, он подчеркивает такие черты, отличающие их от пелопоннесцев, как динамизм, открытость, способность к риску и нововведениям (1.70; 71.3). Фукидид, несомненно, имел в виду имперские устремления афинян, включая и их культурную экспансию, когда утверждал, что «они наличными благами наслаждались очень мало, будучи постоянно заняты стремлением к приобретению, и не было для них другого праздника, как выполнить то, что требовалось обстоятельствами, напротив, на праздный покой они смотрели так же, как на утомление без отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь, желая кратко охарактеризовать афинян, сказал, что они рождены для того, чтобы самим не иметь покоя и другим не давать его, он был бы прав» (1.70.8—9).

Наиболее отчетливо идеи превосходства афинской политической и духовной культуры Фукидид устами Перикла изложил в знаменитом энкомии в честь афинской демократии (II.35—46). Эту известную речь Перикла обычно приводят как доказательство оценки и восхваления афинского политического строя сторонниками демократии. Однако главное назначение этого энкомия в пропаганде политических и духовных ценностей среди эллинских государств. Поэтому некоторые мысли этой надгробной речи Перикла, имеющие отношение к теме афинской культурной экспансии, необходимо привести и прокомментировать.

Первая часть энкомия посвящена пропаганде важнейших черт политической культуры афинян. Прежде всего Перикл высказывает главную и общую идею своего суждения, согласно которой «сохранение и укрепление могущества государства достигается поддержанием его постоянно в цветущем и зрелом возрасте» (II.36.3).

Далее он указывает на два главных принципа афинской демократии, делающих ее образцом для других греческих полисов. Это равенство всех граждан перед законом (*ισονομία*) и свобода политической жизни (*ισιγυρία*). Перикл выделяет еще одну очень важную черту афинской политической культуры. Он отмечает, что афиняне, свободные от всякого принуждения в частной жизни, в общественной жизни уважали авторитет за-

конов и должностных лиц, облеченных властью и полномочиями быть блюстителями и исполнителями этих законов (II.37).

После этого Перикл переходит к характеристике и пропаганде важнейших достижений духовной культуры афинян. Он отмечает, что афиняне придавали большое значение праздникам в честь Афины и Диониса и организовывали их как общегреческие торжества, сопровождавшиеся состязаниями и жертвоприношениями. Это и был один из путей укрепления афинского авторитета среди эллинских народов.

Идеи культурной экспансии, как результат имперских устремлений Афин, обнаруживаются и в следующих суждениях Перикла. Он подчеркивает, что афиняне стремились не получать услуг, но сами старались их оказывать, так как считали, что оказавший услугу своим расположением к получившему ее сохраняет в нем чувство признательности (II.40.4). Это и сделало Афины, как утверждает Фукидид устами Перикла, центром просвещения всей Эллады. Таким образом, в этом случае Фукидид указал еще один путь, с помощью которого афиняне добивались ненасилственного признания их авторитета другими эллинскими государствами.

Завершая свою речь, Перикл подчеркивает мысль о том, что Афины достойны гегемонии. Он утверждает, что «из ныне существующих государств только одно афинское не вызывает упрека в подчиненных, что они будто бы покоряются людям недостойным властвовать. Создавши могущество, подкрепленное ясными доказательствами и достаточно засвидетельствованное, Афины послужат», — как считает автор, — «предметом удивления для современников и потомства. Своей отвагой афиняне заставили все моря и все земли стать для них доступными, они везде соорудили вечные памятники содеянного ими добра и зла» (II.41.2—4). Это ли не лучшее подтверждение афинского империализма?

Кратко сформулированные Фукидидом мысли о культурной экспансии афинских духовных ценностей впоследствии развил и углубил Диодор Сицилийский, пользовавшийся кроме Фукидида еще и сочинением Эфора. Ценным источником информации на этот счет может служить приведенная Диодором речь сиракузянина Николая, которую он произнес на собрании, где решался вопрос о судьбе афинских военнопленных, потерпевших поражение после неудачной Сицилийской экспедиции 415—413 гг.

Главная идея, отраженная в речи Николая, заключается в том, что афиняне являлись не только учителями и благодетелями людей, но и творцами цивилизованного образа жизни. В подтверждение этому Диодор приводит, по крайней мере, три важных доказательства.

Так, историк отмечает, что Афины претендовали на то, чтобы их город считался убежищем для претерпевающих страдания (Diod. XII.227). Эти претензии отчасти оправдывались истори-

ческой действительностью. Афины в самом деле давали убежище многим представителям ахейской знати, и впоследствии там был сооружен Алтарь прощения, который получил название «Кроткое милосердие» (Paus. 1.17).

В другом месте Диодор подчеркивает, что «афиняне заслужили уважение и чувство благодарности за их благодеяния людям, поскольку они первыми познакомили эллинов с цивилизованным образом жизни. Они открыли законы, благодаря которым общая жизнь из жестокой и полной насилия превратилась в упорядоченную и справедливую» (XIII.26.2—3).

Наконец, развивая мысль Фукидида, Диодор утверждает, правда, в духе эллинистическо-римских космополитических идей, что Афины являлись школой для всех людей, ибо они приобщали их к священным мистериям и позволяли чужеземцам, живя в городе, обучаться свободным наукам.

Немаловажная роль в деле прославления авторитета Афин в эллинском мире принадлежала современникам Перикла, трагикам Софоклу и (см. его «Эдип в Колоне», «Аякс») и Еврипиду («Просительницы») ⁶.

3. Реакция Спарты и ее союзников на внешнеполитическую активность Афин. Кризис 30-х гг. V в. до н. э. и проблема неизбежности второй Пелопоннесской войны

40—30-е гг. V в. до н. э. были заключительным и решающим этапом в истории афино-спартанских отношений в период Пентеконтаэтии. Поэтому тем более важно рассмотреть сущность кризиса 30-х гг., приведшего к разрушительной Пелопоннесской войне и выяснить, была ли эта война результатом закономерного развития межполисных отношений предшествующих десятилетий или она явилась следствием совокупности случайных факторов. Решение этих вопросов может быть весьма плодотворным, поскольку в нашем распоряжении есть широкий круг источников, которые не столько различаются между собой в трактовке событий, сколько взаимодополняют друг друга.

Как уже отмечалось, античная традиция единодушна в том, что соглашение о тридцатилетнем мире, заключенное между афинянами и лакедемонянами, продолжало оставаться в силе вплоть до Самосской войны. Наиболее отчетливо эта мысль выражена у Диодора (XII.28.4). Таким образом, начало кризиса,

⁶ Эта тема получила достаточно глубокое освещение как в отечественной, так и в зарубежной литературе. См.: История греческой литературы/Под ред. С. И. Соболевского. М., 1846. Т. 1. С. 342; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1977. С. 229 и сл.; *Winnington-Ingram R. D. Sophokles: an interpretation.* Cambridge, 1980; *Knox B. M. W. The Heroic Temper: Studies in Sophoclean Tragedy.* California, 1960; *Murray G. Euripides and his Age.* Oxford, 1913. Repr. 1965.

вероятно, было связано с первыми, по крайней мере засвидетельствованными в источниках, нарушениями договора о мире. Несомненно, когда спартанцы ставили на голосование в конгрессе Пелопоннесской лиги вопрос об оказании помощи восставшим самосцам, они уже не считались с условиями мира. Нарушение условий мира со стороны афинян спартанцы, по-видимому, усматривали в ущемлении ими интересов пелопоннесских союзников (Thuc. 1.118.2). Особенно ярко это обнаружилось вскоре после Самосской войны.

Важнейшими вехами этого кризиса источники называют Коркирские события, или, как их трактует поздняя историография, Коринфская война (Thuc. 1.24—55; 68.4; Diod. XII.30.2—5; 31.2—34.1; Plut. Per. 29.1—4; Aristod. 17); действия афинского стратега Формиона в Амбракии (Thuc. II.68.7—8); события в Потидее и расторжение договора с Пердиккой (Thuc. 1.56—66; 68.4; 71.4; 199.1; 140.3; II.2.1; Diod. XII.34.2—4; 37.1; Aristod. 18; Plut. Per. 29.6); действия афинян в отношении Мерап (Thuc. 1.67.4; 139.1—2; 140.3—4; 144.2; Diod. XII.39.4—5 (=Ephor. Frg. 196); Aristoph. Acharn. 515—539 со схолиями; 532; Pax. 605—611 со схолиями; Plut. Noral. 812d; Per. 29.4; 29.7—31.1; Aristod., 16.1—3; Andoc. III.8; Aeschin. II.175).

Уже античная традиция усматривала тесную связь между явлениями внешнеполитического кризиса и факторами обострения внутриволисных противоречий. Особенно характерно это для Афин, где в 30-е годы активизировалась деятельность оппозиции против Перикла (Diod. XII.39.1—2; Plut. Per. 32.1—5; Aristod. 16.1—2; Arisroph. Pax. 603—605 со схолиями (=Philoch. Frg. 121; Athen. XIII.589e; Diog. Laert. II.5.19).

Относительно трактовки причин возникновения Пелопоннесской войны в античной традиции можно выделить две версии. Первая из них принадлежит Фукидиду, вторая в наиболее концентрированном виде представлена у Диодора и Плутарха. Диодор (XII.38.2—39.3 (=Ephor. Frg. 196)), опираясь главным образом на Эфора, и, возможно, Тимея, представляет Перикла как главного ее виновника. Насколько можно судить по данным Аристофана (Acharn. 530—539) и Плутарха (Per. 30.2.4; 31.1; 32.6), эта версия в основе своей восходит к мнению V в. до н. э., распространенному в кругах, враждебных Периклу. Несомненно, целый ряд деталей этой традиции имеет анекдотический характер (Diod. XII.38.3; Plut. Alcib. 7; Apopht. 186 E; Aristod. 16.4), однако, рассматривая ее в целом, следует отметить в ней и некоторый рациональный смысл. Согласно Диодору (XII.38.4), «Перикл, зная, что в военное время народ прославляет благородных мужей в силу необходимости, а в мирное время на них клеветает вследствие зависти и праздного образа жизни, решил, что самое подходящее для него — вовлечь народ в большую войну, чтобы демос, имея нужду в доблести и руководстве Перикла, не соглашался с обвинениями против него и не распола-

гал ни досугом, ни временем требовать от него тщательного отчета». В этом замечании Диодора удачно подмечена психология афинских граждан и политическая острота момента.

В 40 и 30-е гг. в Афинах наблюдалось обострение внутриполитической борьбы. В конце 40-х гг. Периклу пришлось столкнуться с оппозицией, представлявшей собой организованное олигархическое движение, возглавляемое Фукидидом, сыном Мелесия, зятем Кимона, создавшим тайную политическую гетерию (Plut. Per. II; Arist. Ath. Pol. 28.2.5; Schol. Aristid. XVI.III. p. 446). Именно сторонники Фукидида требовали от Перикла тщательного отчета об истраченных средствах (Plut. Per. 14). Однако Периклу удалось выйти победителем из этой борьбы, и Фукидид, сын Мелесия, был подвергнут остракизму и отправлен в изгнание в 443 г. до н. э. (Plut. Per. 14.3; 16.3; Schol. Aristoph. Vesp. 947; Vita. Anon. Thuc. 7, ср. IG. 1², 911—912=Tod. 45=SEG. X.390).

Новый этап обострения внутриполитической борьбы наметился в конце 30-х гг. В это время оппозиция Периклу была более сложной по своему составу. В ней можно выделить экстремистов, представителем которых был Клеон, консерваторов, возглавляемых Никием, и олигархов, чьим вождем после 433 г. до н. э. стал вернувшийся из изгнания Фукидид. Враги Перикла были недовольны тем, что он в течение десяти лет почти единолично правил Афинами (Thuc. II.65.9; Plut. Per. 15). Сознвая очень высокий авторитет Перикла в государстве, они начали травлю его ближайших друзей и сподвижников; пострадали прежде всего Аспазия, Анаксагор и Фидий. Об этом и рассказывает отчасти Диодор (XII.39.1—2) и более подробно Плутарх (Per. 31—32). Понимая всю сложность внутриполитической обстановки, Перикл надеялся внешнеполитической активностью пресечь внутренние склоки и недовольство. Поэтому он настойчиво призывал афинских граждан к войне со Спартой (Thuc. I.140—144).

Вместе с тем Диодор, излагая причины Пелопоннесской войны, объединил упомянутую выше традицию с сообщением Фукидида, правда, значительно сократив его повествование. Согласно Фукидиду (1.23.5; 88), истинная причина нарушения тридцатилетнего мира и начала войны, хотя на словах наиболее скрытая, состояла в том, что усиление афинян стало внушать опасение лакедемонянам и вынудило их начать военные действия. Касаясь причин войны, о которых говорилось открыто, Фукидид подробно излагает события, связанные с Эпидамном и Потидеей (1.24—66). Хотя Мегарскую псефизму он прямо не называет в качестве третьего повода к войне, тем не менее подчеркивает, что лакедемоняне настойчиво требовали от афинян отмены постановления о мегарянах (1.139.1). Характеризуя отношение Спарты и Афин к войне, Фукидид отмечает попытки спартанцев урегулировать конфликт, хотя претензии к Афинам у них были, так же как и

желание воспользоваться их затруднениями (Thuc. 1.40.5—6; 41.1—3). Однако, когда все большее число союзников стало жаловаться на афинян, они созвали народное собрание, пригласив на него представителей союзных городов, и большинством голосов приняли решение о нарушении афинянами тридцатилетнего мира (Thuc. 1.67—68). Афиняне же, хотя сначала формально старались соблюдать условия мира, тем не менее не хотели упускать удобного случая, когда Коркира обратилась к ним за помощью. После того как отношения афинян со Спартой особенно обострились, и война уже казалась неизбежной, афиняне созвали народное собрание, на котором Перикл убедил граждан не подчиняться лакедемонянам и не бояться войны (Thuc. 1.127.3; 140—144).

Диодор относительно подробно рассказывает о коркирских событиях (XII.30—33), о Потидее (XII.34.37). Так же как и Фукидид, он придает особое значение требованию лакедемонян об отмене Мегарской псефизмы (XII.39.4). Подобно Фукидиду, Диодор говорит о неизбежности войны между ведущими полисами (XII.41.1). Наконец, Диодор с некоторыми сокращениями пересказывает две речи Перикла, объединив их в одну, сообщая о том, что Перикл убеждал афинян не подчиняться лакедемонянам и характеризовал финансовые средства и военные силы Афин (XII.39.5—40, 1—5).

Таким образом, можно сделать вывод, что сообщения Фукидида и Диодора, равно как и сведения других источников, взаимно дополняют друг друга, дают зримую картину начала Пелопоннесской войны и вызвавших ее причин.

Интерпретация этой античной традиции стала предметом дискуссии в историографии нового и новейшего времени⁷.

Со второй половины XIX в. взгляд Фукидида на причины Пелопоннесской войны получил широкое признание. Поэтому в большинстве исследований проводилась мысль о том, что основная причина Пелопоннесской войны — это афинский империализм и обусловленный им страх спартанцев. Однако с конца 50-х гг. наметилась тенденция к пересмотру античной традиции. В этой связи некоторые исследователи (Р. Сили, Д. Кэген и др.), отвергая мнение Фукидида, пытаются реконструировать подлинные, как они считают, причины войны.

Общим для всех отмеченных работ является сомнение в правильности выводов историка. Естественно, возникает вопрос, каким образом Фукидид сумел убедить большинство своих читателей, не только древних, но и современных. Главным средством для этого, как считают исследователи, были подбор одних фактов и умолчание о других, соответствующая система доказатель-

⁷ Подробнее об этом см. нашу статью: *Строгецкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии//ВДИ. 1984. № 4. С. 114—123.

ства и речи, которые свидетельствуют о том, что Фукидид приписывал людям мотивы, идеи и цели, аутентичность которых трудно доказать. Однако, приняв эту точку зрения, мы должны признать, что Фукидид сознательно ставил перед собой цель ввести в заблуждение как своих современников, так и потомков. Но такой вывод едва ли можно считать конструктивным. Он всего лишь рецидив гиперкритицизма. Внимательное рассмотрение той части Введения, где Фукидид характеризует метод своей работы (1.20—23), убеждает нас в том, что Фукидид ставил перед собой более серьезные цели, нежели приписываемые ему некоторыми современными исследователями.

Не лучше обстоит дело с ответом и на другой важный для решения нашей проблемы вопрос. Каким образом и почему Фукидид пришел к соответствующим выводам? Так, например, утверждают, что упомянутый выше вывод Фукидида о причинах Пелопоннесской войны (1.23) был обусловлен его полемикой с популярным представлением о том, что причинами войны были действия Перикла и Мегарская псефизма⁸. Что такой взгляд действительно был известен в Афинах, мы уже говорили, однако Фукидид относился к этому мнению, распространенному в Афинах, и, возможно, в Мегарах, отрицательно и не придавал Мегарской псефизме такого значения, какое имели в его представлении Коркирские и Потидейские события. Тем не менее он считал ее одним из важных факторов в афино-спартанских отношениях.

Другая причина, побудившая Фукидида высказываться соответствующим образом, заключалась в том, что, по мнению исследователей, он, будучи ревностным почитателем Перикла, стремился представить его как проницательного деятеля, способного предвидеть неизбежность войны. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Оценка Фукидидом Перикла, как выдающегося государственного деятеля, общеизвестна, однако она не дает основания говорить о преклонении перед ним историка, тем более, что отношение Фукидида к политической форме правления в Афинах во время Перикла решается в литературе далеко не однозначно.

Только в одном случае исследователи близко подошли к правильному решению вопроса, но говорят об этом мимоходом и с большой долей скептицизма по отношению к Фукидиду. Отмечают, что Фукидид, веря в свойство человеческой природы повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде, стремился показать действие наиболее общих законов, определявших поведение людей. Однако тут же замечают, что хотя в силу этих причин многие ученые сравнивали Фукидида с сов-

⁸ Об этом более подробно см.: *Доватур А. И. Фукидид и Мегарская псефизма Перикла*//ВДИ. 1982. № 1. С. 129—134.

ременными историками, однако он гораздо менее современен, чем Геродот.

Это замечание находится в тесной связи с популярной сейчас в западной историографии античности историко-философской теорией Колингвуда, согласно которой «Фукидид не был последователем Геродота в развитии исторической мысли. Он был человеком, у которого историческая мысль Геродота оказалась задавленной антиисторическими мотивами»⁹. Главное доказательство антиисторизма Фукидида Колингвуд, а вслед за ним и Кэген видят в речах историка, в которых, как они считают, больше выдумки, чем истории¹⁰. Здесь не место рассматривать сложную проблему особенностей речей у Фукидида, хотя мы должны отметить, что немало серьезных работ, в которых эта проблема решается совершенно иначе¹¹. Несомненно, составителем речей был сам историк. Однако не следует отвергать его замечание о том, что, составляя речи, он держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного (Thuc. 1.22.1). Подтверждением этой мысли могут служить «заготовки» многих речей, сохранившихся в VIII книге (см., например, VIII.53.1; 3.55.2; 86.3).

Но даже, если мы согласимся с тем, что риторика в значительной степени снижала достоинства греческой историографии (правда, ее всевластие над ней окончательно определилось только в IV в. до н. э.), тем не менее нельзя не признать значения речей у Фукидида для характеристики взглядов историка и его представлений о политической позиции соответствующих ораторов и политики государств, от имени которых они выступали.

Что же касается исторической концепции Фукидида, то она характеризовалась рядом важных теоретических положений, которых не могло быть и не было у Геродота и без которых было бы немислимо возникновение современной европейской историографии. Если Геродота интересовали прежде всего сами события и он обращался к чувствам людей, то Фукидид воздействовал на их разум и интересовался закономерностями, обусловившими эти события¹². Развиваемые Фукидидом идеи причинности и законосообразности, согласующиеся с его рационалистическим в своей основе мировоззрением, — это, пожалуй, и есть самое важное, без чего суждение Фукидида о причинах Пелопоннесской войны невозможно понять. Если мы признаем Пелопоннесскую войну как результат закономерного процесса развития

⁹ Колингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 31—32.

¹¹ О значении речей, передаваемых Фукидидом, и отражение в них мыслей ораторов. См.: Fritz K. von. Die griechische Geschichtschreibung Bd. 1. Von den Anfängen bis Thukydides. Berlin, 1968. S. 620 ff.

¹² Критические замечания по поводу рассуждений Колингвуда об антиисторизме Фукидида высказал: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 136.

отношений между полисами, то тогда не обнаружим никакого противоречия между общим выводом Фукидида и его анализом конкретных исторических данных.

Проводя различие между истинной причиной войны и теми причинами, о которых с обеих сторон говорилось открыто, Фукидид тем самым утверждает, что Пелопоннесская война явилась результатом взаимодействия главной внутренней и второстепенных внешних причин. Этой диалектики причинно-следственных связей либо не понимают, либо ее отвергают некоторые современные интерпретаторы Фукидида.

Под главной, или внутренней причиной Фукидид понимал укрепление могущества афинской державы. Эту проблему, как мы видим, Фукидид решает, исследуя в своей книге целый ряд факторов, способствовавших усилению Афин. Саму идею возникновения афинской морской державы Фукидид превращает в один из узловых вопросов греческой истории¹³. В этой связи мы считаем неправильным противопоставлять период 445—435 гг. предшествующему времени 478—446 гг., как это делают некоторые современные исследователи. Во-первых, вся античная традиция, начиная с Фукидида (1.66), считала тридцатилетний мир не более чем перемирием, и события последнего предвоенного десятилетия историк не отделял от предшествовавшего периода, в рамках которого рассматривал рост афинского могущества. Во-вторых, как мы уже пытались показать в предыдущих параграфах, примеры экспансии Афин во время этого десятилетия тоже имели место, так что и после заключения мира Афины не прекращали расширять могущество своей державы. В-третьих, консолидация афинской империи, если не предусматривала широкомасштабной завоевательной политики, тем не менее была направлена на усиление Афинской гегемонии, что в любом случае не могло вызывать опасений у Спарты и ее союзников.

Главная, или внутренняя причина войны крылась также в борьбе двух противоположных систем организации общества — демократии и олигархии (ср. Thuc. III.82.1). К середине V в. они перестали быть только формами власти, но превратились в политические течения, способствовавшие созданию двух военно-политических блоков, отличавшихся не только социально-экономическим и политическим развитием, но также образом жизни и образом мыслей¹⁴.

К числу внешних, второстепенных причин Фукидид прежде всего относит события в Эпидамне и Потидее, которые привели

¹³ См.: *Beyer R. Das Proömium des Thukydidēs. Marburg, 1971. S. 47; Невмировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 58 и сл.*

¹⁴ О делении эллинов на два противоположных военных блока вскоре после Греко-персидских войн (см. Thuc. I.18.2—3), о борьбе между олигархией и демократией (Thuc. Passim); о различии образа жизни и образа мыслей между демократией и олигархией см.: (Thuc. II.37—41, ср. Thuc. I.68—71).

к конфликту между Коринфом и Афинами и сделали войну неизбежной. Возражая против этого, некоторые исследователи считают, что события в Эпидамне и Потидее имели совершенно локальный характер и не могли оказать влияние на международные события в Греции. По их мнению, можно было бы избежать конфликта между Коринфом и Афинами, во-первых, если бы коринфяне поступали благоразумно и не руководствовались в своих действиях иррациональными мотивами; во-вторых, если бы Перикл не проявлял к потидеянам неумеренную жестокость, предъявив им ультиматум.

В данном случае исследователи подменяют объективный анализ событий субъективистским рассуждением типа «что было бы, если бы». Так, в действиях Коринфа они не видят никаких других мотивов, кроме мести традиционному противнику и имперского высокомерия в отношении к зарвавшейся в амбициях колонии. Что же касается Афин, то они, как отмечают ученые, не желали подчинения Коринфом Коркиры, так как это привело бы к нарушению равновесия сил между Пелопоннесским и Афинским союзам. Поэтому, поддержав Коркиру, афиняне делали все, чтобы не повредить условиям тридцатилетнего мира и не вовлечь Спарту в этот конфликт¹⁵.

С этим невозможно согласиться. Несмотря на то, что Афины отказались принять Коркиру в союз и заключили с ней лишь эпимахию, тем не менее действия афинян имели вполне имперский характер. Во-первых, учитывая традиционную вражду между Коркирой и Коринфом, достаточно было и эпимахии, чтобы иметь Коркиру вместе с ее флотом на стороне Афинской державы. Во-вторых, попытки афинян локализовать этот конфликт и нейтрализовать Спарту были не столь безобидны. Они имели целью внести раскол в Пелопоннесскую лигу и расстроить коринфско-спартанские отношения, а также закрепить на будущее враждебные отношения между Коринфом и Коркирой (Thuc. 1.44.2). В-третьих, афиняне не хотели упускать из рук Коркиру, имевшую большой флот и удобно расположенную на пути в южную Италию и Сицилию (Thuc. 1.33.1; 36.2.44.3).

В 443 г. афиняне возобновили союзы с Регием и Леонтинами, первоначально заключенные, возможно, в 40-е гг. V в.¹⁶ (ср. Thuc. III.86.2; 88; IV.25.1). К этому же времени относится и отправление Диотима, бывшего стратегом в битве у Сибботских островов, на помощь Неаполю, среди колонистов которого были и афиняне (см. *Lycophr. Alex.* 732—735, *Schol.* 732=Timaios.

¹⁵ В противоположность этому мнению К. фон Фритц (*Fritz K. von*. Op. cit.) придавал этому конфликту весьма существенное значение, считая его едва ли не основным фактором, обусловившим неизбежность Пелопоннесской войны.

¹⁶ О союзе с Регием см.: *IG. I². 51=Tod. 58=SEG X. 48=ML. 63*; О союзе с Леонтинами см.: *IG. I². 52=Tod. 57=SEG 48=ML. 64*; к этому см.: *Meritt B. D. Athenian Alliances with Rhegion and Leontinoi/CIQ.* 1946. Vol. XL. P. 90 ff.

Наконец, в это время афиняне отправили 30 кораблей во главе с Формионом на помощь амфилохам и акарнанам (Thuc. II.68.27—8). Он поработил амбракиотов (колонистов Коринфа, см. Thuc. II.80.3), захвативших амфилохийский Аргос (см. Thuc. II.68.6). В результате этих действий, как говорит Фукидид (II.68.8, ср. 9.4), впервые был заключен союз между афинянами и акарнанами. Это, бесспорно, свидетельствует о стремлении афинян расширить свое влияние в западном Средиземноморье и укрепиться на путях к нему. И конечно же, афиняне осуществляли эту политику с целью получения благоприятных условий для торговли и импорта сицилийского хлеба. Поэтому коринфяне, для которых путь в ю. Италию и Сицилию был жизненно необходим, не могли допустить утверждения в Адриатике, в Акарнании и в районах, прилегающих к выходу из Коринфского залива, господствующего положения Коркиры и расширения афинского влияния. Эти географические районы для Коринфа играли не меньшую роль, чем Геллеспонт и Боспор для Афин.

События в Потидее еще более приблизили развязку. Как уже отмечалось, по мнению Кэгена, конфликт между Коринфом и Афинами мог быть исключен, если бы Перикл действовал более умеренно и не предъявлял ультимативных требований Потидее. Однако для историка гораздо важнее выяснить, почему он действовал таким образом.

Рассматривая в предыдущем параграфе основание афинянами колоний Бреи и Амфиполя, мы пытались показать, что с их помощью они надеялись противостоять македонскому царю Пердикке и держать под контролем города Халкидики. И в этом случае; как следует из источников, Афины стремились утвердить свое господство на фракийском побережье. С этой целью в рассматриваемое время Перикл увеличил форос, вносимый городами Халкидики в казну, причем налог Потидеи и Скионы вырос с 6 до 15 талантов (см. Hill. Table. 3.III.6; II, ср. ATL III.P.64), афиняне разорвали отношения с Пердиккой и стали поддерживать претендентов на македонский престол: его братьев Филиппа и Дерду (Thuc. 1.57; 59.2; 61.3; 62.2, Diod. XII.34.2).

Наконец, афиняне в ультимативной форме потребовали от потидеян, которые, хотя входили в Афинскую архэ, оставались колонистами Коринфа и поддерживали с ним тесные отношения, срыть стены, выдать заложников, отослать эпидемиургов, которых ежегодно присылали к ним коринфяне (Thuc. 1.56—66; 68.4; 71.4; 139.1; 140.3; Diod XII.34.2—4; 37.1; Plut. Per. 29.6; Aristod. 18; Polyaeu. III.4.1). Дело усугублялось тем, что Коринф и македонский царь Пердикка стали подстрекать Потидею, халкидян и ботиэев к восстаниям, которые могли вызвать цепную реакцию. Таким образом, действия афинян в этом случае имели вполне целенаправленный имперский характер. Итак,

коркирские и потидейские события, называемые Фукидидом поводами к войне, сделали ее неизбежной.

Среди тех факторов, которые способствовали расторжению тридцатилетнего мира, Фукидид называет жалобы эгинян в Пелопоннесском союзе на афинян, отказавшихся, вопреки условиям мира, предоставить им автономию (см. Thuc. I.6.7.2; 139.1; 140.3; II.27.1, ср. Plut. Per. 8.7; 29.5; Arist. Rhet. III.10.7. P. 1411 a 15), и мегарян, обвинявших афинян в принятии постановления о недопущении мегарских купцов на афинскую агору и в гавани афинских союзников.

Наиболее острую дискуссию вызвала так называемая Мегарская псефизма. Считая значение Мегарского декрета преувеличением в античной традиции, некоторые современные исследователи не рассматривают его как один из факторов, способствовавших началу Пелопоннесской войны. Они полагают, что декрет явился результатом религиозных противоречий, выразившихся в захвате мегарцами священной земли близ аттических границ. Поэтому они считают, что этот декрет Перикла не преследовал никаких экономических, политических и стратегических целей и не имел прямого отношения к началу Пелопоннесской войны (Ste. Croix D. E. M. de; Kagan D.). Однако, если согласиться с тем, что в Мегарском декрете выражение ἡ Ἀττικὴ

ἀγορὰ имеет не экономический, а гражданско-правовой смысл, то другая часть декрета, где говорится о закрытии для мегарян гаваней во всех афинских владениях, бесспорно указывает на экономическую меру.

Таким образом, постановление о Мегарах вместе с другими факторами способствовало развязыванию войны. И совершенно правильно В. Эренберг в рецензии на книгу Сент Круа (JHS. 1975. V.95. P. 242) указал на необходимость признания того, что вопрос о Мегарах имел гораздо большее значение, чем придают ему Сент Круа и другие, либо, по его мнению, нужно весь рассказ Фукидида рассматривать как «a kind of comedy, a sort of shaw-fighting».

Итак, как мы пытались показать, между изложением Фукидидом последовательно совершавшихся событий и его интерпретацией их нет противоречий, если мы вслед за историком признаем, что Пелопоннесская война явилась закономерным результатом развития межполисных отношений в Греции со времени возникновения Афинского морского союза и была вызвана рядом внутренних и внешних причин.

В заключение необходимо сказать о тенденции, наметившейся в современной литературе, видеть в Спарте виновника войны и уменьшить или даже совсем снять ответственность за ее развязывание с Афин. Прежде всего обратим внимание на интер-

претацию суждения Фукидида об истинной причине войны (1.23.5). Интерпретация этого пассажа не подтверждает получивший распространение в работах западных исследователей вывод о тотальной войне, к которой якобы стремились лакедемоняне, и ограниченной, планы которой вынашивали афиняне. Толкование этого места заставляет также отвергнуть и попытку оправдать Афины, полностью сняв с них ответственность за развязывание войны. Рассмотренный нами материал показывает, что и Спарта, и Афины в равной степени проводили агрессивную политику. Это подтверждается также анализом часто

употребляемого Фукидидом термина *ασφαλεια*, с помощью которого он характеризует политику Спарты и Афин. С точки зрения Фукидида, политика Афин определялась страхом перед возможностью потери своего господства и стремлением обезопасить его путем расширения и укрепления афинского могущества. Эту мысль мы встречаем в речи афинских послов в Спарте в 432 г. (Thuc. 1.75.3—4), но особенно ярко она отразилась в знаменитом диалоге афинян и мелосцев (Thuc. V.85—113).

Что же касается лакедемонян, то принцип безопасности в политике Спарты предусматривал необходимость для нее бороться за сохранение и укрепление своей гегемонии, ибо только таким образом они могли обеспечить жизнеспособность своего внутреннего режима, так как поражение привело бы к потере ею союзников и открыло бы дорогу для проникновения в Спарту демократических порядков. Поэтому Фукидид неоднократно замечает, что ради своей безопасности лакедемоняне установили олигархическое правление в городах Пелопоннеса (1.19; 76.1;

77.6). Исходя из принципа *ασφαλεια*, лакедемоняне, подобно афинянам, стремились укрепить свое господство, действуя по отношению к союзникам с позиции силы (Thuc. 1.77.6). В рассматриваемое время Спарта, учитывая своеобразие отношений, сложившихся в Пелопоннесском союзе, и антииранские выступления, в борьбе против Афин взяла на вооружение лозунг освобождения эллинов от афинского господства (Thuc. 1.139.3, ср. 1.126.1). Однако этот лозунг имел мало общего с подлинной свободой греческих полисов и, как показали события Пелопоннесской войны, служил лишь прикрытием для собственно спартанских, имперских и гегемонистских устремлений. Поэтому различия во внешней политике Спарты и Афин скорее всего имели внутривидовой характер. По мере расширения и укрепления Афинской архэ лакедемоняне, осознав, что их власть не статична и, если она не расширяется, то способна сокращаться, не стали медлить и приняли решение начать войну с афинянами.

В связи с этим необходимо охарактеризовать речи Архидамы и Сфенелаида в Спарте (Thuc. 1.80—85; 86). Современные исследователи рассматривают их либо как отражение борьбы мирной (Архидам) и военной (эфор Сфенелаид) партий в Спар-

те (Kagan D., Ste Croix G. E. M. de, Lewis D. M.), либо как доказательство конфликта эфората и царской власти (Finley J. H.). По-видимому, можно говорить о противоречии между эфоратом и царской властью в это время лишь по тактическим вопросам внешней политики, а о серьезном конфликте между ними свидетельств в источниках нет. Вместе с тем следует отметить, что Фукидид, передавая речь Сфенелаида, сознательно сохранил ее высокомерный тон и нежелание эфора утруждать себя аргументами. Тем самым историк подчеркнул господствующее положение и непререкаемый авторитет эфората, что, как мы уже отметили выше, вполне соответствовало действительности.

Однако речи Архидама и Сфенелаида показывают, что спартанцам предлагался выбор не между миром и войной, но между войной подготовленной и безотлагательной. Речь Архидама свидетельствует о том, что он отнюдь не был «голубем». Она является примером рассудительного, знающего толк в войне полководца, каковым в действительности он и был. Архидам фактически призывал к политике сдерживания афинян и энергичной подготовке к войне с ними, причем для этого предлагал использовать все средства, включая и союз с варварами (Thuc. 1.82.2)¹⁷. В ходе войны эта идея была воплощена в жизнь (см. Thuc. VIII.18; 37; 58, ср. II.67.1). Восторжествовало же мнение эфората, боявшегося недовольства союзников и стремившегося им угодить (см. Thuc. 1.86.1—4). Здесь в полной мере проявилась специфика Пелопоннесского союза, в котором Спарта, хотя и играла руководящую роль, но вынуждена была не только считаться с интересами своих союзников, но иногда и действовать под прямым их давлением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании рассмотренных нами материалов можно прийти к следующим выводам. После решающего этапа Греко-персидских войн возникли существенные изменения в межполисных отношениях. Полицентрическая структура, характеризовавшаяся наличием множества автономных греческих государств, сменилась дуалистической структурой, отличавшейся противоборством двух могущественных полисов Спарты и Афин. Как вытекает из сообщения Фукидида (1.18.2—3), элины после образования наряду с ранее существовавшим Пелопоннесским союзом, возглавляемым лакедемонянами, нового объединения — Афинского морского союза, — возглавляемого афинянами, разделились на два противоположных военно-политических блока.

Ослабление персидской угрозы выдвинуло на передний план проблему межполисных отношений. И в этой связи противостояние Афин и Спарты было неизбежным. Эти полисы, отличавшиеся внутренней социально-экономической структурой и политическим строем, выступали выразителями двух тенденций — демократической и олигархической как в области внутренней, так и внешней политики.

Война как средство обеспечения объективных условий существования спартанской общины, а также защиты и увековечения завоеваний территорий и порабощения живущего на них населения, была главным фактором социально-экономического и политического развития спартанского государства. С этим была тесно связана и другая отличительная черта спартанского общества, заключающаяся в том, что процесс формирования античной общинной и государственной собственности доведен был у спартанцев до логического завершения и у них относительно рано были приняты законы, в течение длительного времени препятствовавшие более или менее свободному развитию товарно-денежных отношений и частной собственности.

Поэтому социальная структура спартанского государства отличалась относительной однородностью гражданского коллектива, в котором аристократия вынуждена была согласиться на отмену ее привилегий и политического господства. Политическая организация спартиатов характеризовалась установлением такого государственного строя, при котором господствующее положение занимала консервативно-олигархическая правящая политическая группа эфоров и геронтов, строго следившая за тем, чтобы сложившийся общественно-политический порядок не нарушался.

Этот путь развития превратил Спарту в полицейское государство, в котором свободная политическая жизнь была подменена принуждением и подозрительностью во взаимных отношениях граждан; динамичная внутренняя и внешняя политика, открытая для экспериментирования и отличающаяся быстротой в замыслах и в осуществлении принятых решений, менее всего характеризовала Спарту. Спартанская внутренняя и внешняя политика, антиираническая по своей природе, в основном отличалась консерватизмом, медлительностью, стремлением сохранить достигнутое и существующее и всегда с готовностью противостоят восстанию илотов.

Однако по мере роста афино-спартанских противоречий, а также складывания благоприятной внутривнутриполитической ситуации как в Спарте, так и в Пелопоннесском союзе, ее политика становилась все более агрессивной и не исключала имперских и гегемонистских устремлений.

Своеобразие социально-экономической и политической структуры спартанского общества накладывало соответствующий отпечаток и на содержание внутривнутриполитических отношений. В отличие от большинства греческих полисов, в том числе и Афин, где в рассматриваемое время наблюдалось противоборство демоса и аристократии, обусловленное тем, что здесь товарно-денежные отношения развивались более свободно и способствовали более глубокой дифференциации граждан, в Спарте же политическая борьба проявлялась в форме конфликта между эфоратом и герусией, с одной стороны, и царской властью — с другой. Эфорам и геронтам, которые являлись официальными представителями и защитниками спартанского государства, обычно противостояли наиболее энергичные и самостоятельные цари и командующие, стремившиеся освободиться из-под их жестокого контроля.

Важнейшими факторами, воздействовавшими на формирование и эволюцию афинского полиса, были договор и связанный с ним синойкизм, географические условия, благоприятствующие занятию ремеслом, торговлей и мореплаванием, и колонизация, повлиявшая на развитие товарно-денежных отношений и частной собственности. Эти факторы способствовали росту городской экономики Афин, социальному расслоению и усилению противоречий между демосом и аристократией. На этом пути развития исторически закономерными были реформы Клизфена, учредившие демократическую конституцию в Афинах.

В то время как в Спарте сложившееся олигархическое правление имело тенденцию к застою и консервации, афинский демократический строй характеризовался постоянным развитием, совершенствованием и созданием к середине V в. предпосылок для победы радикальной демократии. Олигархия и демократия, возникшие как формы политической власти, с середины 70-х гг. превратились в два противоположных по своему содержанию

общественно-политических течения в Элладе, которые оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Спарты и Афин. Правда, борьба демократических и олигархических тенденций, выступающая в конфронтации двух ведущих государств Греции, иногда отступала на второй план, когда речь шла о политической выгоде той или иной стороны (ср. терпимое отношение Спарты к демократической форме правления в Элиде и Мантинее; Афины до некоторого времени сохраняли олигархические режимы у таких своих союзников, как Милет, Самос, Хиос, Лесбос).

В рассмотренных нами событиях отразилось столкновение двух характерных для античного общества тенденций партикуляризма и стремления к федерации. Мелкие греческие полисы, как бы ни дорожили своей независимостью, не могли в тех условиях отстоять свою самостоятельность и были вынуждены пользоваться поддержкой того или иного могущественного государства порой даже дорогой для себя ценой (ср. положение Мегар после вхождения в Афинский морской союз). Эта тенденция отчетливо проявилась после окончания решающего периода Греко-персидских войн, когда угроза со стороны Востока была в основном снята, а гегемониальные симмахии продолжали существовать и развиваться. Неизбежное в этих условиях угнетение союзников государствами-гегемонами сочеталось с представлением им некоторых привилегий и с экономическими, политическими и военными выгодами от вхождения в состав сильных и влиятельных союзов.

Различие между этими союзами подобно различию между самими полисами-гегемонами сыграло существенную роль в греческой истории. Консерватизм и традиционализм спартанской общественно-политической системы, для которой характерным было тождество обычаев и законов, не способствовали развитию в Пелопоннесском союзе стройной политической структуры и правовых норм. В Спарте в силу своеобразия социально-экономической структуры и связанного с этим медленного развития товарно-денежных отношений и дифференциации общества не было такой социальной категории граждан, которая была бы заинтересована экономически в эксплуатации союзников. По этой причине составлявшие Пелопоннесский союз в большинстве своем олигархические полисы обладали значительной долей автономии и свободы.

Афинский морской союз объединял главным образом демократические полисы, имевшие динамичный характер общественных отношений, а также более дифференцированную и менее консервативную структуру. По этой причине, а также под влиянием афинской демократической конституции с ее четким различием между обычаями и законами и достаточно развитой системой судопроизводства оформилась союзная конституция, основные положения которой отразились в общем договоре меж-

ду афинянами и их союзниками. Поддержка гегемонистской политики Афин в союзе основной массой афинских граждан была обусловлена их надеждой на получение экономических, политических и других выгод от эксплуатации союзников. Неудивительно поэтому, что в условиях более совершенной конституции Афинского морского союза Афины, укрепляя в нем свою гегемонию и превращая его в афинскую морскую державу, оказывались гораздо чаще перед необходимостью нарушения автономии и свободы союзников, чем Спарта в условиях традиционной структуры Пелопоннесской лиги.

Рост противоречий между Пелопоннесским и Афинским морским союзами и усиливающееся противостояние демократии и олигархии привели к окончательному разрыву отношений между Спартой и Афинами и развязыванию так называемой первой Пелопоннесской войны.

У обоих ведущих полисов Греции были гегемонистские цели, но по-разному выраженные. Если в борьбе за господство в Элладе Афины выступали, как правило, по своей инициативе, опираясь на добровольную или вынужденную поддержку своих союзников, то Спарта нередко действовала, руководствуясь интересами и прямым давлением членов Пелопоннесского союза (ср. давление, оказываемое на Спарту Коринфом, Мегарами, Эгиной, накануне Пелопоннесской войны 431—404 гг.).

В борьбе Афин и Спарты за гегемонию в рассматриваемый период нашли свое воплощение основные закономерности античного рабовладельческого общества, для которого экспансия являлась основой существования.

В ходе войны Спарта упрочила свое господство в Пелопоннесе и центральной Греции, и в самом лакедемонском государстве усилилась власть консервативно-олигархической группировки эфоров и геронтов. В Афинах война способствовала укреплению позиции радикально-демократических кругов. В ходе войны в результате реорганизации Афинского морского союза и преодоления возникшего в нем кризиса, вызванного восстаниями ряда его членов, завершилась трансформация союза в Афинскую империю, в которой ранее автономные союзники превратились в города, подчиненные афинянам. Вместе с тем следует отметить, что сочетание центростремительных и центробежных тенденций во внешнеполитической истории Греции V в. до н. э. при некотором преобладании последних не могло в тех исторических условиях привести к созданию территориально целостного единого государства. И даже в достигшей своего могущества к 30-м гг. V в. до н. э. Афинской империи сохранялись значительные элементы самостоятельности, по крайней мере, во внутренних делах входивших в нее полисов.

Ни Спарта, ни Афины не добились в этой войне осуществления своих конечных целей. Война лишь обнажила непримиримые противоречия между ними. Период после заключения трид-

цатилетнего мира характеризовался дальнейшим нагнетанием напряженности между двумя военно-политическими блоками. В эти годы афиняне продолжали осуществлять меры, направленные на укрепление своей империи.

Кроме того, они не отказывались от политики расширения и укрепления своего влияния и могущества в различных районах Эллинского мира, в Западном Средиземноморье, в Понте, во Фракии и Адриатике. Своими действиями афиняне стремились внести раскол в Пелопоннесскую лигу и расстроить коринфско-спартанские отношения. Со своей стороны лакедемоняне, основываясь на принципах своей антитиранической политики, активно выступали против афинской империи, требуя от Афин предоставления свободы союзникам. Вместе с тем, лакедемоняне, стремясь к укреплению безопасности и широко используя охранительные тенденции в политике, целью которых было недопущение установления демократических порядков как в самой Спарте, так и в Пелопоннесе, и центральной Греции, старались сохранить и упрочить свое господство. Взяв на вооружение лозунг свободы эллинов, они, как показали дальнейшие события, рассматривали его как ширму для прикрытия своих собственных имперских и гегемонистских целей.

Борьба за гегемонию в Греции, развернувшаяся с большой силой в период Пентеконтаэтии, в плане исторической перспективы не могла принести окончательной победы ни той, ни другой стороне. Об этом красноречиво свидетельствует последовавшая вскоре Пелопоннесская война 431—404 гг., явившаяся закономерным результатом развития межполисных отношений предшествующих десятилетий, а не следствием совокупности случайных факторов, как это утверждают современные западные ученые.

Война как средство разрешения непримиримых межполисных отношений, несомненно, способствовала укреплению и достижению высшей степени самовыражения олигархии и демократии — этих двух противоположных эллинских общественно-политических течений и обусловивших их форм власти, совершенствованию структуры межполисных отношений как в афинской империи, так и в Пелопоннесском союзе. Однако война не являлась творческим позитивным фактором, ибо, способствуя совершенствованию политических форм власти и структуры межполисных отношений, она, во-первых, нацеливала их не на созидание, а на разрушение; во-вторых, приводила их к вырождению, к потере полисами их автономии и свободы. Это особенно ярко обнаруживалось в ходе Пелопоннесской войны.

Наконец, необходимо также подчеркнуть, что весь рассмотренный нами материал не только раскрывает объективные закономерности развития спартанского и афинского полисов и причины конфронтации между ними и возглавляемыми ими союзами, но и открывает перспективы исследования таких важ-

ных вопросов международных отношений, как соотношение внутренней и внешней политики государств, происхождение захватнических и агрессивных войн, особенности взаимоотношений и борьба государств с различным общественно-политическим строем.

Диодор Сицилийский «Историческая библиотека». Перевод и комментарий отдельных глав XI—XII книг

Диодор Сицилийский, историк I в. до н. э. — I в. н. э., автор сочинения «Историческая библиотека» в 40 книгах. Это одно из немногих сочинений эллинистического времени, которое сохранилось в значительной части. В нем излагаются события с мифологических времен до середины I в. до н. э. Его информация опирается на ценные, к сожалению, большей частью утраченные источники.

Перевода Диодора на современный русский язык не существует. Единственный русский перевод «Исторической библиотеки» Диодора на русский язык был выполнен в 1774—1775 гг. Перевод, осуществленный И. Алексеевым, теперь уже непонятен сегодняшнему читателю и стал библиографической редкостью. Кроме того, автор очень вольно передал текст оригинала.

История классической Греции излагается Диодором в XI—XV книгах. Мы предлагаем читателю свой перевод отдельных глав XI—XII книг Диодора, в которых сообщаются сведения об афино-спартанских отношениях, о возникновении афинской империи и о важнейших чертах афинской имперской политики. Перевод сопровождается комментарием.

Диодор (XI книга)

Рост Афино-спартанских противоречий и образование Делосской симмахии

Глава 37

1. Греки во главе с Леотихидом и Ксантиппом, поплыв на Самос, приняли в союз ионийцев и эолийцев и после этого убеждали их, покинув Азию, переселиться в Европу. Они обещали им, что, изгнав тех эллинов, которые выступали на стороне персов, дадут им их землю. 2. В целом греки напоминали им, что если они останутся в Азии, то их соседями будут враги, располагающие очень большими силами. Что касается заморских союзников, то они им не смогут оказать своевременную помощь. Эолийцы и ионийцы, услышав обещания, решили подчиниться эллинам и стали готовиться к отплытию вместе с ними в Европу. 3. Афиняне же, изменив мнение, советовали остаться, говоря, что если кто из других эллинов и может им предоставить помощь, то только афиняне, находящиеся с ними в родстве. Они считали, что ионийцы, переселенные сообща эллинами, уже более не будут признавать Афины метрополией. Поэтому получилось так, что ионийцы передумали и решили остаться в Азии. 4. Когда это произошло, силы эллинов также разделились, и

лакедемоняне поплыли в Лаконику, а афиняне вместе с ионийцами и жителями островов отправились в Сест. 5. Стратег Ксантип, тотчас же по прибытии предприняв атаку на город, взял Сест, и, установив в городе гарнизон, отпустил союзников, а сам вместе с гражданами возвратился в Афины. 6. Итак, война, названная Мидийской и длившаяся в течение двух лет, закончилась¹. Из историков Геродот, начав рассказ с Троянских времен, в 9 книгах сообщил о событиях, происходивших почти во всем мире, и закончил свою историю описанием битвы при Микале и осады Сеста.

Глава 39

1. В Элладе после победы при Платеях афиняне возвратили в Афины из Трезена и Саламина женщин и детей и тотчас же стали обносить город стеной и делали все необходимое для укрепления его безопасности. 2. Лакедемоняне, будучи свидетелями того, что афиняне в морских сражениях снискали себе огромную славу, подозрительно относились к росту их могущества и пытались помешать им строить стены. 3. Итак, они тотчас отправили в Афины послов, которые должны были словом убедить афинян не строить в настоящий момент стены вокруг города, чтобы не принести несчастья эллинам. «Ведь если Ксеркс», — говорили они, — «снова появится с более многочисленными войсками, чем прежде, он получит за пределами Пелопоннеса укрепленные города, пользуясь которыми, легко покорит эллинов. Однако поскольку они не повиновались, послы, подойдя к строителям, приказали как можно быстрее прекратить работу». 4. Когда афиняне недоумевали, что нужно делать, Фемистокл, пользующийся тогда у них большим влиянием, советовал сохранять спокойствие, ибо, если будут сопротивляться, лакедемоняне вместе с пелопоннесскими войсками легко помешают им укреплять город. 5. В совете однако тайно сказал, что сам вместе с некоторыми другими отправится в качестве посла в Лакедемон, чтобы дать отчет лакедемонянам о строительстве, архонтам приказал, когда из Лакедемона придет посольство в Афины, задерживать его до тех пор, пока сам из Лакедемона не возвратится. В течение же всего этого времени требовал общими усилиями укреплять город и, таким образом, считал, что они выполняют свое намерение.

Глава 40

1. После того, как афиняне выразили свое согласие, послы во главе с Фемистоклом отправились в Спарту, а афиняне с большим энтузиазмом стали возводить стены, не щадя ни зданий, ни гробниц. Работой были охвачены и женщины, и дети, и

вообще всякий чужеземец и раб, причем никто не уступал друг другу в усердии. 2. Когда дела удивительно быстро подвигались к концу, благодаря множеству рабочих рук и всеобщему усердию, Фемистокл, вызванный эфорами и подвергнувшийся упрекам из-за того, что афиняне продолжали возводить укрепление, отрицал строительство стен и призывал эфоров не верить пустым слухам, но отправить в Афины наиболее заслуживающих доверия послов и тогда, благодаря им, узнают истину. Себя же вместе с остальными членами посольства отдал в качестве поручителей за них. 3. Лакедемоняне, поверив ему, членов посольства во главе с Фемистоклом взяли под стражу, в Афины же послали самых знаменитых наблюдателей, которым было приказано разузнать все необходимое. Когда прошло время и афиняне успели соорудить стену на достаточную высоту, лакедемонских послов, прибывших в Афины и выразивших свое недовольство угрозами и оскорблениями, они арестовали, заявив, что отпустят лишь тогда, когда лакедемоняне освободят Фемистокла и остальных членов афинского посольства. 4. Таким образом, побежденные хитростью лаконцы, вынуждены были освободить афинское посольство, чтобы вернуть свое. Фемистокл же, с помощью такой стратегемы быстро и безопасно укрепив родной город, добился выдающейся славы у граждан.

Глава 41

1. Когда этот год закончился, в Афинах архонтом стал Ади-мант, а в Риме консулами были избраны М. Фабий Вибулан и Люций Валерий Публий. В это время Фемистокл, благодаря искусству стратега и проницательности, получил известность не только у граждан, но и по всей Элладе. 2. Поэтому-то воодушевленный славой, он вынашивал еще более грандиозные замыслы, предусматривающие укрепление гегемонии его родного города. Поскольку Пирей в то время еще не был гаванью, но в качестве стоянки для судов афиняне пользовались так называемым Фалериком², и так как эта стоянка была слишком мала, Фемистокл решил построить порт в Пирее, который, как он считал, без больших затрат может стать прекрасной и величайшей гаванью в Элладе. 3. Итак, он надеялся, присоединив Пирей к Афинам, сделать город способным бороться за господство на море. Афины владели тогда большим числом триер, имели опыт ведения морских сражений и прославились благодаря достигнутым в них победам. 4. Кроме того, он полагал, что ионийцы по причине родства поддержат афинян и с их помощью они освободят и других эллинов в Азии, которых можно будет благодарениями склонить на свою сторону, и что все островитяне с готовностью присоединятся к ним, будучи напуганы могуществом морских сил афинян, которые могут принести как разрушение,

так и помощь. 5. Также он видел, что, хотя лакедемоняне располагают хорошо подготовленными сухопутными силами, сражаться же на море они совершенно не способны.

Глава 42

1. Обдумав все это, Фемистокл решил не говорить открыто о планах, зная точно, что лакедемоняне будут всячески препятствовать их осуществлению. Поэтому, выступив на собрании перед гражданами, он сказал, что желает стать для города советником и инициатором больших и полезных дел. Однако более ясно охарактеризовать их отказался, считая, что об этих планах подобает знать лишь немногим людям. Поэтому он просил демос избрать двух человек, которым афиняне оказывают наибольшее доверие, и поручить им познакомиться с существом дела. 2. Когда большинство согласилось с ним, демос избрал двух человек: Аристида и Ксантиппа, отдав им предпочтение не только по причине их доблести, но и потому, что они были соперниками Фемистокла в достижении славы и первенства и относились к нему недоброжелательно. 3. Услышав лично от Фемистокла о его замысле, они объявили народу, что сказанное Фемистоклом предвещало городу величие, пользу и могущество. 4. Так как народ восхищался этим человеком и вместе с тем боялся, как бы он с помощью таких и столь великих замыслов не установил тиранию, то требовал, чтобы он ясно рассказал о своих планах. Фемистокл же снова сказал, что не принесет пользы народу открытое разъяснение его планов. 5. После того как народ еще больше был изумлен мощью и величием ума этого человека, потребовал, чтобы он тайно изложил свои мысли в совете, и если совет решил бы, что то, о чем он говорит, необходимо и полезно, то пусть бы тогда посоветовал, как осуществить его замысел. Поэтому, когда эти дела стали известны совету в деталях, и он постановил, что сказанное Фемистоклом необходимо и полезно для города и, наконец, после того как демос вместе с советом пришли к единому мнению, он получил право делать то, что желает. Каждый покидал народное собрание, восхищаясь доблестью этого человека и вместе с тем будучи взволнованным и напряженно ожидающим осуществления его плана.

Глава 43

1. Фемистокл, получив право на осуществление своих замыслов и имея все необходимое для того, чтобы приняться за работу, снова решил перехитрить лакедемонян. Он, несомненно, знал, что как и в случае укрепления города стеной, лакедемоняне старались помешать, так и при сооружении гавани они попытаются воспрепятствовать афинянам в осуществлении их намере-

ния. 2. Фемистокл решил отправить в Спарту послов, которые должны были объяснить, насколько полезно, с точки зрения общегреческих интересов, иметь крупную гавань ввиду предстоящего похода персов. Таким образом, притупив подозрительность лакедемонян и не позволив им помешать осуществлению его планов, сам взялся за дело и, благодаря ревностному труду, строительство гавани было закончено в удивительно короткий срок. 3. Он убедил народ к имеющимся кораблям ежегодно добавлять еще по 20 триер, метеков же и ремесленников освободить от налогов, чтобы большая масса людей прибыла отовсюду в город и они с охотой стали бы заниматься многими ремеслами. И то и другое он считал будет полезным для создания морского могущества. Итак, афиняне занимались осуществлением этих планов.

Глава 44

1. Лакедемоняне, назначив Павсания, который командовал войсками в битве при Платеях, навархом, приказали ему освободить эллинские города, в которых еще стояли варварские гарнизоны. 2. Он, взяв 50 триер из Пелопоннеса, 30 триер, присланных афинянами под командованием Аристиды, сначала поплыл на Кипр и освободил те города, которые еще имели персидские гарнизоны. После этого, поплыв в Геллеспонт, он захватил Византий, управляемый персами, и одних варваров истребив, других изгнав, освободил город³. Захватив в Византии многих знатных персов, передал их под охрану Гонгилу из Эретрии на словах для осуществления казни, на деле же для возвращения их Ксерксу. Он так поступил потому, что находился в тайной дружбе с царем и намеревался взять в жены дочь Ксеркса, чтобы предать Элладу. 4. Посредником же во взаимоотношениях Павсания с царем был персидский стратег Артабаз. Он тайно доставил Павсанию много денег, чтобы с их помощью подкупить склонных на это эллинов. Это обнаружилось, и Павсаний следующим образом был наказан. 5. Поскольку он подражал персидской роскоши и относился к подчиненным как тиран, все страдали от этого и особенно те из эллинов, которые были назначены на какую-либо командную должность. 6. Поэтому, когда в самой войске, а также в отдельных общинах и в городах люди встречались друг с другом и жаловались на гнет Павсания, пелопоннесцы, оставив его, поплыли на родину и отправляли в Спарту посольства с обвинениями в его адрес. Аристид же, афинянин, умело используя обстоятельство, устраивал в городах совещания и, благодаря личным связям, склонил их на сторону афинян. Еще более афинянам помог случай, обусловленный следующими причинами.

1. Павсаний заботился о том, чтобы те, которые доставляли от него письма к царю, не возвращались обратно и не смогли разоблачить его тайну. По этой причине, поскольку получатели писем уничтожали вестников, то никто из них благополучно не возвращался. 2. Обдумав это, некий письмоносец распечатал письма и узнав истину, а именно то, что касалось убийства доставителя грамот, передал письма эфорам. 3. Поскольку они не поверили, так как письма он передал им распечатанными и требовали более серьезного доказательства, этот человек пообещал им, что в качестве улики представит собственное признание Павсания. 4. Поэтому, отправившись в Тенар⁴ и войдя в храм Посейдона, он поставил двойную палатку и скрыл эфоров и других спартиатов. Когда же явился к нему Павсаний и спросил его о причине приглашения, этот человек стал порицать его за то, что он требовал в письме его убийства. 5. После того, как Павсаний признался, ракаялся, просил прощения, умоляя его хранить тайну и обещая ему за это щедрые дары, они разошлись. Эфоры и те, которые были с ними, в точности узнав истину, тогда ничего не предпринимали. Позже, когда эфоры получили поддержку лакедемонян, Павсаний, предчувствуя беду и желая ее предупредить, бежал в храм Афины Меднодомной. 6. В то время как лакедемоняне были в затруднении: наказывать ли нашедшего убежище в храме богини, мать Павсания, как сообщалось, подойдя к святилищу и ни слова не говоря, взяла кирпич и положила его у входа в храм. 7. Сделав это, она вернулась к себе домой. Лакедемоняне, следуя решению матери, замуровали вход и, таким образом, Павсаний был обречен на голодную смерть. Итак, решено было тело умершего передать для погребения родственникам, однако божество разгневалось из-за умерщвления в храме ищущего спасения. 8. Поэтому, когда лакедемоняне по какому-то другому поводу в Дельфах вопрошали оракула, бог дал прорицание, требуя возвратить богине умоляющего о защите. 9. Вследствие этого спартиаты, считая, что прорицание не осуществимо, в течение долгого времени были в недоумении, не зная, каким образом исполнить повеление бога. Тем не менее, посоветовавшись, приняли решение приготовить две медных статуи Павсания и посвятили их в храм Афины.

1. Мы, имея обыкновение возвеличивать благородных мужей похвальными речами и высказывать соответствующие порицания по адресу тех, кто поступает дурно, не оставим зло и предательство Павсания без осуждения. 2. Ведь кто не удивился бы благоразумию того человека, который, став благодетелем Эл-

лады, одержав победу в битве при Платеях и совершив много других похвальных дел, не только не сохранил заслуженный авторитет, но, полюбив богатство и роскошь персов, опозорил некогда благородное имя? 3. Гордясь успехами, он впал в высокомерие и, возненавидев лаконский образ жизни, стал подражать персам в роскоши и распущенности, хотя он менее всего должен был следовать обычаям варваров, потому что не от других слышал, но сам испытал на опыте, насколько отеческий образ жизни по причине своего нравственного превосходства отличается от распущенности персов. 4. Однако не только он сам в результате собственного порока понес достойное наказание, но и для граждан стал виновником потери господства на море. В сравнении с ним стратегия Аристиды по отношению к союзникам, благодаря мягкости его обхождения с подчиненными и честности, привела к тому, что они все как бы единым порывом склонились в пользу афинян. Поэтому-то с посланными из Спарты военачальниками афиняне уже более не считались, но, восхищаясь Аристидом и во всем ему с готовностью подчиняясь, они без всякой борьбы захватили господство на море.

Глава 47

1. Итак, тотчас Аристид стал советовать всем союзникам, собравшимся на совещание, установить на Делосе общую казну и внести в нее все собранные деньги⁵, а для предполагаемой войны против персов на все города с учетом возможности каждого он наложил форос⁶, так что вся сумма собранных средств составляла около 560 талантов. 2. При раскладке фороса он поступал настолько точно и справедливо, что все города получили удовлетворение. Поэтому-то, преуспев в осуществлении дел, которые казались невыполнимыми, он был удостоен величайшей похвалы и получил прозвище СПРАВЕДЛИВЫЙ. 3. Таким образом, в одно и то же время подлость Павсания привела к потере для граждан господства на море, доблесть же Аристиды предоставила Афинам ту власть, которой они раньше не имели. Итак, такие события произошли в этом году.

Глава 50

1. В архонтство в Афинах Дромоклида римляне избрали в качестве консулов Марка Фабия и Гнея Манлия. В это время лакедемоняне, столь неразумно лишившиеся гегемонии, переживали тяжелый момент. Поэтому к отпавшим от них эллинам они относились враждебно и грозились подвергнуть их соответствующему наказанию. 2. Герусия, собравшись, обсуждала вопрос о войне против афинян за возвращение гегемонии на море. 3. Точно так же этот вопрос стоял и на созванном общем

народном собрании. Молодежь и многие другие ревностно ратовали за восстановление гегемонии, считая, что, если это сделают, получат много денег, и вообще Спарта станет великой и более могущественной и каждому дому в отдельности это принесет большое процветание. 4. Вспомнили и о древнем предсказании, в котором бог им советовал заботиться о том, чтобы у них не было хромой гегемонии. Поэтому говорили, что предсказание указывает на ту гегемонию, которую имеют в настоящее время, потому что хромая у них будет власть, если из двух гегемоний одну потеряют⁷. 5. Когда в пользу этого предложения высказались почти все граждане и когда герусия стала совещаться по поводу этих дел, никто не думал, что кто-нибудь осмелится советовать что-либо другое. 6. Тем не менее один из геронтов по имени Этоймарид, происходивший из Гераклидов и по причине своей доблести пользующийся большим авторитетом у граждан, советовал, чтобы спартиаты уступили гегемонию на море афинянам, говоря, что не подобает Спарте вести спор из-за господства на море. Высказываясь в пользу этого мнения и приведя соответствующие аргументы, он вопреки ожиданию убедил герусию и народ. 7. Итак, лакедемоняне, решив, что Этоймарид дал полезные для Спарты советы, отказались от своего намерения воевать с афинянами. 8. Афиняне, предполагая сперва, что будет большая война с лакедемонянами за господство на море, стали строить больше триер, собирали деньги и дружески обращались с союзниками. Когда стало известно о решении лакедемонян, они освободились от страха войны и все силы направили на укрепление своего города.

Глава 54

1. В архонтство в Афинах Праксиерга в Риме консулами стали Авл Вергиний Трикост и Гай Сервилий Структ. В это время элейцы, живущие в многочисленных и маленьких общинах, объединились в один город, который они назвали Элидой. 2. Лакедемоняне, видя, что Спарта стала слабой из-за предательства стратега Павсания, а афиняне пользуются уважением, потому что у них ни один гражданин не был обвинен в предательстве, решили выдвинуть подобного рода обвинения против афинян. 3. Поэтому, поскольку Фемистокл у них был в почете и славился своей доблестью, лакедемоняне обвинили его в измене делу эллинов, утверждая, что он был большим другом Павсания и вместе с ним сообща замышлял предать Элладу Ксерксу. 4. Лакедемоняне вступили в контакт и с врагами Фемистокла, подстрекая их к тому, чтобы они выступили против него с обвинением, и дали им деньги, убеждая в том, что Павсаний, решив предать Элладу, сообщил о своем замысле Фемистоклу и предложил разделить с ним его намерение. Фемистокл

же не принял предложение, но и не посчитал нужным разорвать дружбу с этим человеком. 5. Тем не менее, хотя враги Фемистокла выступили с обвинениями против него, он тогда избежал осуждения. Потому-то сначала после оправдания пользовался у афинян огромным авторитетом, так как граждане очень уважали его за совершенные деяния. Затем одни, боясь его возвышения, другие же, завидуя его славе, забыли о его благодеяниях и стремились умалить его влияние и благородство.

Глава 55

1. Сперва его изгнали из города, применив к нему так называемый остракизм⁸, который был введен в Афинах после освобождения города от тирании Писистратидов. Сущность этого закона заключалась в следующем. 2. Каждый из граждан на черепке писал имя того человека, которого считал более всего способным свергнуть демократию. Тот, кто получал наибольшее количество черепков, должен был покинуть родину и уйти в изгнание на пять лет⁹. 3. Афиняне решили принять этот закон не для того чтобы наказать зло, но чтобы ослабить с помощью изгнания тех, кто пользовался огромной властью. Итак, Фемистокл, указанным способом подвергшийся остракизму, бежал из Афин в Аргос. 4. Лакедемоняне, узнав об этом и стремясь воспользоваться удобным моментом, чтобы погубить Фемистокла, снова отправили в Афины посольство, обвиняя Фемистокла в том, что он вместе с Павсанием был соучастником предательства эллинов. Они также утверждали, что приговор за все преступления, совершенные против Эллады, нужно выносить не отдельно в Афинах, но на общем собрании эллинов, которое обычно созывалось в это время. 5. Фемистокл, видя, что лакедемоняне стремятся опозорить город афинян и ослабить его, а афиняне, со своей стороны, желают опровергнуть выдвигаемое обвинение, полагал, что его выдадут общему собранию. 6. Что касается этого собрания, то он знал, что его решения будут несправедливыми, но удобными лакедемонянам. На это указывали многие факты, в том числе и решение, принятое в отношении афинян и жителей Эгины, когда выбирали лучших из эллинов. Ведь организаторы собрания так враждебно были настроены к афинянам, что не признали их лучшими среди других эллинов, несмотря на то, что они доставили больше триер, чем все участники сражения. 7. Поэтому Фемистокл не верил сюнедрам. Тем более, что лакедемоняне использовали его предыдущее оправдание в Афинах как повод для нового обвинения против него. 8. Тогда Фемистокл, защищаясь, признал, что Павсаний посылал к нему письма, предлагая быть соучастником предательства, и, пользуясь таким важнейшим доказательством, утверждал, что Павсаний не призывал бы его, если бы с его стороны не было возражений.

Глава 56

1. Поэтому, как мы уже отметили, он бежал из Аргоса к Адмету, царю молоссов¹⁰ и стал просить его об убежище, припав к алтарю. Царь сперва его ласково принял, советовал не падать духом и вообще обещал позаботиться о его безопасности. 2. Однако, когда лакедемоняне, отправив к Адмету посольство, состоящее из знатнейших спартиатов, потребовали выдачи Фемистокла, называя его предателем и разрушителем всей Эллады, и, кроме того, говорил, что вместе со всеми эллинами объявят Адмету войну, если он не выдаст его, тогда царь, боясь угроз, но исполненный сострадания к просителю и желая избежать позора его выдачи, убеждал Фемистокла как можно скорее тайно бежать от лакедемонян и дал ему много золота, необходимого в изгнании. 3. Фемистокл, отовсюду гонимый, приняв золото, ночью покинул территорию молоссов после того, как царь ему все приготовил для побега. Повстречав двух юношей из рода линкестов, занимающихся делами торговли и поэтому знающих хорошо дорогу, он вместе с ними бежал. 4. Совершая путь ночью, он скрывался от лакедемонян и, благодаря расположению юношей, которые помогли ему преодолеть всякие невзгоды, он, наконец, достиг Азии. Здесь, имея ксена¹¹ по имени Лиситид, известного своей славой и богатством, нашел у него убежище. 5. Лиситид был другом царя Ксеркса и во время его похода дал угощение всему войску персов. Поэтому, находясь в близких отношениях с царем и желая спасти Фемистокла из сострадания к нему, пообещал все уладить. 6. Хотя Фемистокл настаивал, чтобы его доставили к Ксерксу, Лиситид сперва возражал, убеждая его, что он понесет наказание от персов за совершенные дела, однако затем, находя полезным прибытие Фемистокла к персидскому царю, уступил ему и необычно и безопасно препроводил его в Персию. 7. Был у персов обычай, согласно которому уведенную наложницу доставляли к царю в закрытой коляске, и никто из встречных не имел права разузнавать или выяснять ее внешность. 8. Этим удачно воспользовался Лиситид для выполнения своего замысла. Приготовив роскошную коляску, украшенную дорогими коврами, он посадил в нее Фемистокла и в безопасности доставил к царю. Соблюдая осторожность, он взял у царя заверение не поступать несправедливо с этим человеком. Когда Фемистокл был введен к царю и тот дал ему слово и понял из его речи, что он не совершил ничего несправедливого, то тогда освободил Фемистокла от наказания.

Глава 57

1. Казалось, Фемистокл уже получил удивительное спасение из рук врага, как вдруг снова оказался в еще большей опасности, вызванной следующей причиной. Мандана, дочь Дария,

убившего магов¹², была родной сестрой Ксеркса и очень влиятельной у персов. 2. Она, потеряв всех своих сыновей в то время, когда Фемистокл разгромил персидский флот в морском сражении при Саламине, тяжело переживала утрату детей и вследствие ее большого горя у многих персов встречала сочувствие. 3. Узнав о прибытии Фемистокла, она пришла во дворец в траурной одежде и со слезами на глазах стала упрашивать брата покарать Фемистокла. Поскольку он оставил ее просьбу без ответа, она обошла наиболее знатных персов, настаивая на своем требовании и вообще подстрекала народ к вынесению наказания Фемистоклу. 4. Когда толпа собралась у дворца и с криком требовала казни Фемистокла, царь ответил, что назначит суд из наиболее знатных персов, который и вынесет окончательное решение. 5. После того, как все согласились и было дано достаточно времени для подготовки суда, Фемистокл, выучив персидский язык и воспользовавшись им для защиты, был оправдан. 6. Царь, чрезвычайно обрадованный спасению Фемистокла, почтил его большими дарами. Он дал ему в жены персиянку, отличавшуюся красотой, благородством и славившуюся своей добродетелью, большое число рабов для прислуживания, много различных кубков и другого богатства как для повседневного употребления, так и для роскошной жизни. Подарил также ему три города, необходимых для жизни и развлечений: Магнезию на реке Меандр, величайший из городов в Азии¹³, богатый хлебом — на хлеб, Миунт — на приправу, так как море около него изобиловало рыбой, и, наконец, Лампсак с прилегающей к нему обширной территорией, засаженной виноградниками, — на вино.

Глава 58

1. Итак, Фемистокл, освободившись от страха, который ему внушали эллины, неожиданно изгнанный теми, кого он более всего облагодетельствовал, и получив покровительство у тех, кому принес неисчислимые страдания, провел в этих городах всю оставшуюся жизнь, владея для своего удовольствия всеми благами. Умер он в Магнезии, где еще и теперь сохранился замечательный и достойный упоминания памятник¹⁴. 2. Некоторые историки говорят, что Ксеркс, стремясь снова выступить в поход против Эллады, приглашал Фемистокла быть командующим. Фемистокл же, согласившись, взял у царя клятвенное заверение, что без него он не выступит против Эллады. 3. Когда был принесен в жертву бык и даны клятвы, Фемистокл выпил килик, наполненный кровью, и тотчас умер¹⁵. Итак, Ксеркс, как они говорят, отказался от своего замысла, Фемистокл же своей смертью дал прекраснейшие доказательства того, что он с честью поступал, как подобает гражданину, во всех делах, касающихся эллинов. 4. Таким образом, мы подошли к концу жизни величай-

шего среди эллинов мужа, о котором многие спорят, сам ли он, поступив несправедливо по отношению к родному городу и другим эллинам, бежал в Персию, или, напротив, афиняне и остальные эллины, облагодетельствованные Фемистоклом, предав забвению величие его деяний, поступили несправедливо со своим благодетелем, подвергнув его крайним опасностям. 5. Если бы кто-нибудь, действуя беспристрастно, захотел тщательно исследовать природные свойства этого человека и его поступки, то нашел бы, что как в том, так и в другом он превзошел всех тех, о которых мы упоминали прежде. Поэтому поистине каждый был бы удивлен тем, что афиняне сами решили избавиться от столь гениального человека.

Глава 59

1. Ведь кто другой, в то время как Спарта была наиболее могущественным государством, и руководство флотом принадлежало спартиату Эврибиаду, своими действиями лишил Спарту этой славы? Кого другого мы бы отметили, который одним поступком снискал себе первенство среди предводителей, свой город сделал выдающимся среди эллинских городов, самим же эллинам помог превзойти варваров в доблести? Какой другой полководец подвергся тем большим опасностям, чем меньше для этого он имел поводов? 2. Кто, выступив вместе с жителями разоренного города против всего войска, пришедшего из Азии, одержал победу? Кто в мирное время великими деяниями способствовал укреплению могущества родного города? Кто, наконец, когда великая война вспыхнула с новой силой, спас отечество, хитростью уменьшив сухопутное войско врагов наполовину, так что оно стало легко одолимым для эллинов? 3. Поэтому, если мы рассмотрим величие его подвигов в совокупности и исследуем каждый его поступок в отдельности, то найдем, что он претерпел позор от города, который прославился благодаря его деяниям. Мы также должны будем признать, что поистине самый опытный и справедливый из всех городов по отношению к нему оказался самым несправедливым. 4. Итак, хотя мы, восхваляя доблесть Фемистокла, уклонились слишком далеко, тем не менее нам казалось недостойным обойти молчанием величие его славы.

Расширение Делосской симмахии и превращение ее в Афинский морской союз

Глава 60

1. В архонтство в Афинах Демотиона в Риме консульскую власть получили Публий Валерий Попликола и Гай Наутий Руф. В это время афиняне избрали стратегом Кимона, сына Мильтиа-

да, и, предоставив в его распоряжение значительное войско, послали к берегам Азии помочь союзным городам и освободить тех, которые еще имели персидские гарнизоны. 2. Кимон, приняв командование флотом, стоявшим в Византии, поплыл к так называемому городу Эйону, который удерживали персы, и захватил его. Скирос, населенный пеласгами и долопами, принудил осадой к сдаче и, превратив его в афинское владение, разделил землю по жребию на клеры¹⁶. 3. Затем, замышляя начать осуществление еще больших дел, он поплыл в Пирей и, взяв больше триер, а также приготовив другие необходимые средства, выступил в поход, имея 200 кораблей. Впоследствии, получив дополнительную помощь от ионийцев и других эллинов, всего имел 300 военных судов. 4. Итак, отправившись со всем флотом в Карию, Кимон тотчас стал подстрекать к отпадению от персов те из приморских городов, которые были основаны эллинами; другие, бывшие двуязычными и имевшие персидские гарнизоны, он, применяя силу, принуждал к сдаче. Склонив на свою сторону города в Карию, он подобным же образом присоединил также города Ликии. 5. Так как он всегда у присоединенных союзников брал корабли, то еще более усилил флот. Персы сухопутное войско набрали среди своих жителей, флот составили из финикийских, кипрских и киликийских кораблей. Командовал персидскими войсками Титрауст, незаконный сын Ксеркса. 6. Кимон, зная, что персидский флот находился у Кипра, поплыв против варваров, вступил в сражение с 250 кораблями против 340. В начавшейся решающей битве обе стороны мужественно сражались. 7. Наконец, афиняне стали побеждать и значительную часть вражеских судов потопили, более 100 кораблей с экипажем захватили в плен. 8. Когда остальные суда отступили к Кипру, воины и команда сошли на берег, а корабли, лишенные защитников, достались в руки врагов.

Глава 61

1. После этого Кимон, не довольствуясь такой победой, тотчас со всем флотом прибыл к месту расположения сухопутных сил персов, лагерь которых находился у реки Эвримедонт. Желая победить варваров военной хитростью, он посадил в захваченные корабли лучших своих воинов, дав им тиары и надев на них другое персидское одеяние. 2. Варвары, обманутые персидскими кораблями и снаряжением, тотчас, как только флот подплыл, решили, что это их триеры. Поэтому они приняли афинян как своих друзей. Кимон же с наступлением ночи, высадив воинов и, будучи принят варварами как друг, внезапно напал на их лагерь. 3. Когда в стане персов возникло большое смятение, воины во главе с Кимоном стали истреблять всех, кто им попадался на пути, и убили второго стратега варваров Ферендата, племянника царя, захватив его в палатке. Что же касается осталь-

ного войска, то, одних убив, других ранив, всех остальных в результате внезапного нападения обратили в бегство. В целом же персов охватило такое потрясение и недоумение, что они в большинстве своем не знали, какие враги на них напали. 4. Ведь персы не думали, что нападение на них совершили эллины, полагая, что у них не было сухопутного войска. Они считали, что жители Писидии, расположенные по соседству и настроенные к ним враждебно, прибыли с войском. Поэтому, думая, что враги напали на них с материка, бежали к кораблям, которые приняли за свои. 5. Так как была темная безлунная ночь, то их незнание обстановки еще более усугубилось, и никто не мог установить истину. 6. Потому-то, когда возникло большое кровопролитие вследствие беспорядка у варваров, Кимон, еще раньше договорившись с воинами собраться, как только он зажжет сигнальный огонь неподалеку от кораблей, дал условный знак, опасаясь, как бы не произошло чего-нибудь непредвиденного, поскольку воины рассеялись по территории персидского лагеря в поисках добычи. 8. Прекратив разбой и собравшись по сигналу, все вернулись на корабли. На следующий день, воздвигнув трофеи, поплыли на Кипр, одержав две великолепные победы: одну на суше, другую на море¹⁷. Ведь никогда прежде не случилось так, чтобы одно и то же войско в один и тот же день достигло столь великого успеха в морском и сухопутном сражениях.

Глава 62

1. Кимон, благодаря своей стратегии и выдающейся храбрости, добился заслуженной славы не только у граждан, но и у других эллинов, ибо взял в плен 340 триер и свыше 20 тысяч человек, а также захватил большое количество денег. 2. Персы, понеся такие потери, приготовили много других триер, боясь могущества афинян, ибо в это время их город достиг наивысшего расцвета, будучи обеспечен значительными средствами и добившись выдающейся славы, благодаря мужеству и искусству полководцев. 3. Афиняне, отобрав 10-ю часть добычи, сделали посвящение богу со следующей надписью:

«Там, где море отделяет Европу от Азии,
И неистовый Арей удерживает седины смертных,
Еще никто из живущих на земле людей
Не совершал такое великое деяние на материке и на море.
Ведь они многих персов на Кипре убив,
100 финикийских кораблей со всеми войсками
взяли в плен в открытом море.
Вся Азия очень страдала, пораженная двумя
их руками, силу войны испытав»¹⁸.

1. В архонтство в Афинах Архедимида римляне избрали консулами Авла Вергиния и Тита Минуция. В этом же году была проведена 79 Олимпиада, на которой победил в беге Ксенофонт из Коринфа¹⁹. В это время жители Фасоса, ведя с Афинами спор из-за рудников, отделились от них. Однако, будучи осаждены афинянами, вынуждены были снова подчиниться им²⁰. 2. Усмирив также восставших жителей Эгины, афиняне предприняли осаду города, потому что Эгина, часто одерживая победы в морских сражениях, была полна непомерной гордости, изобиловала деньгами и кораблями и вообще всегда враждебно относилась к Афинам. 3. Поэтому, отправив войско на остров, афиняне опустошали территорию Эгины и, город осадив, намеревались взять его штурмом. Вообще афиняне, став более могущественными, уже не поступали с союзниками как прежде умеренно, но управляли высокомерно и с помощью насильственных методов. 4. Поэтому многие союзники, не желая терпеть бремя афинского господства, вели переговоры между собой о восстании, некоторые из них, пренебрегая общим сюнедрионом²¹, полагались только на свой собственный совет. 5. Одновременно с этими событиями афиняне, имея господство на море, послали в Амфиполь 10 тысяч колонистов, набрав их частично из граждан, частично из союзников, и территорию вплоть до границ Фракии разделили на клеры. Позже, когда они вторглись на территорию Фракии, все было разбито так называемыми эдонами.

Восстание илотов и мессенцев в Спарте

1. В архонтство в Афинах Феона в Риме консульскую власть получили Люций Фурий, Медиолан и Марк Манилий Васо. В это время лакедемонян постигло большое и невероятное несчастье. Ведь, когда в Спарте произошли сильные землетрясения, все дома оказались разрушенными до основания и погибло более 20 тыс. лакедемонян. 2. Так как город был разрушен, и дома в течение длительного времени лежали в развалинах, многие, придавленные обвалившимися стенами, погибли, немало же и домашнего имущества уничтожило землетрясение. 3. И в то время как такое несчастье им выпало как бы в наказание от какого-то божества, другие же опасности у них возникли от людей, что было обусловлено следующими причинами. 4. Илоты и мессенцы, настроенные враждебно по отношению к лакедемонянам, сперва хранили спокойствие, боясь превосходства Спарты и ее могущества. Затем, увидев, что землетрясение погубило многих спартиатов, стали относиться с презрением к оставшимся в живых, так как их было немного. Поэтому, объединившись

между собой, сообща начали войну против лакедемонян²². 5. Царь лакедемонян Архидам, благодаря своей предусмотрительности как во время землетрясения спасал граждан, так и во время войны мужественно давал отпор нападающим. 6. Ведь, когда город сотряснулся от ужасной силы землетрясения, он — первый из спартиатов, выскочив из города в полном вооружении, устремился к хоре и другим гражданам приказал следовать за ним. 7. Когда спартиаты послушались его, то все оставшиеся в живых, таким образом, были спасены. Царь Архидам, построив их, приготовился воевать с восставшими.

Глава 64

1. Мессенцы, объединившись вместе с илотами, сперва двинулись против Спарты, надеясь захватить ее, так как полагали, что она лишена защитников. Когда же они узнали, что оставшиеся граждане во главе с царем Архидамом подготовились к защите отечества, то от своего намерения отказались и, захватив недоступный район Мессении, они, совершая оттуда нападения, опустошали Лаконику. 2. Спартиаты, обратившись за помощью к Афинам, получили от них вспомогательное войско. Неменьшую помощь получив и от других союзников, они собрали достаточное войско, чтобы сражаться с врагами. Сначала они во много раз превосходили восставших численностью, позже, когда у них возникло подозрение, что афиняне намереваются принять сторону мессенцев, разорвали с ними договор, заявив, что имеют достаточно союзников, чтобы преодолеть опасность. 3. Афиняне, считая себя оскорбленными, тогда удалились. После этого, будучи недружелюбно настроенными к лакедемонянам, они все более разжигали к ним вражду. Поэтому этот инцидент афиняне считали началом отчуждения, а позже города окончательно поссорились, и, начав многочисленные войны, наполнили всю Элладу большими несчастьями. Однако о них мы напишем отдельно в соответствующее время. 4. Тогда же лакедемоняне, выступив вместе с союзниками к Ифоме, осадили ее. Илоты, повсеместно восставшие против лакедемонян, сражались вместе с мессенцами и иногда побеждали, иногда терпели поражение. Таким образом, ведя войну в течение 10 лет, они не могли добиться в ней решающего успеха и на протяжении всего этого времени не прекращали причинять друг другу зло.

Восстание египтян против персов и афинская помощь Египту

3. Жители Египта, узнав о смерти Ксеркса, а также о том, что в Персии возник заговор и начались беспорядки, решили бороться за свободу. Итак, тотчас собрав войско, они отделились от

персов и, изгнав сборщиков налогов, поставили царем Инара²³. 4. Он же сначала набрал воинов из числа местных жителей, а затем, собрав еще наемников из числа чужеземцев подготовил большое войско. Отправил он посольство и к афинянам с просьбой о заключении союза, заверяя их, что если освободят египтян, то у них с ними будет общее царство и они получат еще большую славу, совершив это благодеяние. 5. Афиняне, считая для себя полезным ослабить персов и на случай непредвиденных обстоятельств заручиться поддержкой Египта, постановили послать на помощь восставшим 300 триер. Итак, афиняне усердно занимались подготовкой флота. Артаксеркс же, узнав о восстании египтян и их приготовлениях к войне, решил превзойти восставших в военной силе. Тотчас он стал набирать войска из всех сатрапий, готовил корабли и делал всякие другие необходимые приготовления. В таком состоянии находились дела в Азии и Египте.

Глава 74

1. В архонтство в Афинах Конона в Риме консульскую власть получили Квинт Фабий Вибулан и Тиберий Эмилий Мамерк. В это время персидский царь Артаксеркс для руководства военными действиями против египтян назначил стратегом Ахемена, сына Дария, приходившегося ему дядей. Предоставив в его распоряжение свыше 300 тысяч конницы и пехоты, принял решение начать войну против египтян. 2. Итак, после того как он прибыл в Египет, расположился лагерем недалеко от Нила и, дав войску отдохнуть, стал готовиться к битве. Египтяне же, собрав войско из Ливии и Египта, ожидали прибытия союзных им афинян. 3. Когда афиняне прибыли в Египет с флотом, состоящим из 300 кораблей, и, построившись вместе с египтянами в боевой порядок, выступили против персов, началось решающее сражение. В течение некоторого времени персы имели преимущество благодаря своему численному превосходству, однако после того как афиняне стали теснить варваров и, многих убивая, заставили часть персидского войска отступить, остальная масса варваров также устремилась в бегство. 4. Так как во время отступления многие оказались убиты, то персы, потеряв большую часть своего войска, наконец, нашли убежище за так называемой Белой стеной²⁴; а афиняне, добившиеся победы благодаря своей храбрости, преследовали варваров вплоть до указанного места и не отказались от осады. 5. Артаксеркс, узнав о поражении своих войск, сперва послал некоторых из друзей с большим количеством денег в Лакедемон и просил лакедемонян начать войну с Афинами, полагая, что вследствие этого победившие в Египте афиняне возвратятся домой на помощь отечеству. 6. Однако, поскольку лакедемоняне денег не приняли и вообще

отказались разговаривать с послами персов, Артаксеркс, оставив надежду на спартанскую помощь, стал готовить другие войска. Назначив во главе их Артабаза и Мегабиза, людей, отличающихся доблестью, послал воевать против египтян.

Глава 75

1. В архонтство в Афинах Эвтиппа римляне избрали консулами Квинта Сервилия и Спурия Постумия Альбина. В это время в Азии Артабаз и Мегабиз, посланные для войны против египтян, вновь выступили из Персиды, имея конницы и пехоты более 300 тысяч. 2. Когда они прибыли в Киликию и Финикию, дали отдохнуть войску, а киприотам, финикийцам и всем населяющим Киликию приказали готовить корабли. После того как 300 триер были готовы, они укомплектовали их лучшими эпитами²⁵, обеспечили оружием, метательными снарядами и всем другим, что необходимо для морского сражения. 3. Итак, они занимались подготовкой, проводили тренировки воинов и обучали всех военному искусству. На все это у них ушел почти весь оставшийся год. 4. Афиняне же в Египте около Мемфиса осадили тех, которые нашли убежище в Белой стене, но так как персы мужественно отбивали атаки, афиняне не могли взять это укрепление и продолжали осаду в следующем году.

Глава 77

1. В архонтство в Афинах Фрасиклида была проведена 80 Олимпиада, на которой победил в беге Торил из Фессалии, римляне же избрали консулами Квинта Фабия и Тита Квинция Капитолина. В это время в Азии персидские стратеги, переправившись в Киликию, приготовили 300 кораблей, хорошо снабдив их всем необходимым для войны, и взяв сухопутное войско, они повели его по суше через Сирию и Финикию. Вместе с флотом, который плыл параллельно продвигающейся сухопутной армии, они достигли Мемфиса в Египте. 2. Прежде всего они сняли осаду Белой стены, нанеся поражение египтянам и афинянам. После этого, посоветовавшись, они благоразумно отказались от фронтального сражения с войсками противника и стремились закончить войну с помощью военной хитрости. Поэтому, когда аттические корабли двинулись к острову, называемому Просопитидой, то персы, отведя каналами русло реки, превратили остров в материк. 3. Как только корабли неожиданно сели на мель, египтяне, испугавшись, оставили афинян и примирились с персами. Афиняне же, будучи брошены своими союзниками и видя, что корабли теперь оказались бесполезными, подожгли их, чтобы они не достались врагу, а сами, не испугавшись возникшего опасного положения, призывали друг друга быть достойными ра-

нее совершенных ими сражений. 4. Поэтому, превосходя доблестью тех, кто погиб при Фермопилах в битве за Элладу, ревностно сражались с врагами. Стратеги персов — Артабаз и Мегабиз, видя превосходство афинян в храбрости и считая, что они не смогут сокрушить их, не погубив многие мириады своих воинов, заключили договор с афинянами, согласно которому им разрешалось беспрепятственно покинуть пределы Египта²⁶. 5. Итак, афиняне, благодаря своей доблести получив спасение, удалились из Египта и, совершив путь через Ливию в Кирену, благополучно возвратились на родину.

Афины и Спарта в первой Пелопоннесской войне

Глава 78

1. По окончании этого года в Афинах стал архонтом Филокл, а в Риме консулами были избраны Авл Постумий Регул и Спурий Фурий Медиолан. В это время, поскольку у коринфян и жителей Эпидавра случилась война с афинянами, афиняне предприняли против них поход. 2. Когда возникло решительное сражение, победу одержали афиняне, прибывшие с большим флотом к так называемым Галиям²⁷. Они высадились в Пелопоннесе и уничтожили много врагов. Как только пелопоннесцы объединились и собрали достаточное войско, афиняне благополучно возвратились на родину. Новое сражение произошло у так называемой Кекрифалии²⁸, в котором снова победили афиняне. 3. Достигнув таких успехов и видя, что эгинеты очень гордятся совершенными ранее деяниями и настроены к афинянам враждебно, они решили начать против них войну. 4. Поэтому, когда афиняне послали против них значительный флот, эгинеты, имея большой опыт ведения морских сражений и полагаясь на свою славу, не боялись превосходства афинян. Они, имея достаточное количество кораблей и кроме того построив еще другие, предприняли сражение с афинянами на море, однако, потерпев поражение, потеряли 70 триер. После этого жители Эгины, дух сопротивления которых оказался надломлен, вследствие постигшего их большого несчастья вынуждены были присоединиться к синтелии²⁹ афинян. Итак, афинский стратег Леократ, ведя войну против эгинетов в течение всего 9 месяцев, добился такой победы для афинян.

Глава 79

1. Когда этот год закончился, в Афинах стал архонтом Бион, а в Риме консульскую власть получили Публий Сервилий Структ и Люций Эбуций Альба. В это время, когда между коринфянами и жителями Мегар возникли споры из-за погранич-

ной земли, города вступили в войну. 2. Сначала они, совершая друг на друга нападения с целью ограбления территории, ограничивались небольшими столкновениями. Когда же распри усилились, мегарцы, всегда будучи более слабыми и боясь коринфян, заключили союз с Афинами. Поэтому, после того как города снова стали соперничать между собой, и коринфяне вместе с пелопоннесцами отправили в Мегариду значительное войско, Афины, будучи союзником, со своей стороны послали мегарцам помощь во главе с Миронидом, известным своей доблестью. Когда возникло решительное сражение, продолжавшееся в течение длительного времени, обе стороны в равной мере проявили непреодолимое желание добиться успеха, наконец, победа досталась афинянам, которые истребили многих врагов. 4. Через некоторое время произошло новое сражение в так называемой Кимолли, в котором снова афиняне одержали победу, уничтожив многих воинов противника. Немного времени спустя и фокийцы начали войну против жителей Дориды, предков лакедемонян, населяющих три города — Китиний, Бой и Эриней, расположенные у основания горы Парнас. 5. Сперва фокийцы, одержав победу над дорийцами, завладели их городами. После этого лакедемоняне, находясь в родстве с этими дорийцами, послали им на помощь Никомеда, сына Клеомена. С ним они отправили 1500 человек лакедемонян и 10 тысяч воинов, которых Никомед набрал у других пелопоннесцев. 6. Итак, Никомед, являясь опекуном царя Плейстонакта, который был еще ребенком, с такими силами прибыл на помощь жителям Дориды и, одержав победу в сражении, города возвратил дорийцам, а с фокийцами заключил мир.

Глава 80

1. Афиняне, узнав, что лакедемоняне закончили войну против фокийцев и намереваются возвратиться домой, решили в пути напасть на них. Они выступили против них, взяв с собой аргиев и фессалийцев. С 50 кораблями и 14 тысячами воинов афиняне захватили проход через горную цепь Геранию. 2. Лакедемоняне, узнав о действиях афинян, прибыли в Танагру, расположенную в Беотии. Когда и афиняне явились в Беотию, произошло решительное сражение. Хотя фессалийцы во время битвы перешли на сторону лакедемонян, тем не менее, поскольку афиняне и аргиев сражались не менее храбро, с обеих сторон были большие жертвы, с наступлением же ночи сражение прекратили³⁰. 3. После этого, когда афинянам было отправлено из Аттики много продовольствия, фессалийцы решили захватить его и после ужина, ночью явились к доставившим товары. 4. Так как афинская охрана не знала об их намерениях и приняла фессалийцев за друзей, то около агоры возникло много разнообраз-

ных столкновений. Фессалийцы же прежде всего по ошибке, пропущенные охраной, стали убивать всех, кто им попадался по пути, и поскольку они в организованном порядке напали на людей, оказавшихся в замешательстве, то многих уничтожили. 5. Афиняне же, находившиеся в лагере, узнав о нападении фессалийцев, поспешно прибыли и, сходу обратив фессалийцев в бегство, устроили большое избиение. 6. Когда же лакедемоняне пришли на помощь фессалийцам с организованным войском и произошла битва, то соперничество тех и других было так велико, что с обеих сторон оказалось много убитых. И так как окончание битвы было неясным, лакедемоняне и афиняне стали спорить из-за победы. Наконец, с наступлением ночи и в силу того, что победа оказалась спорной, они отправили друг к другу послов и заключили четырехлетнее перемирие.

Глава 81

1. Когда этот год закончился, в Афинах архонтом стал Мнеситид, а в Риме консулами были избраны Люций Лукреций и Тит Ветурий Кикорин. В это время фиванцы, потерявшие свое влияние из-за союза, который они в свое время заключили с Ксерксом, искали наиболее подходящий способ вернуть отечеству силу и славу. 2. Поэтому, когда все беотийцы стали относиться к ним с презрением и уже более не считались с фиванцами, они просили лакедемонян оказать помощь городу в достижении гегемонии над всей Беотией. За это они обещали им, что сами будут воевать с афинянами, так что спартиатам не будет никакой необходимости выводить войско за пределы Пелопоннеса. 3. Лакедемоняне, считая предложения фиванцев полезными и полагая, что Фивы, если усилятся, будут противостоять Афинам, с помощью находившегося тогда у Танагры подготовленного и многочисленного войска построили вокруг Фив большую стену и заставили города Беотии подчиниться фиванцам. 4. Афиняне, стремясь нарушить замысел лакедемонян, собрали значительное войско и избрали стратегом Миронида, сына Каллия. Он, собрав среди граждан воинов, сообщил им день, в который намеревался выступить из города. 5. Когда назначенный день наступил и некоторые воины не прибыли вовремя, он взял тех, которые собрались к намеченному сроку, и выступил в Беотию. Некоторые начальники и друзья советовали ему подождать тех, кто задержался. Миронид же, будучи проницательным и решительным стратегом, отказался ждать, заявив, поскольку они самовольно опоздали к моменту выступления, то и в битве себя будут вести подло и трусливо, поэтому еще большая возникает опасность для родины, а те, которые пришли к назначенному сроку, и в битве строй не оставят, что и случилось в действительности. 6. Выступив с немногими воинами, но отличающи-

мися храбростью, он построил их в Беотии против превосходящих численностью врагов и одним натиском одержал победу над противником.

Глава 82

1. Кажется, что это сражение превзошло все то, что было ранее совершено афинянами, ибо битва при Марафоне, победа над персами при Платеях и другие знаменитые деяния афинян уступают той битве, в которой Миронид победил беотийцев. 2. Ведь одни из тех побед были одержаны над варварами, другие достигнуты вместе с союзниками. Это же сражение афиняне выиграли одни, несмотря на то что боролись против храбрейших из эллинов. 3. Ведь считают, что беотийцы стойко переносят опасности и в сражениях с врагами нисколько не слабее других. По крайней мере, позже сами фиванцы при Левктрах и Мантинее, сражаясь одни против всех лакедемонян и их союзников, добились благодаря храбрости, величайшей славы и неожиданно стали предводителями всей Эллады. 4. Хотя эта битва оказалась столь знаменитой, тем не менее никто из историков не описал ни способа ее проведения, ни расстановку сил. Итак, Миронид, победив в великолепном сражении беотийцев, стал соперничать в славе с известными военачальниками Фемистоклом, Мильтиадом и Кимоном. 5. Добившись победы, Миронид взял Танагру и срыл стены города. Пройдя по всей Беотии, он разорил и опустошил ее территорию и, разделив добычу между воинами, всех обеспечил большими богатствами.

Глава 83

1. Все беотийцы, озлобленные из-за опустошения страны, объединились и, стремясь к войне, собрали большое войско. Когда в Энофитах произошла битва³¹, и так как та и другая сторона испытывала крайнее негодование, сражение длилось весь день. И только когда афиняне с трудом обратили беотийцев в бегство, Миронид установил контроль над всеми городами Беотии, кроме Фив. 2. После этого из Беотии он отправился против Локр, называемых Опунтскими. С ходу одержав над ними победу и взяв заложников, он вступил в Парнасию. 3. Подобно Локрам, Миронид покорил и фокийцев и, получив заложников, двинулся в Фессалию, обвинив фессалийцев в предательстве и заставив их возвратить на родину изгнанников. Так как фарсальцы не приняли его, то он осадил город. 4. Но поскольку не мог его взять силой, так как фарсальцы в течение долгого времени мужественно переносили осаду, то, отказавшись от своих намерений, он вернулся в Афины. Итак, Миронид, в течение короткого времени совершив великие деяния, заслужил достойную славу у граждан. Такие события произошли в этом году.

1. В архонтство в Афинах Каллия у элейцев была проведена 81 Олимпиада, на которой победил в беге Полимнаст из Кирены, а в Риме консулами стали Сервий Сульпиций и Публий Волумний Аментин. 2. В это время Толмид, поставленный во главе флота, соревнуясь с Миронидом в доблести и славе, стремился совершить нечто значительное. 3. Поскольку никто прежде не совершал нападения на Лаконику, Толмид призвал демос опустошить территорию спартиатов. И обещал с помощью 1000 гоплитов, которыми собирался укомплектовать триеры, разорить Лаконику и лишить спартиатов их славы. 4. Когда афиняне дали свое согласие, он, желая тайно вывести больше гоплитов, придумал следующую хитрость. Граждане требовали, чтобы он взял в поход юношей, достигших зрелого возраста и наиболее сильных. Толмид же, стремясь взять с собой в поход более чем 1000 воинов, подходил к каждому из юношей, и тем из них, кто отличался атлетическим телосложением, говорил, что намеревается включить его в состав войска. При этом он отмечал, что лучше записаться добровольно, чем идти в поход согласно набору. 5. Когда таким образом убедил добровольно записаться более 3 тысяч человек, увидел, что остальные не проявили большой охоты, и тогда из них он отобрал согласно постановлению народного собрания необходимую 1000 человек. 6. Когда все было готово к походу, он выступил с 50 триерами и 4 тысячами гоплитов, поплыв в Мефону, расположенную в Лаконике. Хотя эту местность он захватил, но так как лакедемоняне пришли на помощь, снялся с лагеря и, прибыв в Гитий, гавань лакедемонян, захватил город, сжег корабельные верфи и опустошил территорию. Отсюда он отправился в Закинф, расположенный в Кефалении³². 7. Овладев им и подчинив все города в Кефалении, переправился на противоположный берег и прибыл в Навпакт. Захватив с ходу и этот город, он поселил в нем тех мессенцев, которые по договору были освобождены лакедемонянами. 8. Ведь в это самое время лакедемоняне, уже долго ведя войну против мессенцев и илотов, одержали над ними победу и тех, которые были на Ифоме, как уже было сказано, по договору отпустили, тех же илотов, которые были виновниками восстания, казнили, остальных возвратили в рабское состояние.

Диодор (XII книга)
Афино-персидская война и Каллиев мир

Глава 3

1. В архонтство в Афинах Эвтидема в Риме консулами стали Люций Квинтий Цинцинат и Марк Фабий Вибулан. В это время афиняне, закончив войну с персами, которую вели, помо-

гая восставшим египтянам, и потеряв все корабли на упомянутом острове Просопитида, спустя некоторое время решили снова начать войну против персов в интересах эллинов, живущих в Азии. Подготовив флот из 200 триер и избрав стратегом Кимона, сына Мильтиада, поручили ему плыть на Кипр и начать войну с персами. 2. Кимон, возглавив флот, укомплектованный опытными моряками и снабженный в изобилии всем необходимым, поплыл на Кипр. В это время персидскими войсками командовали Артабаз и Мегабиз. Артабаз, являясь командующим флотом, находился на Кипре, имея в своем распоряжении 300 триер. Мегабиз расположился лагерем в Киликии, имея под своим командованием сухопутное войско численностью в 300 тысяч. 3. Кимон, прибыв на Кипр и располагая господством на море, с помощью осады взял Китий и Марий³³, поступив с побежденными дружелюбно. После этого, так как из Киликии и Финикии прибыли на остров триеры, он, выйдя в открытое море и возобновив войну, многие корабли противника потопил, 100 кораблей с экипажем захватил в плен, а остальные преследовал вплоть до Финикии. 4. Итак, персы на оставшихся кораблях бежали туда, где располагалось лагерем сухопутное войско во главе с Мегабизом. Афиняне, приблизившись к берегу и высадив воинов, начали битву, в которой один из афинских стратегов Анаксикрат, мужественно сражаясь, героически погиб. Другие же стратеги, одержав победу в сражении и уничтожив многих врагов, вернулись на корабли. После этого афиняне снова поплыли на Кипр³⁴. Итак, такие события свершились в первый год войны.

Глава 4

1. В архонтство в Афинах Педиэя римляне избрали консулами Марк Валерия Лактука и Спурия Вергиния Трикоста. В это время Кимон, афинский стратег, имея господство на море, стал покорять города на Кипре. Несмотря на то что в Саламине был сильный персидский гарнизон и город был обеспечен метательными снарядами и прочим оружием, а также хлебом и другими припасами, он решил, что наиболее разумно взять город с помощью осады. 2. Ведь это, как он считал, позволит ему весьма легко установить господство над всем Кипром и внушить страх персам, так как они не в состоянии будут оказать помощь жителям Саламина из-за того, что господство на море принадлежит афинянам, поэтому союзники, оставленные на произвол судьбы, станут презирать персов. Вообще он считал, что вся война будет предрешена, если силой овладеть всем Кипром. 4. Итак, афиняне, организовав осаду, каждый день предпринимали нападения против Саламина. Воины же, находящиеся в городе, имея запасы оружия и всего необходимого, легко отра-

жали атаки нападающих. 4. Царь Артаксеркс, узнав о тяжелом положении дел на Кипре и посоветовавшись с друзьями в отношении войны, решил заключить с эллинами мир. Поэтому он изложил предводителям на Кипре и сатрапам те условия, на которых они могут вступить в соглашение с греками. 5. В соответствии с этим Артабаз и Мегабиз отправили посольство в Афины с предложениями о перемирии. Когда афиняне согласились и, в свою очередь, послали к царю посольство с неограниченными полномочиями, во главе которого стоял Каллий, сын Гиппоника³⁵, был заключен договор о мире между афинянами и их союзниками и персами³⁶, основное содержание которого заключалось в следующем: предоставить автономию всем эллинским городам в Азии; персидским сатрапам разрешается выступать с войском на расстояние не далее чем три дня пути к морю; ни один военный корабль не должен появляться в пределах Фаселиды и Кианей³⁷. Когда царь и стратеги определили эти условия, было постановлено, чтобы афиняне не посылали войска на территорию, контролируемую Артакксерксом. 6. Когда были приняты условия соглашения, афиняне вывели войска из Кипра, одержав великолепную победу и заключив знаменитый мир. И так случилось, что Кимон, находясь на Кипре, заболел и умер.

Афино-самосская война

Глава 27

1. В архонтство в Афинах Тимоклея римляне избрали консулами Лара Герминия и Тита Стертиния Структора. В это время споры самосцев с жителями Милета из-за Приены переросли в войну между ними³⁸. Самосцы, увидев благосклонное отношение к милетянам со стороны Афин, отделились от них. Афиняне, избрав стратегом Перикла, послали его с 40 кораблями против Самоса. 2. Явившись на Самос, он захватил город и восстановил в нем демократию. Заставив самосцев уплатить 80 талантов и взяв в качестве заложников столько же детей, передал их лемносцам, сам же, в течение нескольких дней все устроив на острове, возвратился в Афины. 3. Когда на Самосе вновь возникли гражданские распри из-за того, что одни предпочитали демократию, другие были сторонниками аристократии, город был охвачен большим волнением. После того как противники демократии переправились в Азию и обратились в Сарды к персидскому сатрапу Писсутну за помощью, тот дал им 700 воинов, надеясь с их помощью установить господство над Самосом. Самосцы вместе с выделенными им воинами ночью незаметно приплыли на остров, захватили город, так как граждане оказали им помощь. Легко установив господство над Самосом, они изгнали из города тех, кто им сопротивлялся. Возвратив заложников из

Лемноса и укрепив дела на Самосе, они стали открыто заявлять о своей вражде к афинянам. 4. Афиняне, снова избрав Перикла стратегом, послали его против самосцев с 60 кораблями. Вступив в сражение против 70 самосских триер, он одержал над ними победу и, получив от хиосцев и митиленян 20 кораблей, вместе с ними осадили Самос. 5. Через несколько дней Перикл, оставив часть войска для продолжения осады города, отправился на встречу финикийским кораблям, посланным персами на помощь самосцам.

Глава 28

1. Самосцы, воспользовавшись отсутствием Перикла и считая, что наступил подходящий момент для нападения на оставшиеся корабли противника, поплыли против них и, одержав победу, преисполнились гордости. 2. Перикл, узнав о поражении своих, тотчас вернулся и собрал значительное количество кораблей, стремясь разгромить, наконец, флот противника. Поскольку афиняне поспешно отправили еще 60 кораблей, а жители Хиоса и Митилены 30, то он, располагая большим войском, начал осаду Самоса с суши и с моря, осуществляя непрерывные атаки. 3. Перикл, первый среди военных предводителей, которые были до него, применил осадные машины, так называемое тараны и черепахи, созданные Артемоном из Клазомен. Упорно продолжая осаду и используя стенобитные орудия, он наконец захватил город. Наказав виновных, Перикл заставил самосцев оплатить расходы на осаду и установил для них контрибуцию в 200 талантов. Их корабли он забрал, стены срыл и, утвердив на Самосе демократию, возвратился на родину. Тридцатилетнее соглашение, заключенное между афинянами и лакедемонянами, продолжало оставаться в силе вплоть до этого времени. Итак, такие события произошли в течение этого года.

КОММЕНТАРИЙ

к отдельным главам XI—XII книг Диодора Сицилийского

1. Термин Мидийская война встречается уже у Геродота, Фукидида и Аристотеля. В V в. поход Ксеркса и его поражение рассматривали как самостоятельную Мидийскую войну (см. Герод. VII—IX; Фукид. 1.23.1).

2. Бухта в Фалерском заливе и один из демонов в Аттике (см. Страб. XI.2.21; 24).

3. Действия Павсания на Кипре и в Геллеспонте относятся к 478 г.

4. Мыс в Лаконике.

5. Имеется в виду создание Делосской симмахии в 478/7 г. (ср. Фукид. 1.96; Арист. Аф. пол. 23.5; Плут. Арист. 24—25).

6. Налог, уплачиваемый союзниками Афин.

7. Здесь свободное истолкование древнего оракула о хромом царство-

вании, данном лакедемонянам (см. Плут. Лис. 22; Агесил. 3; Павсан. III.8, 9; Ксеноф. Ист. Грец. III.3.3).

8. Институт остракизма (суд с помощью черепков) являлся одним из законодательств Клисфена и был введен в 507 г. Однако впервые он был применен, согласно Аристотелю (Аристот. Аф. пол. 22), только через 20 лет, когда народ стал уже чувствовать уверенность в себе. Фемистокл был изгнан с помощью остракизма в 471 г.

9. Подвергшийся остракизму в Афинах изгонялся на 10 лет, причем в голосовании черепками должно было участвовать не менее 6 тыс. чел. Диодор, по-видимому, смешивает афинский институт с подобным институтом в Сиракузах (XI, 87.1), где срок изгнания ограничивался пятью годами.

10. Молоссы — могущественное эпирское племя (Страб. VII.75 с 324).

11. То есть покровителя.

12. Маг-пророчатель. Диодор, говоря о магах, имеет в виду предводитель востания 522 г., среди которых выделялся маг Гаумата.

13. Ср. Фукид. I. 138.5; Плут. Фем. 29. В качестве правителя города Магнезии Фемистокл чеканил собственную монету.

14. Памятник изображал Фемистокла с кубком в руке перед статуей Артемиды. Рядом была изображена голова быка (см. Фукид. I. 138.5; Плут. Фемист. 32; К. Непот. Фемист. 29).

15. О смерти Фемистокла в древности высказывались по-разному (см. Фукид. I. 138.4). Версия о самоубийстве Фемистокла была известна также Аристофану (Всадники, 83—84). Скорее всего эта версия явилась результатом интерпретации памятника Фемистоклу, и особенно широкое распространение она получила начиная с IV в. Эта романтическая версия, которую можно было драматизировать, давала почву для моралистических выводов, широко используемых в историографии позднеклассического и эллинистического периодов.

16. Эйон — портовый город на берегу реки Стримон. Остр. Скирос расположен в Эгейском море к северо-западу от Эвбеи. Общепринятой датой покорения Эйона и Скироса считается 476/5 г. до н. э.

17. Река Эвримедонт находится в Памфилии в южной части М. Азии. Общепризнанной датой битвы у реки Эвримедонт считается 467 г. до н. э. (Фукид. I. 100; Плут. Ким. 12—13).

18. «Пораженная двумя их руками» — имеется в виду поражение, нанесенное персам сухопутным войском и флотом афинян и других эллинов.

19. Ксенофонт из Коринфа в 464 г. одержал двойную победу: в беге и в пятиборье (см. Пинд. Олимп. 13).

20. Восстание Фасоса 465—463/2.

21. Имеется в виду союзный совет Делосской симмахии.

22. Традиционной датой землетрясения в Спарте и восстания илотов считается 464 г.

23. Общепринятой датой восстания Египта считается 461/60 г.

24. Часть города Мемфиса.

25. Солдаты морской пехоты.

26. Согласно другой традиции (Фукид. I. 109—110), афиняне потерпели катастрофическое поражение в Египте. Битва у острова Просопитида произошла в 455/4 г.

27. Город в Арголиде, расположенный к югу от Гермियोны. Сражение произошло в 459/58 г.

28. Остров в Сароническом заливе между Эгиной и Эпидавром.

29. Синтеляя — объединение дружественных полисов.

30. Битва у Танагры произошла в 457 г.

31. Энофиты — город в южной Беотии на левом берегу реки Асон. Сражение произошло в 457 г.

32. Закинф — остров и одноименный город, расположенный в Ионийском море южнее острова Кефалении.

33. Китий — родина основателя стоической школы Зенона — был важным финикийским городом на Кипре, на месте древнего города сегодня на-

ходится город Ларнака. Марий, судя по надписям и монетам, был греческим городом, имевшим торговые отношения с материковой Грецией, в частности, начиная с VI в. до н. э. с Афинами.

34. Версия Диодора о сражении на Кипре оказалась смешанной с его рассказом о битве при Эвримедонте (ср. Диод. XI.61—62).

35. Богатейший человек в Афинах. Свое богатство семья Каллия получила, владея рудниками (см. Плут. Арист. I; Герод. VII—154; Ксеноф. О доход. IV.15).

36. Проблема Каллиева мира является одной из наиболее дискуссионных тем в греческой истории V в. (см.: Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 188; Строгоцкий В. М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза/ВДИ. 1991. № 2).

37. Фаселида — портовый город на восточном берегу Ликии. Кианейские острова находились около южного побережья Черного моря, у входа в Гелеспонт.

38. Приена — один из двенадцати ионийских городов в М. Азии, расположенный близ мыса Микале. Война из-за нее началась между Самосом и Милетом в 441 г.

Перевод некоторых надписей, характеризующих внешнюю политику Афин и рост Афинской империи в середине V в до н. э.

I. Афинский декрет о Фаселиде. Датируется около 469—450 гг.

Перевод этого и других декретов осуществлен нами по изданию Мейгса и Льюнса (A Selection of Greek Historical inscriptions to the End of the Fifth Cent. B. C. Ed. by Meiggs R. and Lewis D. Oxford, 1969).

Совет и народ постановили.

Фила Акамандита исполняла обязанности пританов.

/О/насипп был секретарем. Не-

- 5 ...ед председательствовал. Леон заявил: для фаселитов записать решение: если сделка с кем-либо из фаселитов заключена в Афинах,
- 10 то судебная тяжба должна быть в Афинах в суде полемарха¹¹, как и в случае с хиосцами, и ни в каком другом месте; что же касается (исков), возникающих на основе контрактов, заключенных в другом месте (т. е. не в Афинах), то судебные разбирательства должны быть
- 15 в соответствии с имеющимися соглашениями с фаселитами; (апелляционные) жалобы отменить, если же кто-либо из должностных лиц в городе (т. е. не полемарх), вопреки этому (постановлению), будет вести судебное разбирательство против кого-либо из фаселитов, и
- 20 если осудит, пусть приговор считается недействительным. Если же кто-либо нарушит принятое постановление, пусть заплатит 10 тыс.

25 священных драхм² Афин. Пусть секретарь Совета напишет постановление на каменной стеле и установит в городе за счет фаселитов.

II. Афинский декрет об Эритрах. Датируется около 455—450 гг. Совет и народ постановили. ———исполняли обязанности пританов. ...председательствовал. Лисикрат был архонтом³. Установили закон: эритреец обязан привезти на Великие Панафины⁴ хлеба ценой не менее чем на три мины⁵ и раздавать хлеб из Эрита присутствующим.

5 ——— заведующий жертвоприношениями ——— если привезет стоимостью не менее чем на три мины, согласно установленному правилу, жрица должна прикупить хлеба, народ же эритрейцев пусть запишет за собой долг в 10 мин; разрешается также получать хлеб всякому желающему из числа эритрейцев; Совет (эритрейцев) должен быть избран жеребьевкой в составе 120 человек;

10 избранный жребием должен пройти докимасию⁶ в Совете и не может быть членом Совета никакой чужеземец и тот, кто не достиг возраста 30 лет; дважды быть избранным в Совет, быть членом Совета не менее четырех лет; отныне осуществлять выборы посредством жребия и учреждать Совет должны епископы⁷ и фрурарх⁸,

15 относительно прочего решают Совет и фрурарх не менее чем за 30 дней до истечения полномочий прежнего состава Совета; клясться же Зевсом, Аполлоном и Деметрой и призвать проклятия на себя и своих детей в случае, если нарушит клятву; клятва должна сопровождаться сжиганием жертвенного животного, Совет должен принести в жертву корову, если же это не будет соблюдаться, то на членов Совета будет наложен штраф в 1000 драхм и всякий раз, когда демос приносит клятву, пусть сжигает жертвенное животное,

20 пусть Совет поклянется следующим образом я буду принимать решения, насколько возможно мудрые и справедливые в отношении народа эритрейцев, афинян и союзников (их) и не изменю народу афинян и (их) союзникам ни сам я, ни поддавшись убеждению других,

25 и не перебегу к врагам ни сам я, ни будучи убежден кем-либо другим, и никогда не приму никого из беглецов ни сам я, ни побуждаемый другим принять бежавших к мидийцам⁹ без разрешения афинского Совета и народа;

30 и никого из оставшихся не изгоню без ведома афинского Совета и народа; если же какой-либо эритреец убьет другого эритрейца, то он должен быть казнен, если же он будет приговорен к пожизненному изгнанию, то он должен быть изгнан также и с территории афинских союзников и имущество его пусть будет конфисковано в пользу эритрейцев; если же кто-либо схватит того, кто предал город эритрейцев

тиранам, сам должен безнаказанно казнить этого человека и его детей,

- 35 если только они не заявят о дружественном и благожелательном расположении к народу эритрейцев и афинян, имущество казненного должно быть выставлено, половину его пусть получают его дети, другая половина должна быть конфискована; нужно, чтобы афинский фрурарх осуществлял охрану повсюду в Эретрии
- 40Совета 10 человек по одному из каждой филы... .

III. Афинский декрет, касающийся принятия мер, направленных на усовершенствование сбора фороса с союзников. Датируется 40-ми гг.

Боги.

Совет и народ постановили. Фила Энеида выполняла функции пританов¹⁰. Скудий был секретарем.председательствовал.

- 5 Клиний заявил: Совет и архонты в городах и епископы пусть позаботятся, чтобы форос¹¹ собирался каждый год и доставлялся в Афины;
- 10 заключить договор с городами, чтобы невозможно было причинять вред доставке фороса; город же, записав на дощечке форос, который нужно отправить,
- 15 пусть поставит условный знак и отправляет в Афины; курьеры должны передать дощечку в Совет и зачитывать всякий раз, когда передают форос;
- 20 пританы, созвав собрание после Дионисий¹², пусть позволят эллинотамиям¹³ объявить афинянам об уплате полного фороса с городов и, кроме того, долга, если таковой некоторые имели; афиняне, избрав четырех человек, должны послать их в города, выразив письменно недовольство уплатой фороса и потребовав внесения фороса у должников;
- 25 два человека должны отправиться на быстрой триере на Острова и в Ионию, два других — в Геллеспонт и Фракию; пританы должны внести это на рассмотрение Совета и народного собрания тотчас же после Дионисий,
- 30 и пусть союзники совещаются об этом, пока не исполнят то, что от них требуется; если же какой-либо афинянин или союзник будет совершать преступные действия в отношении фороса, который нужно, чтобы города, записав на дощечке для курьеров, послали в Афины, пусть всякому желающему из числа афинян и союзников будет позволено привлечь его к ответственности перед пританами;
- 35 пританы должны внести на рассмотрение Совета жалобу, данную кем-либо, в противном случае каждый из них должен заплатить штраф в 10 тыс. драхм, если же Совет признает справедливым обвинение, он не должен выносить меру наказания, но обязан немедленно передать дело в гелиэю;

когда суд решит, что преступление совершено, пусть пританы постановят, что следует осужденному претерпеть или какой уплатить штраф, также, если кто-либо совершит преступление против отправления (в Афины) коровы или паноплии¹⁴, то пусть против него будет выдвинуто то же обвинение и последует то же наказание;

45 эллинотамии, записав на побеленной дощечке, пусть объявят и норму фороса и города, которые его должны полностью внести, и пусть запишут....

IV. Декрет афинян о Колофоне. Датируется около 447—446 гг. Сттк. 1—36 очень фрагментарны и не поддаются реконструкции

- 37 Пусть секретарь Совета запишет постановление и эту клятву на каменной стеле в городе для пользы колофонян;
- 40 в Колофоне же пусть ойкисты¹⁵ Колофона, записав это постановление и клятву на каменной стеле, выставят ее на агоре для пользы колофонян; пусть же колофоняне поклянутся следующим образом: я буду поступать, говорить и советовать то, что я смогу, прекрасным образом и доброжелательностью
- 45 в отношении народа Афин и их союзников и не предам афинский народ ни словом, ни делом, ни сам я, ни будучи убежден другими, и буду любить афинский народ и не стану перебежчиком, и демократию не разрушу в Колофоне ни сам я, ни поддавшись убеждению других, и не удалюсь в другой город и не подниму тотчас восстание,
- 50 в соответствии же с искренней клятвой буду это соблюдать без обмана и не причиняя ущерба, клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой, и, если нарушу клятву, пусть погибну я сам и род мой навеки, мне же, соблюдающему клятву, пусть наградой будут многие и хорошие блага.

Комментарий

1. Полемарх (в Афинах) — третий из 9 архонтов, стоявший во главе полисного ополчения; впоследствии председательствовал в особом трибунале, разбиравшем дела метеков и иностранцев.

2. Драхма — «горсть»: мера веса=4,366 г.; монета=6 оболам; обол=1/6 драхмы, т. е. 0,728 г.

3. Архонт (в Афинах) — первый из 9 членов коллегии архонтов: архонт-эпоним; второй — архонт-басилевс (царь); третий — архонт-полемарх; остальные 6 — архонты-фесмофеты, т. е. хранители законов; архонты в городах, подвластных Афинам, были должностными лицами, имевшими функции блюстителей порядка в интересах афинского народа.

4. Великие Панафиней — праздник в честь Афины, учрежденный Эрихтоном под именем Афиней и преобразованный Тесеем в Панафиней. Праздник отмечался 28 гекатомбеона (месяц, соответствующий второй половине июля и первой половине августа) третьего года каждой Олимпиады.

5. Мина — мера веса=436,6 г.; мина как денежная единица=100 аттическим драхмам.

6. Докимасия в Афинах — проверка гражданских прав.

7. Епископ — смотритель, блюститель; в афинской империи епископы — политические эмиссары в подвластных Афинам городах.

8. Фрурарх — начальник военного гарнизона.

9. Мидийцы: так стали называть персов после покорения ими Мидии в 550 г.

10. Пританы (в Афинах) — члены коллегии из 50 пританов, т. е. по 5 человек от каждой филы в течение 1/10 части года председательствовали в Совете и Народном собрании; из них по жребию выбирался главный председатель, эпистат, в помощь которому избирались 9 проедров (т. е. председательствующих).

11. Форос — налог, который платили афинские союзники; впервые он был сосчитан и установлен Аристидом в 478 г., когда возникла Делосская симмахия. Он был равен 460 таллантам (1 таллант=60 минам).

12. Дионисии — празднества в честь Диониса Вакха, справлявшиеся четыре раза в году. Великие Дионисии праздновались в месяце элафеболионе, соответствовавшем второй пол. марта — первой пол. апреля.

13. Эллинотамии — афинские должностные лица — сборщики налогов.

14. Паноплия — полное снаряжение тяжеловооруженного воина-пехотинца.

15. Ойкист — основатель города, колонии.

Темы курсовых и дипломных работ

1. Общественно-политический строй и внешняя политика Спарты в VI — нач. V вв. до н. э.
2. Павсаний и обострение политической борьбы в Спарте в 70-е годы V в. до н. э.
3. Реформы Солона и Клисфена как важнейшие этапы становления афинской демократии.
4. Борьба консервативных и радикальных тенденций в афинской демократии первой пол. V в. до н. э.
5. Расцвет афинской демократии при Перикле и усиление олигархической оппозиции.
6. Пелопоннесский союз как инструмент спартанской внешней политики.
7. Возникновение I Афинского морского союза и его превращение в Афинскую империю.
8. Внешняя политика Спарты в период I Пелопоннесской войны.
9. Борьба Афин за господство в Элладе во время I Пелопоннесской войны.
10. Спартанский царь Архидам. Политический портрет.
11. Афино-самосская война в 40-е годы V в. до н. э.
12. Причины и поводы Пелопоннесской войны 431—404 гг. Современные дискуссии и их оценка.

Алфавитный указатель имен и географических названий

- Автаркия (независимость) 65; 150
 Автономия (независимое управление и юрисдикция) 73—76; 87—88; 116—117; 164
 Алкмеониды (старинный афинский род, происходивший из Ахейского Пелопоннеса) 43; 47; 55; 170
 Амбракноты (уроженцы города Амбракии в южном Эпире) 68; 142; 174
 Аминандриды (знатный афинский жреческий род) 34
 Амфиполь (афинская колония во Фракии у реки Стримон) 98; 167—168; 181
 Анакторийцы (уроженцы города в Акарнании) 68; 130—131; 142; 158; 181
 Аргос (главный город Арголиды, расположенной на северо-востоке Пелопоннеса, где в нач. II тыс. до н. э. сложились древнейшие центры элладской культуры Микены, Тиринф, жители Аргоса — аргивяне) 43; 69—70; 79; 104—109; 119—120; 122—126; 138
 Ареопаг (холм в честь Ареса, где заседал древнейший совет в Афинах; члены Ареопага назывались ареопагитами) 45; 49—52; 58
 Аристократия 14; 22; 36; 40; 44; 53—56; 60—61; 81; 100
 Аристотель (греческий философ, ученик Платона, основатель школы перипатетиков, т. е. прогуливающихся в лицее Аристотеля. Годы жизни 384—322 гг. до н. э.) 11; 16; 18—19; 23—24; 31—34; 36; 38—39; 43; 46; 54; 58—59; 99; 159
 Аристид (афинский политический деятель первой пол. V в. до н. э.) 35—44; 55; 57; 78; 81—82; 84; 86
 Аристофан (греческий комедиограф, 444—380 гг. до н. э.) 106—108; 153—154
 Аркадия (горная область в центре Пелопоннеса) 67—68; 101—103
 Архидам (имеется в виду Архидам II из рода Эврипontiдов, спартанский царь 468—426 гг. до н. э.) 110; 125; 183—184
 Архонты (высшая правительственная коллегия в Афинах, состоящая из 9 человек) 37—38; 48; 50; 114; 135—137; 145; 149; 154; 160
 Беотия (область в средней Греции с центром в Фивах) 125—127; 142—143; 151—152
 Беотийцы (жители Беотии) 70; 152
 Беотийский союз (впервые сложился,

- возможно, в VI в., возрождение его от-
носится к середине V в. до н. э.) 126—127
- Битва у мыса Микале в 479 г. — ко-
нец первого периода Греко-персидских
войн. Микале — мыс на Ионийском по-
бережье М. Азии 95
- Битва у Дипеи (в начале 60-х гг.
V в.), в которой спартиаты разбили вос-
ставших аркадян 110
- Битва при Эвримедонте (468/67 г. до
н. э.). Эвримедонт — река в Памфилии 46; 95—96
- Битва у Драбеска (465/464 г.). Дра-
беск — город в Македонии. В этой бит-
ве фракийское племя эдонов истребило
афинских граждан и союзников, пытав-
шихся основать колонию у реки Стри-
мон 98; 167—168
- Битва при Эное (460 г.). Город рас-
положен между Аргосом и Мантинеей.
В этой битве аргивяне с помощью афи-
нян нанесли поражение Спарте 122
- Битва при Кекрюфалии (459 г.). Кек-
рюфалия — остров в Сароническом за-
ливе между Эгиной и Эпидавром. В этой
битве афиняне нанесли поражение пе-
лопоннесцам 123
- Битва у Танагры (ок. 457 г.). Город в
Беотии. В этой битве пелопоннесцы на-
несли поражение афинянам 60; 106—107; 124; 126—130
- Битва при Энофитах (в 457 г. до н. э.).
Энофиты — город в Южной Беотии. В
этой битве афиняне нанесли поражение
беотийцам, находившимся в союзных от-
ношениях со Спартой 125; 127; 142
- Битва при Коронее (ок. 447 г.). Ко-
ронейя — город в Беотии. В этом сра-
жении беотийцы и их союзники нанесли
поражение афинянам и был восстано-
влен Беотийский союз 151—152
- Брея (афинская колония на фракий-
ском побережье) 167—168; 181
- Боспор, «коровий брод» (название
пролива в Черном море) 81; 165
- Византий (город на фракийском бере-
гу Боспора) 27—29; 80—81; 161; 164; 166
- Война: Греко-персидские войны (500—
449 гг. Первый период закончился в 479/8
гг. битвой у м. Микале в М. Азии) 120; 125
- война III Мессенская (около 465/4—
458/7 гг.) 104—111
- война первая Пелопоннесская (460—
446/5 гг.) 112—158
- война Афино-самосская (441/40—
439/8 гг.) 159—166; 173
- война Коринфская (между Коринфом
и Коркирой. (435—432 гг.) 174; 180
- война Пелопоннесская (431—404 гг.) 7; 9; 115; 174—184
- Гегемония 73—74; 81—82; 87; 98; 105; 150
- Гелияз, суд гелиастов (суд присяж-
ных в Афинах в составе 6000 чел.; ге-

лиасты ежегодно переизбирались из числа афинян, достигших 30-летнего возраста, по 600 человек из каждой из 10 фил; гелиэя делилась на 10 секций по 500 чел. в каждой; 1000 чел. оставались в качестве резерва) 24; 52; 114; 147

Геллеспонт (Дарданелльский пролив и малоазийское побережье Дарданелльско-го пролива) 20; 40—41; 78—79; 81; 84—85; 90; 96; 142; 146; 150—151; 164

Геллеспонтюлаки (должностные лица, контролировавшие провоз хлеба из сев. Причерноморья через проливы) 166

Геродот (греческий историк, «отец» истории, уроженец Галликаркаса в Карии, годы жизни ок. 485—424 гг., автор «Историй» в 9 кн.) 9—10; 12—13; 22; 30; 33; 38; 66—67; 84—85; 91—92; 141—142; 170; 178

Герусия, совет старейшин (геронтов) в Спарте 24; 26; 29; 82

Гоплиты, тяжеловооруженные воины-пехотинцы 23; 40; 45

Декреты:

об элевсинских эпистатах (должностных лицах с контролирующими функциями) 51—52

о погибших в сражениях афинянах в 465/64 г. 97

элейские декреты о государственном устройстве Элиды 102—103

об управлении делами в Милете 135

панэллинский декрет Перикла 142

о строительстве Пропилей и Парфенона 144—145; 170

об основании колонии Бреи 167

о расходах на Самосскую войну 164

декрет Клеарха 146—147

декрет Клиния 147

декрет о Колофоне 148

Делос (самый маленький из Кикладских островов в Эгейском море) 84

Дельфийское святилище и Дельфийская амфикифия (союз 12 греческих государств для совместного отправления культа Аполлона и для мирного урегулирования спорных вопросов с центром в Дельфах) 79; 125; 127; 142—143; 157

Дем (часть филы; в Аттике демов было сначала 100, потом 174; по реформе Клисфена они были сведены в 10 фил) 34; 58

Демагог (народный вождь, государственный деятель; с конца V в. этот термин стал приобретать отрицательное значение как своекорыстный искатель народной популярности) 54—57

Демократия 8; 14—15; 18; 31—64; 75; 101—104; 113; 116—117; 119; 135—136; 148; 151; 160; 163; 168

Демос (народ) 22; 55; 58; 78; 117; 127

Демосфен (афинский оратор и государственный деятель, годы жизни 381—322 гг. до н. э.) 139; 144; 169

Диодор, родом из Сицилии, древне-греческий историк эллинистическо-римского периода I в. до н. э. — I в. н. э. 105—106; 121; 172—176

Договоры:

- с Фаселидой 96; 99—100
- с Самосом 163—164
- с Халкидой 153—155
- с Эретрией 154—155
- о тридцатилетнем мире между Афинами и Спартой в 446/45 г. до н. э. 156—158
- Дорийцы (жители Пелопоннеса и других областей с дорическим населением и дорическим диалектом) 118; 133
- Дуализм афиноспартанский (сохранение паритета и разделения сфер влияния между Спартой и Афинами) 13; 17; 27; 98; 100; 118
- Египет 121—122; 129—131; 134; 136—137; 140
- Илоты (государственные рабы Спарты) 21; 105; 107; 116; 119
- Империя Афинская (афинская архэ, образовавшаяся в 454/3 г. и просуществовавшая до 404 г. до н. э.) 16; 120—173
- Инар (сын египетского царя Псаметиха, предводитель ряда ливийских племен, поднявший восстание против персов в 461 г. до н. э., был схвачен и казнен в 455 г.) 121—122
- Иония (западное побережье М. Азии между Карией на юге и Эолидой на севере, населенное ионийцами) 47; 77—78; 85; 90—91; 118; 133
- Исократ (афинянин, один из 10 крупнейших аттических ораторов, 436—338 гг.; окончил жизнь самоубийством после того, когда Филипп II Македонский разбил афинские и беотийские войска в битве при Херонее в Беотии в 338 г.) 11; 139—141
- Ифома (гора в Мессении, где скрывались илоты) 107—108; 119
- Италия 165; 180
- Каллий (представитель знатного афинского рода, связанного с Элевсинскими мистериями; при его посредничестве был заключен Каллиев мир с персами в 449 г.) 55; 139—141; 144; 150
- Кария (страна на юго-западе М. Азии) 146; 161—162
- Керики (жреческий афинский род) 34; 37; 43
- Кимон (сын Мильтиада, победителя персов при Маратоне и фракийской царицы Гегесипилы, род. в 504 г. до н. э. афинский полководец, разбивший в 469 г. на реке Эвримедонт в Памфилии флот и сухопутную армию персов, поддерживавший аристократический институт) 26; 42; 44—49; 54—58; 60—61; 78; 82; 95—96; 101—111; 118—119; 126; 127; 131; 134; 138
- Кипр (остров в Восточной части Средиземного моря, к югу от Киликии и к западу от Сирии) 27; 80; 85; 122; 140

- Клеомен (царь Спарты из рода Агиадов, правил с 520 по 491 г. до н. э.; содействовал изгнанию тирана Гиппия из Афин и поддерживал Аристагора и его аристократических сторонников против Клизфена) 26; 70—72; 101
- Клеон (кожевник, политический противник Перикла и его преемник, лидер радикально настроенных афинских граждан, активный сторонник продолжения Пелопоннесской войны, погиб под Амфилолем в 422 г.) 48; 116
- Клер (жребий, надел) 21
- Клерухи (афинские колонисты, военные поселенцы на территориях, подчиненных Афинам полисов) 149—150
- Клизфен (афинский демократический лидер из рода Алкмеонидов) 15; 18; 31—35; 37; 47; 55
- Колонизация 15; 20; 32; 47; 149—150
- Коринф (город на севере Пелопоннеса, один из привилегированных пелопоннесских союзников Спарты) 69—71; 76—77; 80; 102; 106; 108—110; 115—116; 120; 124; 161; 180—181
- Кружок Перикла (окружение Перикла, состоящее из интеллектуально-мыслящих людей: Фидий, Аристагор, Гипподам из Милета и др.) 56—59
- Ксантип (отец Перикла) 40; 78
- Ксеркс (персидский царь, 485—465 гг. до н. э.) 28; 121
- Левкада (остров с одноименным городом у сев. побережья Акарнании) 68
- Лемнос (остров в сев. части Эгейского моря, традиционный союзник афинян) 150; 160
- Леотихид (спартанский царь из рода Эврипontiдов, 491—469 гг. до н. э.) 78—79; 100
- Лесбос (остров у берегов Миссии с главным городом Митилены) 87; 97; 161—162
- Ликомиды (афинский жреческий род, к боковой ветви которого принадлежал Фемистокл) 36
- Ликург (сын царя Эвнома, спартанский законодатель, живший в IX или VIII в. до н. э.) 20; 37
- Локрийцы (жители Локриды: Опунтийской на южном побережье Эвбейского залива и Озольской на северном побережье Коринфского залива) 67—68; 70; 127; 152; 158
- Македония (страна между Эпиром и Фракией) 164; 166
- Мантиня (город в восточной Аркадии, член Пелопоннесского союза) 75; 102; 108; 110; 122
- Мегары (главный город Мегариды, ставший объектом споров между Спартой и Афинами накануне Пелопоннесской войны 431—404 гг.) 61; 70; 76; 80; 108; 120—126; 141; 152—153; 174; 177; 182
- Мессения (область в юго-западной части Пелопоннеса, завоеванная Спартой в VIII—VII вв. до н. э.; жители-мессенцы, в основном дорийского происхождения)

- ния, превращены Спартой в илотов и перизков) 21; 71; 105—107; 128
- Милет (крупнейший торгово-ремесленный и культурный центр в Ионийской части М. Азии) 134—137; 148—149; 160
- Мольпы (жреческая коллегия в Милете) 135
- Мора (отряд лакедемонской пехоты численностью от 400 до 900 чел. Деление спартанского войска на моры отменило прежнюю систему построения по обам. Это произошло в середине V в. после землетрясения и подавления восстания илотов и мессенцев) 110
- Навпакт (приморский город в Локриде Озольской, захваченный Афинами во время первой Пелопоннесской войны в 456/55 г.) 106—107
- Наксос (самый крупный из кикладских островов в Эгейском море) 94; 99; 150
- Никий (сын Никерата, афинский государственный деятель и полководец времен Пелопоннесской войны (431—404 г. Казнен в Сицилии в Сиракузах в 413 г.) 13
- Ойкист (основатель города, колонии) 148; 167
- Олигархия 15; 18—19; 24; 30; 36; 61; 64; 75; 116; 135; 152
- Остракизм (изгнание опасных для государства и общества должностных лиц) 39; 43; 50; 63; 118
- Павсаний (спартанский полководец, победитель при Платеях в 479 г., казнен спартанскими властями в 476 г.) 26—30; 42; 79—81; 97; 100; 125
- Павсаний (греческий писатель II в. н. э., автор сочинения «Описание Эллады») 67; 106
- Пеллена (город в восточной Ахайе, входил в Пелопоннесский союз) 68; 70; 116
- Пентеконтаэтия (эпоха пятидесятилетия в Греции: 478—431 гг. — период расцвета греческих полисов) 7—10; 12—13; 15—16; 88; 128
- Перикл (выдающийся афинский политический деятель, сын Ксантиппа из рода Алкмеонидов, умер в 429 г. до н. э.) 145; 151—153; 156; 160—166; 168—173; 176—177; 181
- Перизки (свободное неполноправное население в спартанском государстве) 21; 110
- Персия, персы 45—46; 77—80; 82; 85; 90—93; 95—96; 98; 100; 118; 121; 129—130; 132; 134; 136; 138—142
- Пилагоры (делегаты от государств, членов Дельфийской амфикионии, участвующие в общих собраниях амфикионии в Пилах) 79
- Пиндар (греческий поэт, уроженец Фив, прославивший в своих одах олимпийских победителей, годы жизни 522—442 гг. до н. э.) 61
- Пирей (афинская гавань) 38
- Писистрат (афинский тиран, основатель династии Писистратидов, годы жизни 561/60—528/27 гг. до н. э.) 46; 53—54; 94
- Платон (древнегреческий философ,

- ученик Сократа, основатель Академии, 427—347 гг. до н. э.) 31; 58—59; 61
- Плутарх (греческий писатель, фило-12—14; 30; 37; 39; 47—48; 53—54; соф-моралист и биограф II в. н. э.) 57—58; 61; 67; 81; 96; 122; 150—154; 159; 170; 174
- Полемарх (военачальник) 99; 110
- Понтийская экспедиция Перикла (экспедиция к Черноморскому побережью) 164—166
- Потидея (коринфская колония на перешейке полуострова Палена на Халкияде) 167; 174—180
- Простасия, простат (лидерство, предводитель народа) 54—56
- Псевдо Ксенофонт (неизвестный автор V в. до н. э., написавший трактат «Афинская политика», близкий по стилю к сочинениям Ксенофонта) 11; 61—62; 100; 106
- Прасии (естественная гавань Афин и дем Аттики) 38
- Причерноморье (один из районов греческой колонизации) 163—166
- Рационализм (происходит от латинского слова ratio — разум, т. е. учение о разумном — важнейшая черта античной цивилизации) 14; 56
- Самос (остров у Ионийского побережья М. Азии) 77; 147; 159—168
- Сест (город на гелеспонтском побережье Херсонеса Фракийского) 78; 81
- Сикион (город на севере Пелопоннеса, входивший в Пелопоннесский союз) 69—71; 76; 130
- Синоикизм (объединение нескольких общин в один город) 102
- Сиракузы (город в Сицилии, колония Коринфа) 165—166; 180
- Сицилия 165—166; 172; 180—181
- Скирос (остров, расположенный к северо-востоку от Эвбеи) 93
- Собственность античная 19—21; 24; 117
- Солон (афинский поэт и законодатель, один из «семерых мудрецов», ок. 638—559 гг. до н. э.) 18; 31; 34; 58
- Софокл (греческий трагик, годы жизни 496—406 гг. до н. э.) 131; 161; 173

Союз:

I Афинский морской союз, оформился к концу 60-х гг. V в. до н. э. 8—9; 14—15; 64—65; 77—100; 112—114; 117—119; 122—138; 141—142; 147; 150; 152—159; 182

Делосский морской союз (симмахия), возник в 478 г. до н. э. 77—100; 112; 131—134; 159

Пелопоннесский союз, оформился в середине VI в. до н. э. 8; 64—77; 83; 86; 89—91; 101; 105; 110; 116; 156—157; 180—183

Эллинский союз 481 г. объединил патристически настроенных эллинов против персов 39—41; 45; 77—85; 104

Списки афинские налоговые (списки городов, входивших в Афинский союз, которые ежегодно платили в казну Афины 1/60 часть от суммы налога. Эти

списки стали создаваться и выставляться на агоре с 454 г.) 10—11; 132—135; 163—164

Стелы аттические (группа надписей, сообщавших о продаже с аукциона собственности Алкивиада и других людей, осужденных в 415/14 г. по обвинению в осквернении Герма и профанировании элевсинских мистерий) 155

Стратеги (коллегия из 10 стратегов, по одному от каждой филы, переизбиравшиеся ежегодно, ведали всеми военными делами; в военное время одни из них командовали вооруженными силами, другие продолжали исполнять свои обязанности в Афинах) 40; 42; 46; 48; 151

Сфенелаид (спартанский политический деятель, эфор, сторонник объявления войны Афинам в 431 г.) 183—184

Тинагра (город в юго-восточной Беотии) 60; 107

Тегея (город в юго-восточной Аркадии, ставший одним из первых спартанских союзников) 68; 71; 76; 80; 102—103

Толмид (афинский полководец, павший в битве при Коронее в 447/6 г. до н. э.) 60; 151

Триера (судно с тремя рядами гребцов) 39; 86

Фалер (старый афинский порт и дем в Аттике) 38

Фасос, фасосцы (остров в Эгейском море у побережья Фракии с одноименным городом) 97—99; 111

Фемистокл (сын Неокла и фракиянки Абротоны, род. около 520 г., афинский полководец и государственный деятель морского могущества Афин, организатор победы при Саламине в 480 г. до н. э.) 26; 35—45; 52; 55; 57; 60; 79—80; 91; 101—104; 117—118; 122—125

Фессалия (страна на северо-востоке Эллады) 41; 47; 79; 93; 119; 122; 125; 128

Фидий (знаменитый греческий скульптор 490—432 гг. до н. э.) 175

Фивы (главный город Беотии) 41; 79; 127; 138

Филаиды (знатный афинский род, к которому принадлежали Клемон, Фукидид) 43; 47

Фокида (область в средней Греции, жители — фокидяне) 68; 70; 125; 143; 152; 158

Форос (налог, взимаемый афинянами с их союзников) 11; 62; 86; 88; 95; 128; 131—135; 137; 143—144; 147—148; 150; 160; 164

Фракия 47; 92—93; 98

Фукидид (греческий историк, сын Олора, ок. 465—399 гг. Автор Истории Пелопоннесской войны, довел изложение до 411/10 г. до н. э.) 9—13; 16; 27—30; 44; 52—54; 61; 63; 66—67; 69; 72—76; 78; 81—88; 131; 133

Фукидид, сын Мелесия, афинский политический деятель, противник Перикла 60—63; 175

Херсонес (Фракийский, ныне по-в Галлиполи)	97; 150
Хиос (остров у берегов Ионии с городом того же названия)	87; 97; 159—161

Цари:

Македонии	47
персов	84—85; 120; 122; 129
спартанцев	26; 110; 125
Эвбея (самый большой остров Эгейского моря, расположенный вдоль побережья южной Фессалии, Беотии и Атики)	142; 150—156
Эвмолпиды (афинский жреческий род)	34
Эгина (остров в Сароническом заливе, противник Афин в VI — нач. V вв. до н. э.)	37—38; 61; 80; 83; 91; 115; 123—124; 126—128
Эйон (портовый город во Фракии на берегу р. Стримон)	92—93
Эдоны, фракийское племя	98
Элида (северо-западная область Пелопоннеса, жители — элейцы)	68; 71; 76; 101—103; 116
Эллинотамии — сборщики налогов в I Афинском морском союзе	86
Эолийцы — одна из ветвей греческой народности	77
Эпидавр (город в Арголиде)	70; 123—124
Эпидаман (город в Иллирии, колония Коринфа и Коркиры)	179—180
Эпифора — дополнительный налог	168
Эсхин (афинский оратор, противник Демосфена, 389—314 гг. до н. э.)	67; 127
Эсхил (греческий трагик, годы жизни 525—456 гг. до н. э.)	50; 57
Эретрия (город на острове Эвбея)	133; 154—155
Эритры (город в Беотии)	134; 136—137
Эфиальт (афинский реформатор и политический деятель, современник Перикла, в 461 провел реформу Ареопага, был убит в этом же году)	26; 48—51; 55; 58; 60; 108; 119
Эфоры (коллегия из 5 человек в Спарте, осуществлявшая контроль над всеми гражданами, включая и царей; избиралась на год из всех спартиатов)	23—26; 29—30; 67; 82; 104; 184

Список источников и литературы

I. Источники

1. *Aristotelis* Πολιτεία Αθηναίων. Ed. Fr. Blass. Lipsiae, 1982.
2. *Аристотель*. Афинская полития/Пер. С. И. Радцига. М.-Л., 1982.
3. *Aristotelis*. Politica/Rec. O. Immisch. Lipsiae, 1929.
4. *Аристотель*. Политика//*Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., Т. 4. С. 376—644; 759—773.
5. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Cent. B. C. Ed. by M. N. Tod. 2 ed. Oxford, 1946.
6. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Cent. B. C. Ed. by Meiggs R. and Lewis D. Oxford, 1969.
7. Meritt B. D., Wade-Gery H. T. and McGregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Vol. I—IV. Cambridge; Mass. Princet., 1939, 1949—1953.
8. *Diodorus Siciliotes*. Bibliotheca Historica/Rec. Fr. Vogel et C.Th. Fischer. Vol. I—V. Lipsiae, 1888—1906.
9. *Herodotus*. Historia. Vol. I—V/Erkl. von H. Stein. Berlin, 1887—1894.
10. *Геродот*. История/Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888. Т. I—II.
11. *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historikar. Bd. I—II. ABC. Berlin, 1923—1930.
12. Die Staatsvertrage des Altertums. Herausgegeben. Von H. Bengtson. Bd. 11. Die Vertrage der griechisch-romischen Welt von 700 bis 338 V. Chr. München, 1962.
13. Pausanias. Graeciae descriptio. Vol. I—III/Ed. Graeca emendavit, apparatus criticum adiecit. H. Hitzig. Berlin, 1896—1910.
14. *Павсаний*. Описание Эллады/Пер. С. П. Кондратьева. М.-Л., 1938 — 1940. Т. I—II.
15. *Platonis*. Opera/Rec. I. Burnet. Vol. I—V. Oxonii, 1952—1954.
16. *Платон*. Соч.: в 4-х т./Под ред. В. Ф. Асмуса и А. Ф. Лоцева. М., 1968—1972.
17. *Plutarchi*. Heronensis Moralia/Rec. C. N. Bernardakis. Vol. I—VII. Lipsiae, 1888—1896.
18. *Plutarchi*. Heronensis Vitae parallelae. Vol. I—IV/Rec. Cl. Lindskog et K. Ziegler. Lipsiae, 1914—1935.
19. *Плутарх*. Избранные биографии/Пер. С. Я. Лурье. Л., 1941.
20. *Strabo*. Geographica/Rec. A. Meineke. Lipsiae, 1866—1867. Vol. I—III.
21. *Страбон*. География/Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
22. *Thucydides*. Historia. Vol. I—III/Erkl. von J. Classen. Berlin, 1862—1876.
23. *Фукидид*. История/Пер. Ф. Г. Мищенко в перераб. С. А. Жебелева. СПб., 1915. Т. I—II.
24. *Xenophonis*. Scripta minora/Rec. L. Dindorfius. Lipsiae, 1912. Vol. II.
25. *Ксенофонт*. Сочинения в 5-ти вып./Пер. Г. А. Янчевецкого. Вып. 5.: Мелкие статьи. Ревель, 1895.

II. Литература

- I. Отечественная и переведенная на русский язык
 - а) книги
 1. Античная Греция. Проблемы развития полиса/Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983; Т. II. Кризис полиса. М., 1983.
 2. Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.
 3. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.
 4. Бузескул В. П. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889.

5. Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб, 1909.
 6. Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху. М., 1916.
 7. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
 8. Доватур А. И. Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э./Под ред. А. Нейхардт. Л., 1980.
 9. Историография античной истории/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.
 10. Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
 11. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография/Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева. М., 1980.
 12. Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444—425 гг.; до н. э. Минск, 1974.
 13. Куторга М. С. Персидские войны. Критические исследования. СПб., 1858.
 14. Куторга М. С. Собр. соч. Т. II: Афинская гражданская община по известиям эллинических историков. СПб., 1896.
 15. Ленин В. И. Крах II Интернационала//Полн. собр. соч. Т. 26. С. 224.
 16. Ленин В. И. Первое мая и война//Полн. собр. соч. Т. 26. С. 372—375.
 17. Лурье С. Я. История Греции. Ч. 1: С древнейших времен до образования Афинского морского союза. Л., 1940.
 18. Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947.
 19. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.
 20. Маркс К. Критика политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 465.
 21. Строгоцкий В. М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии: Учеб. пособие//ГГУ. — Горький, 1987.
 22. Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. Л., 1964.
 23. Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981.
 24. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
 25. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982.
- б) статьи в журналах и периодических изданиях*
1. Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса//Вестник ЛГУ. 1973. Вып. 2. № 218: История, язык, литература.. С. 48—56.
 2. Доватур А. И. Фукидид и мегарская псефизма Перикла//ВДИ. 1982. № 1. С. 129—134.
 3. Зайцев А. И. Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности)//Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. труд./ЛГУ. — Л., 1983. С. 23—28.
 4. Карпюк С. Г. Клизфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах//ВДИ. 1986. № 1. С. 17—35.
 5. Лурье С. Я. О фашистской идеализации политического режима древней Спарты//ВДИ. 1939. № 1. С. 98—106.
 6. Лурье С. Я. Эксплуатация афинских союзников//ВДИ. № 2. С. 13—27.
 7. Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте//ВДИ. 1968. № 1. С. 126—138.
 8. Паршиков А. Е. Аристотель (Ath. Pol. 23.5) и организация Первого Афинского морского союза//ВДИ. 1971. С. 76—88.
 9. Строгоцкий В. М. Клизфен и Алкмеониды//ВДИ. 1972. № 2. С. 99—106.
 10. Строгоцкий В. М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза//Из истории античного общества: Межвуз. сб. труд./ГГУ. — Горький, 1975. С. 3—18.
 11. Строгоцкий В. М. Дниодор Сицилийский о политических процессах против Фемистокла и Павсания. Перевод и историко-критический комментарий (Diod. XI. 39—47; 54—59)//Из истории античного общества: Межвуз. сб. труд./ГГУ. — Горький, 1979. С. 3—28.

12. *Строгецкий В. М.* Павсаний и политическая борьба в Спарте в 70-е гг. V в. до н. э. // Проблемы античной государственности: Межвуз. сб. труд./ЛГУ. — Л., 1982. С. 60—85.

13. *Строгецкий В. М.* Панэллинский союз 481 г. против персов (возникновение и структура) // Социальная структура античного общества: Межвуз. сб. труд./ЛГУ. — Л., 1982. С. 45—75.

14. *Строгецкий В. М.* К оценке афино-спартанского соперничества в V в. до н. э. (70-е гг.) // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного мира: Межвуз. сб. труд./ЛГУ. — Л., 1984. С. 20—31.

15. *Строгецкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней современной историографии // ВДИ. 1984. № 4. С. 114—128.

16. *Строгецкий В. М.* Истоки афино-спартанского соперничества // Проблемы политической истории античного общества: Межвуз. сб. труд./ЛГУ. — Л., 1985. С. 28—43.

17. *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. труд./ЛГУ. — Л., 1983. С. 6—22.

2. Иностранная литература

а) книги

1. *Beloch K. J.* Die Attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884.

2. *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. 1 (1—2); II (1—2) 2 nd Ed. Strassburg; Berlin; Leipzig, 1912—1927.

3. *Bengston H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 4 durchges. und erg. Aufl. München, 1969.

4. *Bowra C. M.* Periclean Athens. N.-J., 1971.

5. *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. III. Teil. I: Die Pentekontaetia. Gotha, 1897.

6. *Busolt G.* Griechische Staatskunde 3 neugest. Aufl. Hälfte 2. Darstellung einzelner Staaten und zwischenstaatlichen Beziehungen/Bearb. von H. Swoboda. München, 1926. S. 663—1590.

7. *Brandhofer P. J.* Untersuchungen zur athenischen west Politik im Zeitalter des Perikles. Inaug. Diss. Erlang. München, 1971.

8. *Cartledge P.* Sparta and Lakonia: A regional History 1300—362 B. C. L., 1979.

9. *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth Century Athens. Princet., 1971.

10. *Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600—300 B. C. Oxford, 1971.

11. *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. Greek History and Civilisation during the Sixth and Fifth Centuries B. C. L., 1968.

12. *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen 2 erw. Aufl. Zurich, 1965.

13. *Finley M. I.* Economy and Society in Ancient Greece/Ed. by *Show B., Saller R. P.* N.-J., 1982.

14. *Forrest W. G.* The Emergence of Greek Democracy. The Character of Greek Politics, 800—400 B. C. L., 1966. — 254 p.

15. *Forrest W. G.* A History of Sparta 950—192. B. C. L., 1969.

16. *Frost F. W. J.* Plutarch's Themistocles. A Historical Commentary. Princet., 1980.

17. *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I—V. Oxford, 1966—1981.

18. *Hammond N. G. L.* The Classical Age of Greece. L., 1975.

19. *Hignett C.* A History of Athenian Constitution to the End of the Fifth Cent. B. C. Oxford, 1962.

20. *How W., Wells J.* A Commentary on Herodotos. Vol. 1—2. Oxford, 1912; 1957.

21. *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. L., 1969.

22. *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972.

23. *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums Bd. IV. Das Perserreich und die Griechen, 1: Bis zum Vorabend des peloponnesischen Krieges, 3 verb. Aufl. Stuttgart, 1939,

24. *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971.
25. *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenian Politeia. Oxford, 1981.
26. *Sealey R. A.* A History of the Greek Citystates, ca 700—338. B. C. Berkeley., 1976.
27. *Ste Croix G. E. M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972.
28. *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I—III. Stockholm, 1965—1978.
29. *Will Ed.* Le monde grec et l'Orient. T. 1. le V siècle (510—403). P., 1972.
30. *Woodhead A. G.* Thucydides on the Nature of Power. Cambridge, 1970.
- б) статьи в журналах и периодических изданиях
1. *Andrewes A.* The Opposition to Pericles//JHS. 1978. Vol. 98. P. 1—5.
2. *Andrewes A.* Thucydides on the Causes of War//CIQ. 1959. Vol. IX. P. 223—239.
3. *Balcer J. M.* Separatism and Antiseparatism in the Athenian Empire 478—433. B. C.//Historia. 1974. Bd. 33. P. 21—39.
4. *Bengtson H.* Themistokles und die delphische Amphiktyonie//Eranos. 1951. Bd. 49. S. 85—92.
5. *Cloché P.* La politique extérieure d'Athènes de 462 à 454 av. J. C.//L'Antiquité classique. 1942. T. XI. P. 25—39; 213—233.
6. *Cloché P.* Périclès et la politique extérieure d'Athènes entre la Paix de 446—445 et les préludes de la guerre du Péloponèse//L'Antiquité classique. 1945. T. 14. P. 93—125.
7. *Frost F. J.* Perikles, Thucydides, son of Melesias and Athenian Politics before the War//Historia. 1964. Bd. 13. P. 385—399.
8. *Hammond N. G. L.* Origins and Nature of the Athenian Alliance of 478/7 B. C.//JHS. 1967. Vol. 87. P. 39—57.
9. *Holladay A. J.* Sparta's Role in the First Peloponnesian War//JHS. 1977. Vol. 92. P. 54—63.
10. *Kiechle F.* Athens Politik nach der Abwehr der Perser//HZ. 1967. Bd. 204. S. 265—304.
11. *Mattingly H. B.* The Growth of Athenian Imperialism//Historia. 1963. Bd. 12. P. 257—273.
12. *Mattingly H. B.* Periclean Imperialism//Ancient Society and Institutions. Stud. Pas. to V. Ehrenberg. Oxford, 1966. P. 193—223.
13. *Meyer H. D.* Vorgeschichte und Grundung des delisch-attischen Seebundes//Historia. 1963. Bd. 12. S. 405—446.
14. *Meyer H. D.* Thukydidés Melesion und die oligarchische Opposition gegen Perikles//Historia. 1967. Bd. XVI. S. 141—154.
15. *Pecirka J.* Athenian Imperialism and the Athenian Economy//Eirene. 1982. T. 19. P. 117—125.
16. *Quinn T. J.* Thucydides and Unpopularity of the Athenian Empire//Historia. 1964. Bd. 13. P. 257—266.
17. *Raubitschek A. E.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias//Phoenix. 1960. Vol. 14. P. 81—95.
18. *Raubitschek A. E.* The Peace Policy of Perikles//AJA. 1966. Vol. 70. P. 37—41.
19. *Rowlings H. R.* Thucydides on the Purpose of the Delian League//Phoenix. 1977. Vol. 30. P. 1—8.
20. *Ruschenbush E.* Ephialtes//Historia. 1966. Bd. 15. S. 369—376.
21. *Sealey R.* Ephialtes//CIPh. 1964. Vol. 59. P. 11—22.
22. *Sealey R.* The Origin of the Delian League//Ancient Society and Institutions. Stud. Press to V. Ehrenberg. Oxford, 1966. P. 233—255.
23. *Sealey R.* The Causes of the Peloponnesian War//CIPh. 1975. Vol. 70. P. 89—109.
24. *Schachermeyer F.* Das Pericles Bild bei Thukydidés//Antike und Universalgeschichte. Munster. 1972. S. 171—200.
25. *Ste Croix G. E. M. de.* Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire//CIQ. 1961. Vol. 11. P. 94—112.

26. *Ste Croix G. E. M. de.* Character of the Athenian Empire//*Historia*, 1954/55. Bd. III. P. 1—41.

27. *Strassburger H.* Thukydides und die politische Selbstdarstellung der Athener//*Hermes*. 1958. Bd. 86. S. 17—46.

28. *Westlake H. D.* Thucydides and the Peutekontaetia//*ClQ*. 1955. Vol. 5. P. 53—67.

Список сокращений

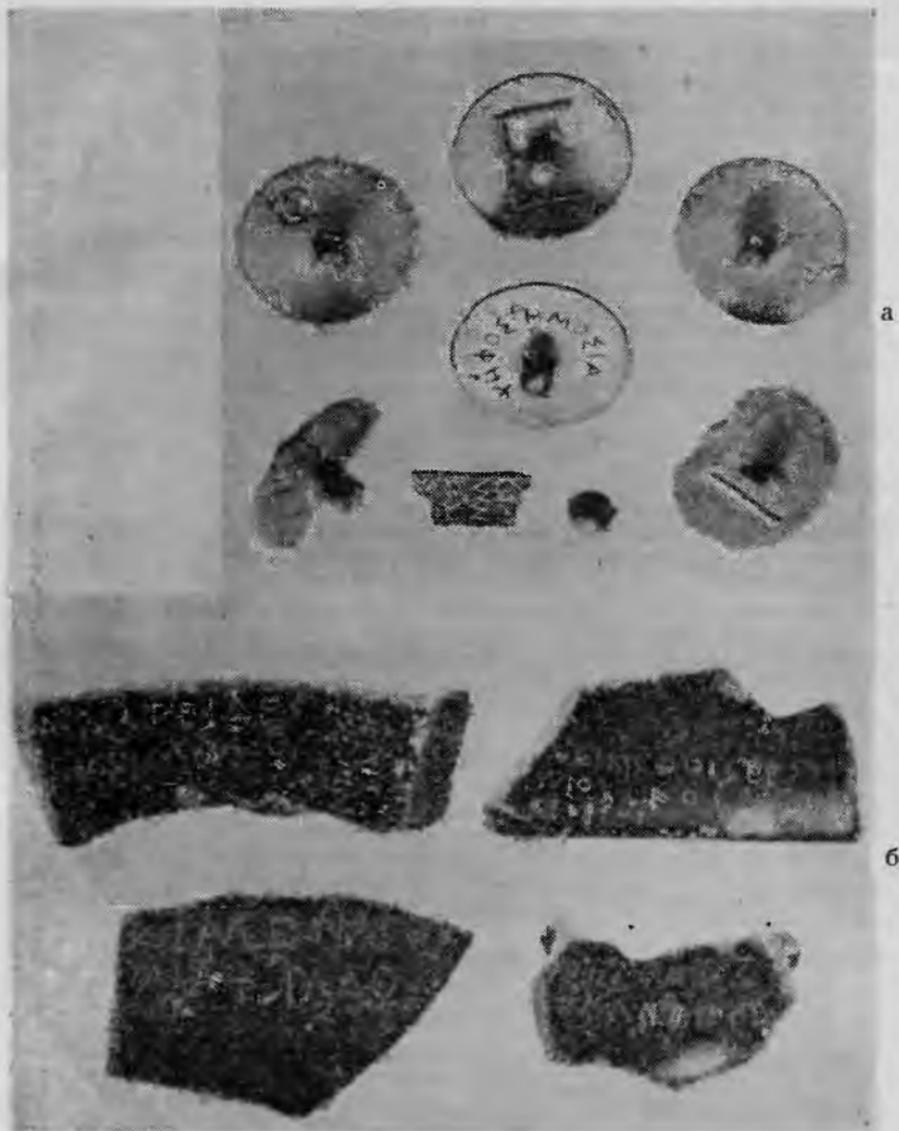
- A Ant Hung — Acta antiqua Academia Scientiarum Hungaricae. Budapest.
ABSA — Annual of the British School at Athens. London.
AHR — American Historical Review. Washington.
AJA — American Journal of Archaeology. New York.
AJPh — American Journal of Philology. Baltimore.
AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
BDU — Вестник древней истории. Москва.
CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge.
CIPh — Classical Philology. Chicago.
CIQ — Classical Quarterly. Oxford.
CSCA — California Studies in Classical Antiquity. Berkeley.
FGrHist — Die Fragmente der griechischen Historiker von F. Jacoby. Berlin.
GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham.
HSPH — Harvard Studies in classical Philology. Cambridge.
HZ — Historische Zeitschrift. München.
IG — Inscriptiones Graecae.
JHS — Journal of Hellenic Studies. London.
PRIA — Proceedings of the Royal Irish Academy. Dublin.
REA — Revue des Etudes Anciennes. Paris.
REG — Revue des Etudes Grecques. Paris.
RIDA — Revue internationale des Droits de L'Antiquité.
RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. Torino.
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum.
TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association Middletown.
R—E — Real — Encyclopedie. Stuttgart.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.

Перикл, сын Ксантиппа, афинянин

Афинская серебряная монета (тетрадрахма) 440—430 гг. до н. э.

а. Инвентарь демократии V—IV вв. до н. э. Бронзовые кружки, являвшиеся общественными баллотировочными шарами

б. Острака, найденные на афинской агоре, использовались для начертания на них имен тех афинских граждан, которых желали подвергнуть остракизму, т. е. изгнанию из Афин на 10 лет путем всенародного голосования черепками. На фотографии изображены черепки с процарапанными на них именами выдающихся афинских политиков V в. до н. э. — Аристиды, Фемистокла, Кимона и Перикла

Сцена прощания воина, отправляющегося в поход, на афинском черно-лаковом сосуде ок. 450 г. до н. э.

Храм Гефеста в Афинах

Эрехтейон, храм Эрехтея, правителя Аттики, на афинском акрополе

СТРОГЕЦКИЙ Владимир Михайлович

ПОЛИС И ИМПЕРИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Учебное пособие

Научный редактор *Е. В. Кузнецов*

Редактор *Т. В. Тутуркина*

Художник *Ю. Б. Подольский*

Корректор *Н. А. Аркунова*

Темплан Минобразования РСФСР 1991 г., поз. 33

Сдано в набор 27.05.91. Подписано в печать 05.11.91. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,25. Усл. кр.-отт. 15,2. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 1000 экз.
Заказ 3072. Цена свободная.

Нижегородский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт им. М. Горького.
603600, Н. Новгород, ГСП-37, ул. Ульянова, 1.

Дзержинская типография Нижегородского областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Дзержинск, проспект Циолковского, 15.